

"Принц Волков", роман Дейва Гросса, был выпущен в августе 2010 года. Это первый роман серии Pathfinder Tales. Аудиокнига, озвученная Полом Боэмером, была выпущена студией Audible в октябре 2015 года.

Голоса во тьме

Для полуэльфа Следопыта Вариана Джеггара и его дьявольского помощника Радована все редко бывает таким, каким кажется. Но даже не самый известный дуэт криминалистов оказался не готов к тому, что они обнаруживают, когда поиски пропавшего Следопыта приводят их в окутанные туманом горы готического Усталава. Столкнувшись со всех сторон с интригами знати, загадочными местными жителями и смертоносными ночными тварями, Вариан и Радован должны использовать как меч, так и заклинания, чтобы докопаться до источника странных слухов и раскрыть тайну невообразимых масштабов. Но чтобы завершить это дело, потребуется нечто большее, чем просто разгадать тайну, ведь некая теневая фигура приняла к сведению расследование этой пары и намерена сделать все, чтобы ни один из них не выбрался из Усталава живым...

Pathfinder Tales

Книга первая.

Круг полыхнул серебром.

Полупрозрачная стена света поднялась и окружила меня, огонь и Драгоса.

Он бросился вперед, смещаясь и расплываясь по кругу. Прежде чем я успел коснуться рукоятки ножа, он резко ударил меня по ногам. Я тяжело упал на землю. Он остановился на краю круга. Там, где его шерсть коснулась барьера, она зашипела от священной силы.

Я метнулся в одну сторону, но перекатился в противоположную сторону, через огонь. Костер был не настолько горячим, чтобы я мог получить еще одну атаку больших и уродливых когтей, но это движение обмануло Драгоса. Он пронесся мимо меня, рыча и пуская из пасти потоки слюны. Я почувствовал запах его прогорклого дыхания, когда он проносился мимо. Затем я поднялся на ноги, держа в руке свой большой нож.

Он притворился, что прыгает, но я предвидел это и отступил за круг. Между мной и барьером оставалось несколько футов. Увидев, что он сделал с оборотнем, я не хотел испытывать его силу на адских тварях. Даже если бы он не причинил мне вреда, я бы не хотел оказаться за пределами круга, где, по словам Азры, вся стая могла бы устроить побоище. Думаю, оборотни это знали, хотя я и не перевел им эту часть ее послания.

Драгос снова трансформировался. В одну секунду он был огромным лесным волком. В следующую секунду он стал человеком-волком, ростом в шесть футов, руки превратились в острые как бритва когти. Его руки были на расстоянии не менее двух футов от моего ножа. Я пожалел, что никогда не брал у босса уроки боя на мечах.

Принц волков

Дэйв Гросс

Пролог

Радован проснулся в кромешной тьме. Это не сон.

Он лежит на животе, рот заполнен чесночной массой. Он задыхается, когда выталкивает противный комок языком. Его руки зажаты за спиной, большие пальцы связаны грубой бечевкой. Он чувствует запах соснового сока, а его правая щека липкая в том месте, где она прижимается к полу. Палуба?

Агония бурлит по всему телу, ударяет в череп, грохочет вдоль позвоночника, глубоко вонзается в оба плеча, отдается в коленях и голених. Волна тошноты накатывает на него, и он не может отличить укачивание от движения. Как он смог так быстро вернуться на корабль? Это не сон.

Он скользит вправо, его больное плечо прижимается к стене. Он выгибает спину, и его голова касается другого барьера в нескольких дюймах от него. Он пытается поднять колени, но его ягодицы ударяются о тот же низкий потолок. Неужели он в подполе? Он поворачивается налево, и пол движется вместе с ним. Приглушенный голос за стенами, окружающими его, кричит что-то вроде: "Дьявол жив!". Радован не уверен в точности слов. Его варисский язык все еще шаток, но он понимает, что находится в ящике.

В гробу.

"Живой!" - кричит он, но его язык немеет от чеснока, который растворялся у него во рту неизвестно сколько времени, прежде чем он его выплюнул.

"Выпустите меня!" - думает он.

Гроб сильно сдвигается в одну сторону, затем шатается, и мужчины ставят его на землю, все еще перевернутого. Голоса спорят, и Радован может разобрать лишь несколько слов: "мертвый жив", "мертвый не мертв", "дьявол" и "проклятие" или что-то в этом роде. Секунду он размышляет, почему он лежит лицом вниз, другую - почему его большие пальцы связаны. Затем он сосредотачивает свой ум на том, что с этим делать.

Он снова поднимает колени, стараясь не обращать внимания на тошнотворную боль, и толкает крышку гроба. Гвоздь гроба скрипит, но он почти не сдвигается с места. Для опоры не хватает места. Он раскачивается из стороны в сторону, надеясь, что одна из его локтевых шпор сможет вонзиться в мягкую древесину по обе стороны. Повязка вокруг больших пальцев не позволяет ему ударить с силой, но его вес поднимает края гроба, удар, удар, удар, удар.

"Живой!" - кричит он. "Не мертвый! Не умер!"

Шаги удаляются от гроба, и мужчины снаружи понижают голоса, совещаясь. Радован надеется, что они принесут ломик, молоток, топор - все, что потребуются, чтобы вытащить его из этого гроба. Он и раньше пролезал через маленькие отверстия, иногда через канализационные стоки, а однажды даже через исключительно грязный сортир, чтобы получить возможность попасть в домашнее хранилище челишского дворянина, но он никогда не делал этого без ощущения сковывающего страха, который всегда сопровождает его в таких узких местах. Сейчас он настигает его, поселяясь вдоль позвоночника, как мокрая кошка, выползшая из холодной реки.

Снаружи слышна какая-то активность, но не возле гроба. Кто-то складывает вещи неподалеку. Инструменты? Оружие? Радовану приходит в голову неприятная мысль. Они складывают дрова.

Его разум тянется к любым полезным варисским фразам, которые он может вспомнить, но прежде чем он успевает ухватить одну, они испаряются, и он прибегает к варисским словам, которые знает лучше всего. Теперь никто не сможет понять его смысл. Одна блудница в

Калифасе однажды сказала ему, что он матерится, как истинный сын Усталава.

Гроб снова поднимается, шатаясь в испуганных руках. Он представляет себе, как люди снаружи отпрянули от ящика, боясь поднести свои сердца слишком близко к дьяволу внутри. Они бросаются туда, где Радован слышал, как они складывали дрова, и гроб летит, подарив Радовану полсекунды невесомого головокружения, прежде чем рухнуть на то, что похоже на костер, пригодный для короля Линнорма. Ветки еще трещат под его весом, когда он слышит треск факелов и звук людей, втыкающих свои клейма в дерево.

Радован бьется и извивается. Бечевка режет ему большие пальцы, и горячая кровь проступает на коже. Он бьет ногой прямо вниз, но звук поднимающегося пламени громче, чем удар его босой ноги.

Ублюдки забрали мои сапоги, полумал он. На секунду безумная мысль о том, сколько он заплатил егорийскому шорнику за эти модные красные сапоги, отвлекает его от гнева. "Верните мне мои проклятые сапоги!" - кричит он. Он не замечает, что снова перешел на талданский, общий язык.

Он чувствует жар костра под собой. Небольшой жар не беспокоит его поначалу - он ведь без перчаток снимал с плиты железные сковороды, - но вскоре он чувствует, что его ресницы слабеют. Пламя разгорается так ярко, что он видит его сквозь тонкие швы дна гроба. Он знает, что будет дальше, и на секунду задумывается, не лучше ли было позволить им похоронить его заживо.

Это не сон.

Глава первая: Украшения князя

Простите меня за перенос нашей переписки из привычных мне писем в этот журнал. Однако, в отсутствие взаимной связи, я сохраню эту запись в надежде, что смогу передать ее лично в Ваши руки. Это может вызвать больше неформальной атмосферы, чем Вы привыкли ожидать, и я надеюсь, что Вы примите ее в духе товарищества. Ваши отчеты были одними из самых долгожданных из тех, что я составляю для Общества.

Естественно, я забеспокоился после возвращения моих недоставленных писем, тем более после получения отчета от доктора Триса, чьи скудные ресурсы оставляют его без понятия о вашем нынешнем местонахождении. Конечно, я послал запросы моим личным контактам в Калифасе, но когда обнаружил, что шепчущие лилии, сдвоенные с луковицами, которые вы привезли, все погибли в моей оранжерее, мои опасения переросли в страх. Я молюсь, чтобы это был всего лишь несчастный случай, который уничтожил наш последний канал связи. Я буду действовать, надеясь и веря, что вы ждете моей помощи.

Должен признаться, что мое беспокойство усиливается из-за ваших дразнящих намеков на цель вашей экспедиции. Мои поиски в Егорийской ложе и в моей личной библиотеке выявили скудные упоминания об этом Кодексе Лакуны. Похоже, он играл роль в самых ранних конфликтах между последними королями Усталава и агентами того ужасного лича, известного как Шепчущий Тиран. И если это так, то следовало бы ожидать упоминания о кодексе в каталогах трофеев в Ластволле, но мои корреспонденты не сообщают об этом.

Единственная дополнительная информация, которую я получил перед отъездом из Гринстиplsа, - это упоминание о схожем по названию фолианте, приблизительно переведенном с древнего тассилонийского. Если это две ссылки на одну и ту же книгу, то знания, содержащиеся в ней, гораздо древнее, чем можно предположить. Хуже того, по моим

сведениям, она берет свое начало в самых ранних известных писаниях культа Ургатоа, Бледной Принцессы. Больше всего я боюсь, что вы столкнетесь с современной ячейкой этого ужасного движения, ибо зверства их некромантов превосходят только развращенность их учеников. Конечно, трудно сказать, чего вы ожидаете, ведь прошло уже более восьми месяцев с момента вашего последнего доклада.

Столь долгое молчание после столь дразнящих намеков на вашу экспедицию, естественно, вызвало у меня беспокойство. Вы можете представить мое удивление, когда сам Децемвират связался со мной, чтобы поинтересоваться вашим последним отчетом, запрос, который я, к сожалению, не смог удовлетворить из-за отсутствия информации. Признаться, моей первоначальной реакцией было недовольство тем, что вы прислали лишние отчеты, которые, пусть и непреднамеренно, создали у моего начальства в Обществе впечатление, что я не слишком поддерживаю ваши начинания. В сочетании со слухами о недавних несчастьях в моем родном городе Егориане, такие сообщения подорвали доверие, с которым Децемвират относился к моей деятельности последние шестьдесят лет.

В мои намерения не входит высказывать свои опасения за пределами личного общения, которое мы установили за время, прошедшее с тех пор, как ваши отчеты были переданы в мое распоряжение, и я заверяю вас, что мой интерес заключается прежде всего в том, чтобы убедиться в вашей безопасности и успехе.

Поэтому я прибыл в Калифас в сопровождении лишь камердинера и телохранителя. Я найму дополнительных слуг на месте и пойду по твоему следу, так как я уверен, что вы хорошо и умело его обозначили. Когда я найду вас, я передам этот журнал в ваши руки, и вы взвесите его как доказательство огромной ценности вашей работы как для Общества Следопытов, так и для меня, вашего друга и коллеги, венчурного капитана Вариана Джеггара.

Несмотря на отсутствие опыта за пределами Челиакса, мой новый камердинер продемонстрировал похвальные способности к бюрократии, поэтому я оставил утомительные дела заграничного путешествия в основном в его руках. К сожалению, некоторые ключевые удобства путешествия были утрачены во время инцидента, о котором я до сих пор питаю подозрения, и оставшаяся часть путешествия в Калифас была менее приятной. На данный момент я оставляю все как есть.

Я надеюсь, что время вдали от нашего родного города даст передышку от последних неприятностей, причем не только мне лично. Вы, наверное, помните, что мой давний телохранитель, Радован, хоть и сирота, но в основном из Усталова. Остается надеяться, что он найдет утешение среди своего народа, даже если он родился и вырос в Челиаксе. Мне бы хотелось, чтобы он воспринял мое включение его в это предприятие как награду, как я и предполагал. Будем надеяться, что он не заставит меня пожалеть о том, что я оставил его на службе.

Теперь мне пришло в голову, что мы трое - ты, я и Радован - разделяем сомнительное благословение смешанного происхождения. За исключением того, что мне в наследство досталась красная карета, мой эльфийский отец мне неизвестен. Осиротев в столь юном возрасте, Радован мало что помнит о своих родителях, или так он мне говорил, и, естественно, он ничего не знает о том inferнальном предке, который навеки проклял его род как порождение ада. Я намеренно использую термин "проклятый", потому что, хотя многие могут легкомысленно применить его к вам или ко мне, жители Челиакса, проклятые за служение Принцу Лжи, сохраняют острое презрение к тем, в чьих жилах течет адская кровь. Со своей стороны, я никогда не чувствовал себя желанным гостем в человеческом обществе, даже будучи ребенком. После смерти моей матери и возвышения дьяволопоклоннического Дома

Трун, конечно, нет. Возможно, мы с вами еще обсудим этот вопрос. Сомневаюсь, что эта тема заинтересует Радована, который часто старается выдать себя за человека.

Наш корабль прибыл в Калифас два дня назад, и первым моим делом было допросить доктора Триса в приюте для умалишенных, который он использует в качестве ложи Следопытов. По его поведению можно было предположить, что однажды он рискует стать одним из своих собственных обитателей, и я чувствую, что местные жители получают определенное черное удовольствие от того, что большинство его пациентов - бывшие Следопыты. Излишне говорить, что я испытал огромное облегчение, не обнаружив вас среди тех, кто находится под его опекой.

Трис смог лишь подтвердить, что вы консультировались с ним по прибытии; он не смог сказать мне, где вы планируете искать дальше. Я не буду порицать вас за то, что вы не поделились с ним большей информацией, поскольку, несмотря на кодекс нашего Общества, не каждый член поможет вам так, как я. Я не знаю достаточно о Трисе, чтобы сказать, можно ли на него положиться, и поэтому должен довериться вашему мнению в этом вопросе.

После расставания с Трисом я решил отправить Радована собирать информацию на рынках и в публичных домах, пока я буду знакомиться с дворянами Усталава. К сожалению, Радован никогда не проявлял ни малейшего интереса к Обществу Следопытов, а в своих насмешках над тем, что он называет нашим "маленьким клубом", был опасно близок к наглости. Возможно, я все еще раздражаюсь на него за те вольности, которые он допускает при выполнении своих обязанностей. Телохранитель не должен защищать человека от самого себя.

Письма были отправлены быстрой почтой еще до того, как я передал опеку над Гринстиpls своему кузену Леонсио, и мне посчастливилось прибыть как раз перед большим светским мероприятием, на котором присутствовали представители большинства знатных домов Усталава. Многие из них были мне ранее неизвестны, поскольку во время моего прошлого визита большинство из тех человеческих мужчин и женщин, которые сейчас правят, были детьми. Я надеялся, что кто-то из них слышал сообщение о вашем визите. К сожалению, нынешнее поколение усталавской знати оказалось менее гостеприимным, чем прежде.

Возможно, я излишне чувствителен к этому вопросу, но я не мог не подозревать, что их вопросы о богатых владениях Челиакса были завуалированными обвинениями, направленными на мой совершенно недостаточный подарок принцу Адуарду. Если бы не проделки Радована, вместо этого ужасного самовара, который Никола нашел в Золотом квартале, я должен был бы подарить его высочеству шесть ящиков самого лучшего вина, которое до сих пор производили семейные виноградники. Конечно, не менее пяти ящиков.

Когда вечер, наконец, стал насыщенным событиями, я, хоть и ненадолго, избежал неустанного преследования посла из Весткрауна. Она вызвала меня в посольство по прибытии в Калифас, после чего подвергла беспричинному назиданию, чтобы я не позорил трон во время своего пребывания. Она была милой, грубой, необразованной штучкой. Она даже не предложила мне выпить, прежде чем покровительствовать мне, путешествовавшему за границей на службе трона еще до рождения ее деда.

К счастью, я не увидел никаких признаков ее появления в портретной галерее с южной стороны Королевского дворца, куда я сбежал, чтобы насладиться бокалом сносного местного марочного вина. Позади меня резкие звуки музыкантов принца стихли, когда слуги закрыли двери бального зала. Я все еще мог различить мелодию обычной варисской народной мелодии под аранжировкой, созданной по случаю шестьдесят пятой годовщины принца. Она называлась по-разному, но я всегда считал ее "Глаза в сумерках" - песня, которую исполняли в моем

родном Челиаксе на длинном рынке до позолоченной сцены Егорийской Большой оперы, где я в последний раз слышал ее, вплетенную в увертюру к "Водяной нимфе".

Я наслаждался музыкой и вином, глядя на Королевскую площадь, центральный фонтан которой был посвящен основателю страны Сойвидии Уставу. Уходящее солнце отбрасывало ореол на луковицеобразные шпили Большого собора Фаразма, самого величественного сооружения во всем Калифасе. Его гранитные стены скорее поглощали, чем отражали свет, а узкие контрфорсы вызвали в памяти образы пепельного леса. У подножия здания толпа служителей культа в черных одеждах зажгла свечи и начала шествие Непогребенных душ. В сумерках их свечи пылали ярче звезд, когда они спускались по пандусам в воды змеевидного бассейна, который извивался под колоннами и уходил в фундамент. На какое-то время они словно исчезали, каждая свеча гасла одна за другой по мере того, как их носители погружались в воду. Невозможно было смотреть на это торжественное шествие и не думать о бесчисленных мертвецах, чьи могилы лежат на пути моей собственной жизни.

Прежде чем я успел поддаться меланхолии, которая всегда была главным недостатком моего характера, первый из молящихся вышел из водного прохода на противоположной стороне от входа в собор. Вода залила одеяния празднующих, обнажив под тонкой тканью цвета их праздничных одежд, и одна за другой свечи чудесным образом снова запылали. Так за несколько недель до праздника Жатвы верующие Фаразма вновь обращаются с молитвами к Владычице Могил: Пусть наши души будут собраны в другой год, не в этот. Не в этом году. Не сейчас.

Словно в ответ на их молитвы, с карнизов собора поднялась стая свиристелей и понеслась на юг, затем на север и, наконец, снова на юг, чтобы возобновить свою осеннюю миграцию. Их песня мягким дождем пролилась на площадь, слышимая даже на расстоянии и сквозь свинцовые стекла. Как красиво, подумал я.

"Действительно", - произнес звучный голос позади меня.

Повернувшись, я увидел графа Ярсмардина Сенира, за которым следовали другие знатные графы Усталава. За ними следовал квартет слуг - все точно такого же роста, как я заметил - с подносами десертного вина. Не часто я бываю удивлен, особенно настоящей процессией, хотя в свое оправдание замечу, что ковры во дворце принца Адуарда достаточно толстые, чтобы заглушить продвижение галданского легиона.

Я поклонился, и джентльмены ответили мне любезностью на свой манер, сложив руки над сердцем. Дамы Усталава не делают реверансов, как и любовницы дворян, но при виде моих южных манер одна из них прикрыла улыбку кончиками напудренных пальцев.

"Прошу прощения, ваше превосходительство", - сказал я Сениру. "Я не знал, что говорил вслух".

Сенир отмахнулся от моих извинений. Его короткие седые волосы придавали ему военный вид, но как третий сын он был отдан в монахи Фаразма, пока уход из жизни его бездетных старших братьев не потребовал принятия на себя семейных обязательств. "Прошу вас", - сказал он. "Мы ровесники, граф Джеггаре".

"Я имел в виду почтение к вашему церковному титулу, епископ", - сказал я ему.

"Ах", - сказал Сенир. "Я оставляю эту мантию в стенах Монастыря Завесы". Сенир потянул за воротник своего пурпурного бархатного плаща. Выглядело это неудобно. "Вы знакомы с графом Неска из Барстои?"

Мы с Аэрикнейн Неской обменялись еще одним поклоном, он щелкнул каблуками, чтобы подчеркнуть вежливость. Неска сильно постарел, как и все люди, с тех пор как я впервые встретил его три десятилетия назад. Теперь обвисшие бородавки на его горле придавали ему вид скорее стервятника, чем орла. Это было уместное изменение, поскольку жестокие, но бесполезные войны, которые он вел со своими соседями, не принесли ему ничего, кроме жира. Плюс его присутствия в том, что оно избавит меня от дальнейшего общения с отвратительными дочерьми графини Солисмиды Венакдалии, чья территория в основном способствовала появлению многих акров могил, вырытых амбициями Нески.

Сенир указал на грузного мужчину лет сорока или около того и сказал: "Граф Хазертон Лоулз".

Лоулз отвесил быстрый поклон и протянул мне руку. Я не узнал его, поскольку он, должно быть, был ребенком, когда меня представили его родителям. Он дважды коснулся моей руки, прежде чем Неска прочистил горло, и Лоулз отстранился. "Прошу прощения, граф Джеггаре, - сказал он. К его кустистым усам прилипли капельки слюны. "Я не знаю иностранных обычаев, но хочу выразить вам свое восхищение тем, что среди нас появился энтузиаст искусства. Я сам в некотором роде..."

"Хазертон", - сказал Сенир. Снисходительное использование епископом личного имени Лоулза не осталось незамеченным остальными, каждый из которых отвел взгляд или спрятал улыбку за изящными пальчиками. Лоулз отвернулся от Сенира ко мне с недоуменным выражением лица, как будто он был ребенком, которому сделали замечание за неправильный выбор вилки за ужином, но он все еще не знает правильного ответа. Сенир проигнорировал его и сказал: "Позвольте представить вам графа Конвреста Муральта, нового хозяина Ордранто".

Муральт отвлекся, оглядываясь через плечо на двери бального зала, когда слуги открывали их, чтобы впустить Раданию и Опалину Венакдалию, последняя из которых одарила меня придурковатой улыбкой, вернувшись с прогулки по внешней галерее. Эта жалкая женщина исчерпала все свои перспективы на замужество среди местной знати. То, что она так открыто флиртowała с иностранным лордом смешанной крови, свидетельствовало о ее отчаянии.

"Граф", - сказал я. Муральт произнес несколько слов, лишенных очарования или интереса.

"Простите нас за вторжение в вашу задумчивость, граф Джеггаре", - проворчал Неска. "Что именно вы нашли красивым?"

"Я любовался церемонией перед собором".

"Вы всегда любознательны, а капитан венчурного флота?" - сказал Лоулз. Его тон был нетерпеливым, но глаза остальных мужчин были прикованы ко мне, ожидая моего ответа. Я подозревал, что кто-то из них подговорил Лоулза начать это расследование. Когда я в последний раз посещал Калифас, я узнал, что лорды Усталава видят во мне не столько ученого, сколько похитителя секретов, которые они предпочитают хранить вместе с костями своих предков. "Грабитель могил" и "разбойник" были для них синонимами слова "Следопыт".

"Просто любопытно, граф Лоулз. Ритуалы Фаразма - одни из самых поэтичных, которые я видел".

"И вы должны что-то знать об этом, я полагаю", - сказал граф Муральт. "Как владыка Челиакса, вы наверняка видели необычные ритуалы".

Мне не понравилось, как его рот задержался на слове "необычные", даже если его высказывание и не было оскорблением. Все присутствующие, даже самый заурядный лорд,

знали, что жители моей родины присягнули Асмодею, которого мы называли Принцем Закона. Почитание Принца Лжи, как его называли в других местах, отталкивало практически всех за пределами Челиакса, но признаться в обратном было равносильно передаче опасных сплетен на родину, что, я не сомневался, было главной обязанностью нового молодого челийского посла.

Если отбросить политику, мне всегда казалось высшим жестом лицемерия осуждать один народ за то, что он повинуется Владыке Проклятия, когда его собственный народ почитает Владычицу Смерти.

"Я был свидетелем многих необычных ритуалов", - сказал я.

Неска улыбнулся моей двусмысленности. "Ты ведь приехал в Усталав по делам Следопыта, не так ли?"

Я потратил большую часть вечера на то, чтобы избежать этого вопроса, и устал от погони. "Да", - сказал я.

Четверо мужчин ждали уточнений, но я ничего не предложил. Вместо этого я жестом указал на окно. "Вот они улетают", - сказал я, кивнув на белых свиристелей. "Унося с собой тайну".

"Тогда ты обязательно последуешь за ними", - сказал Сенир. "Возможно, будет лучше, если ты так и сделаешь. Издавна говорят, что тайны Усталава спят поздно и просыпаются сердитыми. Я бы не хотел, чтобы ты выдержал их гнев".

"Единственная тайна, которую я хочу разгадать, - сказал я, - это пропавший Следопыт".

"Правда?" - сказал Сенир. "И это поручение для прославленного графа Джеггара? Мне кажется, Следопыты пропадают постоянно".

"Верно", - сказал я. "Но этот будет найден. Он был моим".

"Был?" Он заметил мое неудачное использование прошедшего времени, которое, уверяю вас, не отражает моей надежды и веры. "В таком случае, Джеггара, зачем ты беспокоишься?"

"Просто язык заплетается", - сказал я.

Сенир мгновение изучал мое лицо, как бы ища признак того, что я знаю больше, чем сказал. "Возможно, у тебя есть другие причины для прихода в наши земли", - сказал он. "Если так, подумай о судьбе тех, кто вторгся в могилы наших славных предков, тех, кто сражался против Шепчущего Тирана, и тех, кто пал под его гнетом. Не все, кто покоится под землей Усталава, спят спокойно. Я даю вам слово, сэра, как джентльмен: вам лучше не беспокоить их".

Прежде чем я успел сформулировать политический ответ, чья-то рука скользнула внутрь и обхватила мою руку. Не поворачиваясь, я узнал безошибочный запах графини Кармиллы Калифвасос под легкой дымкой редких кионинских духов. Как и запах ее обнаженной кожи, я вспомнил страсть графини ко всему эльфийскому, в том числе и к моему юному "я". Мне не пришлось притворяться, что я улыбаюсь ей.

Сказать, что она не постарела ни на день за тридцать с лишним лет, - не сказать ничего. Лицо и декольте были выбелены едва заметной пудрой, что было смело даже для молодых женщин, присутствовавших на балу. Родинка на ее щеке была выдумкой, как и богато украшенный белый парик, который поддерживал ювелирные гребни с правом выкупа лорда, но все

остальное было точно таким же, как я запомнил из сотни знойных калифасских ночей, которые я провел, заучивая ее личную топографию. Кармила была той женщиной, которая познакомила меня с широким миром утонченной любви. Если вы вкладываете в термин "утонченная" несколько значений, то это свидетельствует о вашем тонком понимании и, я надеюсь, о вашем благоразумии.

Когда мы впервые встретились, из-за ее оболъщения я опоздал на зимнюю практику в Лепидштадтском университете, но за то лето я узнал от нее больше, чем за шесть месяцев изучения древнейших библиотек Усталава. В то время она казалась старше меня, хотя на самом деле я был старше ее по меньшей мере вдвое. Однако благодаря крови моего отца я выглядел как молодой человек лет двадцати пяти. Теперь, однако, зеркало начало насмехаться надо мной, отражая мое лицо, а Кармила с таким же успехом могла использовать в качестве зазеркалья портрет тридцатилетней давности.

"Я вижу, что слухи о том, что ты купаешься в крови девственниц, не лишены оснований", - сказал я. Это была та самая бездушная шутка, которую я часто отпускал в юности, но она наградила меня улыбкой. Я вырвался из ее объятий ровно настолько, чтобы поцеловать ее руку.

"Грубая клевета", - сказала она. Она отмахнулась от меня резным веером из слоновой кости, который я узнал как прощальный подарок, который я ей сделал. Погода в Калифасе была прохладной с момента моего прибытия, так что не требовалось большого ума, чтобы понять, что она хотела польстить мне, демонстрируя его. Она позволила вееру свисать с запястья, прижав палец к вышитому рукаву Сенира. "Тем не менее, епископ внимательно следит за мной каждый раз, когда мы обедаем, убеждаясь, что я пробую все блюда, приготовленные с чесноком".

Сенир отвесил поклон, улыбнувшись, но явно без тени удовольствия.

"Вы не можете оставить нашего гостя одного, мой дорогой епископ", - сказала Кармила, беспечно игнорируя остальных членов нашей компании и не вызывая их обиды. Я не могу понять, как ей удается этот трюк, хотя я часто его изучал. "Есть десятки молодых людей, которые никогда не встречали нашего дорогого графа Джеггара, и мы не должны отказывать им в знакомстве с ним".

К счастью, у меня была почти столетняя практика сдерживать смех в глазах, потому что взгляд Сенира был глубоким и пристальным. Я увидел в его глазах, что он понял, что меня спасли, и что я тоже это понял. Мы оба улыбнулись, как будто и не думали об этом. Остальные в нашей компании улыбались точно так же, за исключением неотесанного Лоулза, который пробурчал что-то о назначении мне встречи для просмотра его эскизов, прежде чем его пронизательная хозяйка отвлекла его, потребовав вернуться к десертному буфету.

Пока Кармила вела меня прочь, я взяла пару бокалов сладкого вина с блюдечка слуги. Некоторое время мы шли молча, и она так крепко держала меня за руку и так нежно прижималась ко мне своим теплым телом, что я почувствовал возрождение той привязанности, которую мы когда-то разделяли. Или привязанности, которую я когда-то чувствовал, во всяком случае. Нельзя было отрицать, что я был не только молод, но и, как говорится, впечатлителен, и только глупец мог предположить, что опытная дама вложила в меня столько же своего сердца, сколько я в нее. Это было опасное и непродуктивное чувство, но я наслаждался им в течение минуты, когда мы прогуливались мимо портретов принцев и графов, каждый из которых был на поколение старше первого. Я представлял их ревнивыми соперниками, завидующими нашему возрожденному счастью. Затем я отпустил фантазию, как пленную

птицу, выпущенную из клетки.

"Я должна быть недовольна тобой", - промурлыкала Кармила. "Моя гордость уязвлена тем, что ты так долго пробыл в Калифасе, не прислав мне даже визитной карточки, в то время как ты провел целый день с этим отвратительным доктором Трисом".

"Несравненная леди", - сказал я, - "даже самое большое удовольствие подслащивается предварительным решением всех утомительных вопросов, и нет большего удовольствия, чем увидеть вас снова".

Кармила наклонила голову, чтобы оценить меня. "Немного толстовата".

"Простите меня", - сказал я. "У меня нет практики".

"Какая жалость", - сказала она. "Мне бы не хотелось думать, что наша связь испортила вас для дам Челиакса".

Я пожал плечами, как будто не мог этого отрицать, и она улыбнулась, принимая подразумеваемый комплимент.

"Несмотря на невыносимую продолжительность твоего отсутствия, я все еще слишком увлечена, чтобы наказать тебя, как ты того заслуживаешь, мой милый Вариан. Твои юношеские восторги остались яркими в моей памяти на протяжении многих лет. Не говори, сколько". Она приложила палец к моим губам. "Пусть это останется нашей тайной".

Пока мы шли рука об руку, сюжеты портретов, развешанных вдоль внешней галереи, постепенно менялись по стилю и тематике. Последние лорды Усталава были крепкими, бородатыми и усатыми мужчинами или бледными дамами в костюмах, которые не показались бы слишком простыми в челийском оперном театре. Их предшественники были совсем другой породы, суровые лица мужчин и женщин чаще украшались железом, чем шелком, их выдающиеся носы реже уменьшались от руки услужливых художников. Когда мы проходили мимо запомнившихся монархов Усталава, то тут, то там попадались картины, заслоненные темными бархатными занавесками. Кармила заметила мой интерес.

"Проклятые и заклятые", - сказала она.

"Злодеи истории?" спросил я.

"Не всегда, нет", - сказала она. "Но принцы, чье наследие лучше оставить в неизвестности Академии".

Бросив мимолетный взгляд по сторонам, она потянулась к одной из бархатных стяжек.

"Стой", - сказал я, опаздывая, чтобы остановить ее.

Она открыла портрет, толстая фанера которого потрескалась, как грязь летней пустыни. Под грубыми контурами лака скрывалась фигура человека с несомненно зверским характером. На крючковатом носу у него был драконий гребень, а над бровями возвышалось извилистое пространство, которое расширялось в обе стороны длинными белыми рогами там, где карикатурист мог бы удлинить брови мудреца. Крошечные белые выступы кости усеивали его выдающиеся скулы, а длинный подбородок был острым, как шпатель. Если бы возраст и лак за сотни лет затемнили оттенки, можно было бы предположить, что его кожа изначально была цвета расплавленной меди. Это было лицо исчадия ада, весьма близкое по происхождению к

его дьявольскому предку.

Кармила отпустила ткань, возвращая портрет в неизвестность. "Не смотри сейчас", - прошептала она. Я не удержался и повернулся, чтобы увидеть небольшую группу гостей принца, огибающих набережную позади нас.

"Если ты меня поцелуешь, - сказала Кармила, - у них появятся сплетни".

Я не мог оспаривать ее логику, поэтому повиновался. Прошло так много времени, и я забыл, какая она мягкая и теплая, и как сильно я чувствовал, что растворяюсь, как последний зимний лед, и вскоре все другие мысли были изгнаны из моей головы. Когда она мягко оттолкнула меня, я почувствовал отчаяние изгнанника. Мое лицо горело как от сожаления о потерянных годах, так и от последствий выпитого вечером вина. Кармила демонстративно обмахивалась веером, пока я приходил в себя. Шпионы отступили, но теперь мы были уверены в том, что они донесут.

"Я вдвойне рад, что ты меня нашла", - сказал я ей. "Хотя ничто не сравнится с радостью нашего воссоединения, я надеялся, что ты сможешь мне..." Я сделал паузу, чтобы сформулировать свою просьбу в льстивой манере.

"В этом более утомительном деле?" - предположила она.

"Действительно", - сказал я. "Одна из моих коллег пропала, и я приехал, чтобы найти ее".

"Ее?" - заметила Кармила. "Возможно, это другое дело не такое утомительное".

"У нас чисто коллегиальные отношения", - сказал я. "Для нашего Общества важно, чтобы я нашел ее". Кармила не нуждалась в заверениях, но она наслаждалась притворством моего смущения. Мне хотелось бы стать лучшим актером, так как я видел, что каприз исчез на ее лице, поэтому я добавил: "Это важно для меня".

Она долго оценивала меня. Я боялся, что нарушил очарование нашего ненадолго ожившего романа, но она улыбнулась. "Как ты вырос, мой дорогой мальчик", - сказала она. Она провела алебастровым пальцем по моим волосам, и в своем тщеславии я подумал, не проследивает ли она одну из серебряных линий, которые стали так заметны в последние годы. "Если бы ты только мог задержаться на некоторое время в Калифасе. Возможно, в этот раз ты смог бы научить меня кое-чему".

"Я очень сомневаюсь в этом, миледи", - сказал я.

На этот раз ее улыбка сказала мне, что она рада, что я понимаю иерархию. Я был старше ее только по годам. Щелкнув веером, она привлекла внимание слуги, притаившегося у одной из дверей бального зала, и указала на наши пустые бокалы.

"Пока все разворачивается, - сказала она, - у меня есть кое-что, что может быть тебе полезно".

Я почувствовал прилив надежды, но цинизм уступил ей место. Кармила, никогда не разочаровывавшая меня, укрепила мои подозрения.

"Естественно, - сказала она, - у меня есть небольшая просьба взамен".

Глава вторая: Танец Скзарни«Просто отдайте мне эти чертовы деньги».

Никола выгнул спину и посмотрел на меня через свой тощий нос, вытаращив черные глаза. Он и не подозревал, насколько эта поза делает его похожим на гигантского кузнечика. Если бы у нас была аудитория, я мог бы сказать ему об этом, чтобы посмотреть, как он покраснеет. К сожалению, даже наемный извозчик удалился, чтобы насладиться своей трубкой вне досягаемости жалоб камердинера на дым, оставив нас одних возле телеги, груженной припасами для экспедиции. Восходящее солнце разогнало утренний туман, и на мощеной улице, ведущей вверх по холму от шумных рынков, стало жарко. Мы закончили работу, и мне не терпелось вернуться на рынок, чтобы выпить прохладного местного пива.

"Как ты, Радован, должен знать, - сказал Никола, - я серьезно отношусь к своим обязанностям. Хозяин не просто так доверил мне свой кошелек, и он не упомянул о пособии для тебя после привлечения нашей дополнительной охраны. Я полагаю, что у вас достаточно личных финансов, чтобы наслаждаться рынком или тем местом, которое вы решите посетить в Калифасе в свободное время. Если нет, я рекомендую вам более тщательно распоряжаться своими деньгами. Я буду рад продемонстрировать простой метод ведения ежемесячного бюджета..."

"Слушай." Я ткнул его в грудь, не слишком сильно, так как не хотел, чтобы у него появился синяк, который он мог бы показать боссу. "Если бы не я, у тебя бы даже не было этой сумочки". Молодой карманник, с которым мы столкнулись ранее, не был дилетантом, но я занимался этим гораздо дольше, чем его 10-12 лет.

"И за эту услугу я с радостью представлю тебя Его Превосходительству", - сказал Никола. "И в знак личной благодарности я пропущу вопрос о необходимости привлечения констебля".

На этом он меня поймал. Крыса пыталась укусить меня, когда я ущипнул ее за кошелек, и мы были так близко к воде, что я не удержался и бросил ее в воду. Я должен был понимать, что он начнет кричать "убийство", как только вынырнет на поверхность. Несмотря на безупречную ливрею Николы, охранник, остановивший нас, увидел в нас не пару невинных посетителей своей страны, а иностранцев с толстым кошельком. Моя дьявольская внешность не помогла. Челаксианцы и так нежелательны в большинстве мест, но адских тварей вполне достаточно, чтобы начать бунт.

Я вздохнул и одарил Николу маленькой улыбкой, потому что угрозы ему ни к чему хорошему не привели бы. "Слушай, стражник просто хотел попробовать. Это то, что я пытался тебе сказать".

"Ты имеешь в виду что-то вроде взятки?" Щеки Николы окрасились.

Десна заплакала. "Я имею в виду именно взятку".

"Не говори ерунды. Он неоднократно заявлял, что его единственной заботой было благополучие того уличного мальчишки..."

"Который сбежал, потому что он был карманником".

"- и поддержание мирного поведения на набережной..."

"Которое было нарушено сорванцом, поднявшим ваш кошелек".

"Если бы ваш варисский язык состоял не только из нескольких фраз для заказа пива и привлечения проституток, вы бы поняли, что этот человек просто выполнял свой долг".

"Тогда почему он держал руку вот так?" Я показал ему.

Никола посмотрел вниз на мою руку. Я не сильно преувеличивал, но приглашение никак нельзя было перепутать. "Я подумал, что это просто местный жест", - сказал он. "Кроме того, он ведь уехал, не так ли?"

"Да", - сказал я с таким сарказмом, что испугался, что испачкал губы кровью. "Когда именно он снова это сделал?"

"Сразу после того, как ты потрянул его..." Он замер на несколько мгновений с комичным выражением лица, когда на его лицо упали первые капли понимания. "Вы дали ему взятку".

"Последние свободные деньги", - сказал я, - "вот почему мне нужно заглянуть в фонд приобретений". Теперь Никола понял, что проще заплатить мне. Для подхалима, нюхающего запястья, он был не совсем дурак. Иногда его просто нужно было немного подтолкнуть в сторону здравого смысла. Я махнул рукой и протянул ее так, как это сделал городской стражник.

"Можешь забыть об этом, Радован", - сказал он с кислым видом. "Я старался быть тебе другом, несмотря на твою явную обиду на доверие ко мне графа Джеггара. Несомненно, в прошлом у вас были более неформальные отношения с хозяином, но мое назначение не должно оставить у вас сомнений в том, что он предпочитает более традиционную иерархию среди своих слуг".

"Вообще-то, я не слуга, я..."

"Пожалуйста, проявите любезность и не перебивайте меня. Я пытаюсь помочь тебе, Радован. Многие на моем месте поступили бы иначе. Нет, я не имею в виду прискорбные обстоятельства твоей родословной; естественно, во всех подобных вопросах я полагаюсь на мнение хозяина, и поскольку он счел нужным нанять тебя, несмотря на адское пятно на твоей родословной, я безоговорочно поддерживаю его выбор. Скорее, это то облако, под которое тебя, Радован, загнали твои собственные действия, мешает другим видеть тебя с такой симпатией, как я. Разве я произнес хоть слово осуждения после прискорбного случая с вином хозяина? Радован, это не так".

Если он еще раз произнесет мое имя, будет трудно не улыбнуться ему, а это всегда плохо кончается. Вместо этого я глубоко вдохнул через нос и сказал: "Вы сказали ему, что это я сказал морякам, что в трюме есть вино". Я не знал этого наверняка, но то, как босс смотрел на меня после разговора с Николой, было хорошей подсказкой. Босс должен был быть благодарен. Я единственный, кто говорит ему, когда он слишком глубоко плавает в фиолетовых морях. Все, что я сделал, это упомянул, в непринужденной манере и во всеуслышание, что в кабине красного вагона, который они с таким трудом спрятали в верхнем трюме, может храниться несколько дюжин бутылок хорошего челишского вина. Должно быть, это была работа, вызывающая жажду, - невинно заметил я. Откуда мне было знать, что капитан-трезвенник прикажет выбросить остатки вина за борт? Не мог же я один подслушать, как он проклинал Кайдена Кейлина и всех его пьяных приспешников, отдавая приказы своей похмельной команде.

Никола выгнул бровь, плохо подражая боссу, и я понял, что угадал правильно. Он заявил: "Хозяин попросил меня предположить вероятную причину исчезновения его личных запасов, и я был обязан подчиниться. Однако я не осмелился унижить ваш характер или выразить уверенность в вашей виновности. Как я уже говорил, если вы потеряли доверие хозяина, то это произошло из-за ваших собственных недостатков, а не из-за воображаемой конкуренции со

стороны меня. Кроме того, хотя вам приятно пренебрегать термином "слуга", моя семья из поколения в поколение с благодарностью служила лордам Эгориан, и я не менее горд, чем мой прадед Ореллиус, который ежедневно начищал сапоги и ножны великого генерала Феделе Эллиендо, чтобы удовлетворить нужды нашего уважаемого лорда и господина, графа Вариана Джеггара".

Я подождал мгновение, чтобы понять, потерял ли Никола смысл сказанного или просто запутался. Когда он посмотрел на меня, словно ожидая ответа, я слегка похлопал его по руке и сказал: "Ну, Никола, ты меня понял".

"Так ты понимаешь?" - неуверенно сказал он.

"Прекрасно", - сказал я, снова похлопав его по руке.

"Отлично", - сказал он. "На мгновение я испугался, что вы можете потерять самообладание. Я рад, что у нас была возможность разрядить обстановку. А теперь, если позволите, я должен приобрести еще несколько вещей для следующего этапа путешествия хозяина". Он одернул переднюю часть пиджака, наблюдая, протяну ли я руку для пожатия. Я так и сделал, крепко сжав ее, но не настолько сильно, чтобы увлажнить его глаза.

"Спасибо, Никола. Я рад, что у нас состоялся этот маленький разговор". Я помахал рукой и пошел прочь - я практиковал эту походку именно для таких случаев - похлопывая по толстому кошельку, который я забрал у него. Довольно скоро Никола выйдет из себя.

Помимо отсутствия криков работоторговцев с эшафотов, непосредственное различие между рынками Калифаса и Егориана - это запах чеснока. Нам, челаксийцам, он нравится. Просто мы не вымачиваем в нем все, как эти усталавы. Возможно, мне следует взять за привычку говорить "мы, усталавы", поскольку та часть моей крови, которая не пришла прямо из ада, вся варисская, а может, и вся усталавская. Я бы спросил у матери, но мы мало общались с тех пор, как она меня продала.

Чеснок - одна из тех вещей, как и легендарные туманы, которые все на юге ассоциируют с Усталавом. Поскольку население в основном варисское, вы ожидаете определенного количества пряностей наряду с браслетами и танцами с вуалью, но я начал задаваться вопросом, что появилось первым - чеснок или вампир?

Босс не лишен чувства юмора, хотя он и кажется таковым для тех, кто знает его вскользь, поэтому, когда он сказал мне, что жители Усталава едят чеснок во время каждого приема пищи, чтобы отпугнуть вампиров, я не был уверен, что он разыгрывает меня. То есть, да, один из ящиков в инвентаре Николы был полон посеребренных клинков и болтов для арбалетов, а также флаконов со святой водой, пучков волчьей травы и тому подобных вещей. Меня это не очень беспокоило, поскольку у меня было несколько стычек с оборотнями, когда я бегал с Гозердами, так что я знал, что это скорее практично, чем суеверно.

Но чеснок, правда? Если бы он действовал, вампиры могли бы понюхать его у стен Калифаса и больше никогда не возвращаться. С другой стороны, может быть, это и есть доказательство того, что чеснок работает, ведь большинство историй о вампирах, которые я слышал, происходят в отдаленных деревнях. Может быть, вампиры Усталава предпочитают диету из пастухов и молочниц.

Что касается меня, то я был бы доволен буханкой черного хлеба и половником грибного рагу. Когда я дошел до большого рынка, где ранее выбрал полдюжины стражей для нашего путешествия вглубь страны, что-то отвлекло меня от урчащего желудка. Я следил за песней,

прежде чем понял, что меня привлекло.

Сначала я не мог различить ее мелодию среди полудюжины других мелодий, тонувших в рыночном шуме. Там было несколько небольших групп музыкантов, в одной из которых была женщина с оперным голосом, который мог бы понравиться боссу, если бы он не смотрел в сторону Земли Эльфов; несомненно, его местные собратья хорошо поддерживали его местными напитками. Я опустил монету в корзину рядом с молодой девушкой, которая играла на цимбалах с выражением лица, больше подходящим для отмахивания от мух. Я остановился на минуту, чтобы посмотреть, как усатый гном играет на пастушьих трубах и капризничает вокруг барабанившего медведя. Он был первым нечеловеком, которого я увидел в Калифасе, не считая меня и босса.

Песня становилась все громче, когда я подошел к кривой дорожке, окаймленной полосатыми палатками. К каждой из них были прикреплены таблички, одни с варисскими словами, другие с изображениями шаров, жезлов, карт и кубков. Я понял, о чем идет речь. Это был ряд оракулов, и через проемы палаток я увидел гадающих на ладони, гадающих на кристаллах, гадающих на костях и гадающих на чайных листьях. Большинство из них были старыми женщинами, одна или две моложе и красивее. Среди них был хрупкий старик в фиолетовом тюрбане и с килограммом краски на лице, тщетно пытавшийся походить на вудранского мистика. Он пробормотал какое-то тихое слово и протянул ко мне иссохший когтистый палец, но я пошел дальше.

Песня звучала достаточно близко, чтобы я мог слышать слова и даже понимать некоторые из них. Около последнего ряда оракулов я обнаружил толпу горожан, окруживших еще один шатер с пиками и хлопающих в ладоши в такт песне. Я протиснулся вперед, чтобы лучше разглядеть.

Певец был молодым человеком с длинными черными усами и небольшой бородкой чуть ниже губ. Он был без рубашки под вышитым жилетом, его кожа была загорелой. Его чистый тенор перекликался с мелодией скрипки, на которой играл худой старик с седыми волосами и такой же растительностью на лице. Они и их товарищи выступали на круглой куче изношенных ковров, а остальные члены их клана смешались среди зрителей, призывая всех присоединиться к припеву. Как только я увидел их, перемещающихся среди зрителей, я понял, кто они такие: Скзарни.

По всему миру эти особые кланы бродячих варисийцев - это воры, бродяги, мошенники, бандиты, карманники, убийцы, контрабандисты и негодяи всех оттенков от средне-серого до кроваво-красного. Это мой тип людей.

Скзарни пел о беге по сосновым лесам, о зеленых холмах, о купании в туманах своей страны, что-то в этом роде. Даже не понимая половины слов, я мог сказать, что это радостный гимн. Зрителям он тоже понравился, они добавляли свои голоса к припеву и хлопали в такт трем барабанам. Когда песня закончилась, горожане осыпали ковер красными и серебряными монетами. Я вырвал одну из сумочки Николы и бросил ее, поняв только после того, как она засветилась, что она золотая. Какого черта? Это была хорошая песня.

Цвет моих денег привлек внимание одной из женщин Скзарни, которая собирала монеты. Она была красива, как весеннее утро, со слабым румянцем на щеках и достаточным количеством цвета на веках, чтобы можно было подумать, что это природа, а не дизайн. Ее глаза были цвета нового мха, и когда она наклонилась, чтобы взять мою монету, звон ее браслетов привлек мое внимание к ее изящным запястьям.

Она замерла на мгновение и подняла на меня глаза. Уголок ее ненакрашенных губ дрогнул, и секунду я не мог понять, улыбается она или усмехается. Прежде чем я успел придумать одну из своих полезных варисских фраз, мальчик окликнул ее.

Это был карманник, которого я окунул в гавани. Его волосы высохли, но шерстяная одежда все еще обвисала, и я увидел, что к его штанам прилип кусок серых водорослей. Он выплюнул еще несколько слов на варисском, несколько из которых я хорошо знал. Я выстрелил в его зубы - неприятный жест пальцами по обе стороны от горла. Это еще хуже, если вы знаете, как мы казним преступников в Челиаксе.

Мальчик жалобно заскулил, обращаясь к Скзарни. Молодой человек, который пел, задал ему вопрос, и снова я уловил только пару слов: "деньги" и "иностранец". И тут я понял, как глупо поступил, разбросав свое золото. Хотя они не набросились бы на меня прямо здесь, перед толпой, я мог бы вырастить длинный хвост из головорезов, пока уходил.

Седовласый скрипач сказал что-то такое, от чего весь лагерь Скзарни разразился хохотом, но по покрасневшему лицу мальчика я понял, что это было сделано не за мой, а за его счет.

"Мы не берем у тех, кто отдает даром", - сказала красавица передо мной. Ее талданский был превосходным, хотя и с сильным акцентом. "Драгос прав. Ты преподавал Милошу хороший урок".

Я показал ей свою маленькую улыбку и ущипнул себя за нос. "И хорошую ванну, я надеюсь".

Несколько скзарни сразу же засмеялись, а после того, как скрипач перевел, засмеялись и остальные. Милош бросил на меня взгляд, который должен был прожечь во мне дыру.

"Я Малена", - сказала танцовщица. Ее волосы были темнее полуночного новолуния, а драгоценные камни сверкали, как звезды среди облаков.

"Радован". Я передал ей упрощенную версию одного из тех причудливых поклонов, которые босс делает перед зеркалом, когда думает, что никто за ним не смотрит.

Малена искоса взглянула на меня. "Ты выглядишь варисийцем", - сказала она, - "но одежда у тебя чужая". Мне особенно нравились мои новые красные сапоги и куртка. Оба из тонкой челишской кожи, они скрывали большую часть моего рабочего снаряжения. Благодаря ее комплименту мои вечные переговоры с боссом о том, чтобы не носить ливрею Джеггара, стоили каждого довода.

"Меня зовут Варисиан", - сказал я. "Я родился в Челиаксе".

"Но твои родители родом из Усталава?"

"Возможно", - пожал я плечами. Вероятность этого довольно велика, но я не знал достаточно о своих родителях, чтобы заводить об этом разговор, поэтому я сменил тему.

"Мне нравится эта песня", - сказала я. "Как она называется?"

"Это "Принц волков", старая песня", - сказала она. "Вили хорошо поет ее". Не отрывая от меня глаз, она наклонила голову в сторону певца, который смотрел на меня тем самым территориальным взглядом, который я так часто ловлю в разговорах с красивыми женщинами.

"Конечно, поет", - сказал я, пытаюсь бросить ему косточку. По лицу Вили было видно, что он не понимает ни слова по-талдански.

"Ты знаешь варисские танцы?" Она покачала руками, звеня браслетами на запястьях и принимая позу, которую я видел на дешевых копиях известных картин, многие из которых были очень похожи на нее.

Прежде чем я успел ответить, скрипач заиграл танцевальную мелодию. Еще до второго такта зрители хлопали в ладоши, подняв руки над головой. На этот раз музыканты отошли к своему шатру, оставив ковер свободным, а Малена вихрем вылетела в центр, как королева на помосте. Там она приняла еще одну культовую позу, и толпа выкрикивала ее имя.

Сначала казалось, что она почти не двигается, но браслеты на ее запястьях и лодыжках звенели в такт музыке. Затем она закружилась, и подол ее юбки взлетел вверх, открывая стройные, мускулистые ноги. Редкая женщина в Егориане не брилась, и нечто в ее мохнатых икрах щекотало мне затылок. Или это, или запах ее естественного мускуса, когда она, кружась, приблизилась настолько, что коснулась своими волосами моего лица.

Я сразу понял, что меня приглашают, и последовал за ней на ковер, добавив слип к трехшажному танцу, чтобы соответствовать ее ритму. Толпа засмеялась, но Малена встретила меня на полпути боковым шагом, который заставил меня продолжить движение, пока она расписывала воздух хрупким шарфом, который она наколдвала из своего пояса. Вскоре местные жители аплодировали не меньше, чем смеялись, особенно когда я обхватил Малену за талию, а затем позволил ей вырваться, когда она оттолкнула меня широким жестом. Я демонстративно потрогал свою сумочку, чтобы убедиться, что она ее не утащила, и толпа одобрительно загудела. Они любили смеяться, а я подарил для них шута.

Малена отвернулась, бросив мне вызов, надувшись. Я подражал терпеливому мужу, которого видел в уличных бурлесках: руки широко и низко расставлены, лицо умоляет о прощении. Я опустился на колени и преподнес ей невидимый букет.

Она жеманничала, танцуя по кругу, чтобы опустить свой платок на лицо одного мужчины за другим. Некоторые из них отмахивались от нее, а их жены хмурились, другие тянулись за ней, но никто не успевал дотронуться, как она исчезала.

Я сделал шаг за ней, но потом остановился. В последний раз, когда я увлекся красивой женщиной, все быстро пошло прахом. За прошедшие месяцы я даже не отвечал на взгляды работающих девушек, и они начали возмущаться. Тем не менее, спустя месяцы и так далеко от дома, возможно, пришло время оставить прошлое позади, двигаться дальше и прочие банальности. Пока я размышлял, Малена, должно быть, почувствовала мою нерешительность, потому что она проплыла мимо меня. Ее волосы пахли поздними летними полями, и я решился. Я обхватил ее рукой за талию, низко склонил ее в своих объятиях и поцеловал.

Что касается поцелуев, то это была не самая лучшая моя работа. Я был слишком озабочен тем, чтобы позировать перед толпой, а она была слишком удивлена, чтобы решить, отдаться ли ей полностью или оттолкнуть меня. Я поднял ее на ноги. Опустив ее на ноги, я подтвердил свою догадку, что она всего на пару дюймов выше меня. Я сделал шаг назад, почти ожидая пощечины, но когда она поднесла руку к моей щеке, это вызвало лишь легкую ласку. Она улыбнулась мне в лицо.

Что-то ударило меня по затылку достаточно сильно, чтобы потерять остроту зрения. Я повернулся и отступил назад, подняв кулаки, чтобы защитить голову от нового удара. Мое зрение прояснилось достаточно, чтобы увидеть Вили, отгаскивающего Малену от меня. Она кричала на него на варисском языке, слишком быстро, чтобы я мог уследить. Он проигнорировал ее, глядя на меня.

Теперь мне хотелось чего-то большего, чем поединок с Маленой. Я подмигнул Вили и жестом, проверенным временем, поманил его к себе. Остальные скзарни дружно отодвинулись, как будто заранее знали, что произойдет. Конечно, они знали, как и зрители, которые наклонились, чтобы лучше видеть.

Скзарни начали хлопать в неровном ритме, и многие в толпе присоединились к ним. Они уже видели этот танец раньше. Я позволил Вили взять инициативу на себя, и он начал кружить вокруг меня по солнечной стороне, чего никогда не делает серьезный боец. Он устраивал представление для толпы, для своих товарищей, а главным образом для Малены. Я дал ему успокоиться, пока оценивал его. Он был выше на пять или шесть дюймов, но я превосходил его на добрый камень или два. Я бросился вперед.

В его правой руке появился нож. Это было изящное движение, быстрое, как волшебство. Толпа ахнула, а я остановился посреди ковра. Лезвие было длиной с его руку и выглядело острым. Это было простое оружие, хорошо хранимое и часто используемое. Я переоценил способности Вили. Он был опасен.

Я вытащил свой собственный нож из встроенных ножен вдоль позвоночника пиджака, где его перевернутая рукоять выглядела как хвост, которого у меня нет, что бы ни говорили эти лживые придурки с Аллеи трюков. Он был вдвое больше, чем у Вили, с дьявольскими изгибами, излюбленными челишскими грабителями и жрецами Асмодеуса. В то утро я подточил край, и послеполуденное солнце подожгло серебряную филигрань.

Вили держал рот прямо, но блеск покинул его глаза. Он изменил курс и стал кружить вокруг луны, пока не остановился и не показал, что положил нож на ковер. Я покачал головой в насмешливом разочаровании, но отступил назад и глубоко вонзил нож в ювелирный блок рядом с соседней палаткой. В периферийном зрении я увидел удаляющуюся фигуру карманника. Не сводя глаз с Вили, я сказал по-варийски: "Нет". Затем, надеясь, что кто-нибудь переведет, я добавил на талданском: "Тронь ее, и я надеру тебе задницу и выброшу обратно в гавань".

Я говорил серьезно. Это был дорогой нож.

Вили бросился на меня. Я уклонился влево и зацепил ногой его ногу, толкнув его, когда он промчался мимо. Он споткнулся, но быстро повернулся, гораздо проворнее, чем я мог предположить. Он опустил голову и зарычал, показывая зубы. Его клыки были длинными и желтыми. От его кожи исходила животная вонь, а светлые волосы на его голых плечах стали густыми.

Я пожалел, что не вернул в руку тот посеребренный нож.

Круг вокруг нас расширился и стал тише. Рычание Вили стало глубже, а его лицо начало меняться. Его тяжелые брови сошлись вместе, волосы рассыпались по расширяющемуся носу и низкому лбу. Его челюсть удлинилась, а большие зубы стали еще больше. Не успели вы сказать "оборотень", как он уже был на мне.

Я схватил его за длинные уши и крепко держал. Его кулаки били меня по ребрам, но меня больше беспокоили зубы. Пока я сосредоточился на том, чтобы удержать его челюсти подальше от моего горла, его колено уперлось мне в пах. Он застонал, когда шип в моей кожаной чашечке раздробил его коленную чашечку. Завтра мне понадобится портной, а ему - костыль.

Я перетянул его через мою ногу и бросил на землю, все еще держась за его уши. Он вцепился в

меня, и я почувствовал, как его пальцы превратились в стальные шипы и впились в мою шею. Я прижал свое лицо к его морде и широко улыбнулся Вили.

Я стараюсь не делать этого часто, потому что мои зубы - не самая лучшая моя черта. Мне приходится доплачивать уличным цирюльникам, когда я хочу поскоблить зубы, а самое доброе, что кто-нибудь сказал о моей улыбке, это то, что она напомнила ему коробку с хорошим серебром, которую обронил дворецкий.

Кто-то в толпе закричал, и половина зрителей побежала домой или в храм. Даже Скзарни перестали хлопать.

"Не заставляй меня кусаться, парень", - сказал я, не обращая внимания на то, что он выглядел на добрых пять лет старше меня. Судя по запаху, я был уверен, что он был тем, кого я только что напугал до смерти.

Один из других скзарни выкрикнул перевод. Вили постепенно ослабил хватку, его глаза не покидали моих, и лежал на спине неподвижно. Я встал, наблюдая, не вернется ли к нему желание продолжить борьбу.

Когда я отошел подальше, то увидел, что большая часть толпы исчезла. Скоро я останусь наедине со Скзарни, так что пора было уходить. Я повернулся и увидел, что мальчишка убегает от моего ножа, который все еще крепко застрял в блоке ювелира. Жаль, что я не видел, как он напрягся, чтобы вытащить его. Я вытащил его, приподняв тяжелый блок на дюйм, прежде чем лезвие вышло наружу.

Вили отступил к группе Скзарни. Без толпы, скрывающей их число, я насчитал четырнадцать. Они бросали косые взгляды на седовласого скрипача, и я понял, что он их начальник - вождь, староста или кто там еще. Я дотронулся до своего подбородка, не понимая, что жест Челиша может быть непереводаемым, но он ответил мне таким образом, что я подумал, что так оно и есть. Это могло означать, что все улажено и решено, а могло просто означать, что я могу получить фору.

Когда я отошел, Малена сказала: "Подожди. Не сердись на нас, Радован. Позволь мне наложить на тебя заклинание колоды Харроу. Это подарок".

Все лучшие поговорки о мести принадлежат скзарни, поэтому я знал, что задерживаться среди них без толпы поблизости - плохая идея. Кроме того, мне никогда не нравились гадалки. Они хуже большинства других гадалок, потому что время от времени попадаетея настоящий гадалщик, один из тех, кто читает карты и действительно может увидеть что-то на расстоянии тысячи дней. Чаще всего вы просто платите несколько серебряных мошеннику и уходите, думая, что узнали что-то о себе, но это обычная болтовня Скзарни, какая-то чушь о любви, какая-то чушь о богатстве, еще какая-то чушь о вашей щедрой натуре и пытливом уме. Я и сам мог бы это сделать, если бы умел держать лицо.

Как бы я ни смотрел на это, не было никакой веской причины оставаться для карточного фокуса. Тем не менее, мысль о том, что перед Маленой я буду выглядеть не смелее Вили, не давала мне покоя.

Не успел я решиться уйти, как несколько женщин-скзарни вынесли маленький круглый столик и два табурета и удалились, оставив в центре ковров только меня и Малену. Скрипач остался неподалеку, возможно, считая себя сопровождающим.

Все это происходило под открытым небом в центре Калифаса, и дневного света было еще

достаточно. Какого черта? Я сел напротив Малены.

Она обошлась без вводной болтовни, которую я уже видел, и просто передала мне свою колоду Харроу. Карты были старые, но края их были еще достаточно острыми, так что я не сразу обратил внимание на следы от остроты карт. Я развернул их и посмотрел на лица: Жонглер, Павлин, Королева-мать, Паладин. Я видел их всех раньше, нарисованных другими художниками. Тот, кто создал эту колоду, обладал жутковатым талантом, а может, изображения просто казались более зловещими в моих нынешних обстоятельствах.

Удовлетворенная тем, что я в достаточной степени оставил свой дух на ее картах или чем-то еще, Малена забрала их обратно. "Зачем ты пришел", - сказала она, перетасовывая карты. Она перебирала их, как азартный игрок на пристани, и положила их лицом вверх не в привычную коробку, а в виде полумесяца, рогами ко мне. "Что вы обнаружите".

Наконец, без комментариев, она положила одну карту лицом вниз между рогами полумесяца.

Она начала с центра с карты "Изверг". "Вот откуда ты пришел", - сказала она. "Место силы".

"Это невероятно", - сказал я. Она проигнорировала мой сарказм. Если ее пальцы были настолько острыми, как я себе представлял, то ей не составило большого труда разложить карты так, как она хотела, а увидев мою широкую улыбку, она не могла не понять, что я приехал из более теплого климата.

"Вот силы, которые принуждают вас". Она указала на соседние карты, тирана и странника. Она поэтично рассказывала об аспектах ума и личности, а я кивала, не слушая. Ее глаза были более зелеными, чем я предполагал ранее, и у нее был дополнительный пирсинг на каждой мочке уха. Татуировка в виде змеи пересекала ее шею и спускалась по одному плечу. Я хотел последовать за ней, но рядом маячил Скрипач. Неужели я начну новую ссору, смахнув прядь волос с голого загорелого плеча?

"Это силы, которые противостоят тебе", - сказала она. Здесь были Идиот и Предательство, хороший выбор. "А эти могут помочь тебе или ввести в заблуждение". Немая карга и Танец. Этот вариант показался мне примерно наполовину хорошим, учитывая нынешнюю компанию, и я начинал нервничать. Оглянувшись, я заметил, что больше никого не было в поле зрения.

Она дошла до рогов полумесяца и описала Близнеца и Пустой Трон как тени моей судьбы. Идеально, подумал я. Далее она скажет, что я унаследую богатства давно потерянного брата, а затем скрипач предложит мне продать земельный надел.

Я встал. Она смотрела на меня с загадочным выражением лица. Она ждала, что я сейчас задам вопрос? Чтобы предложить ей деньги? Я потрогал кошелек, чтобы убедиться, что он все еще на моем бедре, но потом заметил, что она не прикоснулась к последней карте. Я перевернул ее.

На карте был изображен человек, стоящий на вершине залитого лунным светом холма, со скипетром в руке и короной у ног. Под ним дюжина светящихся глаз выглядывала из тени, словно ожидая приказа свыше.

"Нет!" - закричал скрипач. Он ударил ногой по столу, разбросав карты.

Что-то в тоне его голоса заставило меня вздрогнуть. Я отступил на несколько шагов, прежде чем понял, что натворил. Малена наклонилась, чтобы поднять карты, и скрипач обругал ее на варисском языке. Я уловил лишь несколько слов, но язык их тела сказал мне все, что нужно. Она сделала что-то не так, и он был в ярости.

"В чем проблема?" спросил я.

"Быстро", - сказала Малена. Она вложила что-то в мою руку. "Вот твоя монета. Теперь иди!"

Скрипач указал на меня своими внешними пальцами, как бы обратными пальцам. "Отойди от моей семьи, дьявол", - сказал он. "Ты проклят!"

"Ну, да", - это было самое язвительное замечание, которое я смог вымолвить. Тем не менее, я понял, когда услышал свою реплику. Я попятился от ряда прорицателей. Только когда я завернул за угол, я посмотрел на то, что дала мне Малена.

Медная вещица, и даже не новая блестящая. Голова древнего лорда на его лицевой стороне была покрыта черной копотью десятилетий, может быть, столетий. А может, и больше. Он был красивым парнем, но с кислым выражением лица, как будто только что попробовал что-то, что должно было ему понравиться, но пришлось выплюнуть.

"Мы с тобой оба", - сказал я ему.

*Слип - Сленговый термин для обозначения халфлинга.

Скзарни - это свободная группа варисских преступных семей, действующих в основном в городах и поселках Варисии, но встречающихся везде, где собирается значительное число варисийцев.

Скзарни сосредоточены на менее насильственных преступлениях, таких как грабежи, карманные кражи и схемы доверия, и обычно нападают только на неварисийцев. Они считают, что это позволяет им получить максимальную прибыль при минимальном риске. Их могут изгнать из города, избить, посадить в тюрьму или даже изуродовать, но редко кто из скзарни умирает за свои преступления. Однако их деятельность настолько печально известна, что они во многом способствовали формированию расового стереотипа о варисийцах как о ворах, не заслуживающих доверия. Будучи в высшей степени независимыми, одна семья скзарни не имеет почти ничего общего с другой, кроме рода занятий, культурного происхождения и общих методов.

Многие семьи, связанные со Скзарни, обучают и платят независимым исполнителям, чтобы те работали от их имени, когда им нужно устранить кого-то, не замарав собственных рук. Эти исполнители хорошо известны своим профессиональным кодексом поведения и прозрачностью сделок.

Большинство варисийцев настроены негативно по отношению к скзарни и не хотят иметь с ними ничего общего. Они считают, что их деятельность приводит к неприятностям и дальнейшему формированию стереотипов в отношении их народа. Несмотря на это мнение, большинство варисийцев готовы оказать помощь попавшему в беду скзарни, особенно когда в дело вовлечены посторонние.

Взято с: <https://pathfinderwiki.com/wiki/Sczarni> Глава третья: Шрам Лепидштадта Когда я подал руку, чтобы проводить Госпожу Тару в карету, ее сопровождающий настолько резко вмешался, что я был вынужден отступить назад, чтобы не получить его плечом в грудь. Мое знакомство с Казомиром Галданой длилось менее часа, но я уже пожалел о своем обещании проводить его домой.

От кого-то из своей обширной сети поклонников, соперников и подхалимов Кармила узнала о вашем намерении посетить поместье графа Люцинеана Галдана в надежде получить доступ к

его фамильной библиотеке. Сначала я сомневался, что лорд Усталава откроет свои частные владения Следопыту, но я не был удивлен, узнав, что ваша сила личного убеждения равна красноречию ваших письменных отчетов. Кармила также слышала, что вы произвели на Галдана такое впечатление, что этой весной вы несколько дней гостили в его поместье в Виллоуморне. И это действительно так, презрение к нашему Обществу не обязательно должно быть всеобщим среди дворян Усталава.

Я никогда не встречал нынешнего графа Галдана, а о его предшественнике помню только веселый нрав, склонность к деревенскому юмору и хвастовство о недавних охотничьих вылазках. Сплетни, которые мне удалось собрать после приезда, изображали нынешнего графа Амаанского как заядлого охотника, который так часто выезжает на охоту, что дворяне Калифаса привыкли принимать одного из его ближайших родственников, на этот раз сына его сестры Казомира. В обмен на свою информацию Кармила попросила лишь о том, чтобы я сопровождал Казомира и его кузину Тару в Виллоуморн.

То, что просьба Кармиллы полностью совпала с моими собственными планами, не ускользнуло от моего внимания, равно как и то, что я был глух к шепоту о ее желании подорвать позиции Дома Ордранто. Конечно, Казомир мог бы нанять собственную охрану и карету, но Кармила настаивала, что пользование роскошью моего собственного транспортного средства произведет благоприятное впечатление, которое только поможет мне получить доступ в библиотеку семьи Галдана. В других обстоятельствах я, возможно, колебался бы, прежде чем позволить манипулировать собой таким образом, но, взвесив вероятность того, что Кармила использует мой визит, чтобы вызвать подозрение графа Галдана, и перспективу найти вас, я решил, что опасность стоит того.

Казомир Галдана был иконой усталавской знати. Худощавый и скуластый, после полудня он уже демонстрировал тень темной бороды, хотя, напротив, его волосы были бледны, как зимняя солома. Я заметил рапиру у его бедра и знакомый шрам под левым глазом. Не имея собственного потомства, его дядя граф усыновил его - жест, нередкий среди усталавской знати, особенно между дядей и сыном сестры. В обмен на оказанную честь Казомир выполнял те обязанности, которые граф не хотел выполнять лично, например, привозил их кузена из Калифаса.

Кузина Казомира Тара недавно приехала из Вудры, где ее отец служил послом Усталава до своей отставки десять лет назад. Хотя посол желал насладиться оставшимися днями в прекрасном климате родины своей жены, он хотел, чтобы их дочь, достигнув совершеннолетия, познакомилась с его родной культурой. Я подозреваю, что он также надеялся, что ее пребывание в обществе Усталава может спровоцировать удачный брак.

Тара обладает красотой, свойственной людям смешанного происхождения, если вы простите такое своекорыстное мнение. Цвет лица у нее цвета толченой корицы, а глаза такие черные, что нужно присмотреться, чтобы понять, что она не использовала белладонну для увеличения зрачков. И все же на этой вудранской палитре покоится аквилинный нос, характерный для варисийцев Усталава, а ее волосы скорее отражают блеск прядильной меди, чем землистые тона хны.

К сожалению, за время нашего знакомства молодая женщина произнесла менее двух десятков слов, и все они были отработанной вежливостью. Я подозреваю, что ее телосложение плохо приспособлено к осенней погоде, или, возможно, она еще не освоилась с местной кухней. А может быть, она слишком много выпила вина принца и испытала те же последствия, от которых страдал я. Какова бы ни была причина, по крайней мере, ее нежная комплекция не дает себя в обиду, в отличие от чрезмерной опеки Казомира над своей кузиной.

Казомиру следовало бы больше ценить мое присутствие, ведь без него он мог бы пострадать больше, чем от удара плечом в грудь. Когда второй взгляд на Радована убедил его в адской сущности моего телохранителя, грубые расспросы Казомира о его происхождении были близки к оскорблению. Радован понял больше варисского, чем я ожидал, но, к счастью, его ответ был достаточно вежливым, если не сказать раболепным, чтобы удовлетворить злой нрав Казомира. Мне бы хотелось, чтобы Радован удвоил свои усилия по изучению местного языка, ибо все меньше уроженцев Усталава будут понимать его талданский по мере того, как мы будем удаляться от Калифаса.

Перед отъездом из города произошел еще один досадный инцидент. Никола извинился за задержку с поставками, но это не имело значения, так как я отложил наш отъезд на один день, чтобы Казомир и Тара могли избавиться от своих внутренних обязательств. Никола все еще порхал вокруг, и невозможно было не заметить лукавую улыбку Радована, когда он заметил волнение моего камердинера. Когда я заметил, что Никола постоянно трогает новый кошелек с монетами, я понял, что именно могло произойти.

Я позвал Радована к себе под предлогом осмотра шести охранников, которых он отобрал. Они были грубоваты, но, судя по ампутированным конечностям и пьяным лицам, которых я видел слоняющимися возле поста найма, Радован выбрал самых способных. Только двое проявляли военный нрав, а один носил высокий воротник, который не совсем скрывал уродливый шрам от петли.

"Сколько осужденных?" спросил я Радована.

Он выпятил челюсть в полуулыбке, которая говорит о том, что он предугадал мой первый вопрос. "Только один", - сказал он. "Вопрос в том, какой именно?"

То, что он спросил, означало, что ответ не был очевиден, если только он не блефовал. Радован любит вводить в заблуждение, и это качество я ценю гораздо больше, когда оно используется на моей службе, а не за мой счет. Эта уловка должна была бы меня раздражать, но трудно устоять перед загадкой, пусть и простой.

Поэтому я не принял во внимание повешенного, которого, как сказал мне Радован, звали Костин. Пара, которая показалась мне бывшими солдатами, были Антон и Димитру. Они сидели на низкой стене возле конюшни, не глядя прямо на нас, но, очевидно, зная о нашем разговоре и готовые двинуться в путь, как только услышат приказ. Лука, худощавый парень с ожогом на тыльной стороне одной руки, осматривал лошадей, прежде чем наконец оседлал серую кобылу для себя. Костин стоял, опираясь одной ногой о стену, прислонившись к одноглазому Эмилю. Они раскуривали трубку, вырезанную в виде спящего медведя, но, несмотря на все их старания быть невозмутимыми, их взгляды постоянно обращались к занавешенному окну красной кареты, где они в последний раз видели, как исчезала прекрасная Тара. У последнего, длинноволосого юноши по имени Григор, не хватало мизинца на одной руке. Он смотрел в прицел своего арбалета, наверное, уже в третий раз с момента нашего прибытия.

Я указал на третьего мужчину.

"Да, Лука", - сказал Радован, звучно ослабившись. "Но за что его посадили?"

"Кража лошадей", - сказал я. "Он хорошо знает этих зверей, а традиционное усталавское наказание за кражу - клеймо на тыльной стороне руки".

Радован кивнул в знак одобрения. Это не было особенно проницательным умозаключением, но

я высказал его достаточно уверенно, чтобы произвести на него впечатление. После столь долгого общения такие случаи становились редкостью. Тем не менее, ответ послужил тем ходом, который мне был нужен.

"В этом есть урок для тебя", - сказал я. "Такое клеймо будет препятствовать твоей возможности общения в определенных кругах".

Радован обычно мало о чем говорит, но я заметил, как слегка напряглось основание его челюсти. Он кивнул, но ничего не сказал. Было время, когда этого было бы достаточно, чтобы подтвердить понимание между нами, но я чувствовал необходимость внести ясность.

Я добавил: "Я верю, что Никола найдет свой потерянный кошелек среди багажа".

Радован посмотрел в сторону солнца, которое только что перевалило за горизонт. "Я удивлен, что он еще не нашел".

В более счастливые времена он мог бы позабавить меня остроумной репликой, но мое замечание его задело. Возможно, это моя вина, что я допускал такую неформальность на протяжении многих лет.

Слишком поздно для таких мыслей. Я не мог больше заставлять своих гостей ждать, поэтому щелчком пальцев подозвал Николу, и мы сели в карету. Мгновение спустя наемный водитель натянул вожжи, и мы начали свой путь на север, в сердце Усталава.

Путешествие по дороге никогда не бывает таким комфортным, как в красной карете. Четыре поколения слуг из числа людей и халфлингов обслуживали эту карету со дня моего рождения, но она ни разу не требовала ремонта. Не потускнел и ее блестящий цвет. Ни рессоры, ни, что удивительно, колеса никогда не требовали замены, хотя я ежегодно переобуваю последние в свежую сталь. Салон похож на крошечную гостиную, а сиденья с толстой кожаной обивкой роскошны настолько, насколько может быть роскошным любое кресло. Они скрывают вместительные отсеки, которые слуги заполнили моими вещами, чтобы освободить место на крыше для багажа моих гостей. В просторных окнах сохранились оригинальные стекла. Рядом с ними стоят крошечные заколдованные лампы, излучающие свет при одном прикосновении. К сожалению, никто из моих попутчиков, похоже, не ценит эти удобства так, как я.

Чтобы облегчить дискомфорт Тары, я задернул шторы, но Казомир не позволил больше ничего делать. Однако, когда Тара начала дремать, он удивил меня, наклонившись вперед, чтобы завязать со мной разговор.

"Простите меня, ваше превосходительство", - сказал он. "Боюсь, я нанес вам оскорбление. Моя забота о здоровье моей кухни..."

"Не думайте об этом", - сказал я, как обычно. "Я надеюсь, что путешествие не ухудшит ее состояние".

"Состояние?" - сказал он с укором. "Что вы имеете в виду?"

"Ее плохое здоровье", - сказал я.

"Ах," сказал он. "Прошу прощения. Калифас - колыбель клеветы в нашей стране, и приезд моей кухни породил самые отвратительные домыслы среди наших пэров".

"Действительно."

"Но вам не нужно, чтобы я просвещал вас в этом вопросе", - сказал он. "Я понимаю, что вы тоже пережили скрежет языков Калифаса".

Я кивнул не столько в знак признания, сколько для того, чтобы побудить его продолжать. Долгое время он не продолжал, и я позволил молчанию затянуться.

"Графиня Калифвасос выглядит очень хорошо", - сказал он.

"Да", - согласился я.

"Если я правильно понимаю, вы знаете ее уже некоторое время".

"Так и есть. Мы встретились, когда я направлялся в Лепидштадтский университет для проведения исследований".

"А, тогда вы должны быть знакомы с мастером Нагреа, преподавателем фехтования".

Теперь я понял, куда Казомир намеревался направить разговор. Когда я жил в университете, несколько моих товарищей предложили мне поучаствовать в их выпускной традиции. По окончании обучения фехтованию студенты несут свои рапиры и большое количество вина на высокий утес у реки. Там они по очереди встают пятками на край обрыва, надев только стальной козырек для защиты глаз. Один за другим их товарищи проверяют их мастерство и мужество. Претенденты должны отступить, как только защитник нанесет рану, обычно это легкое пощипывание руки, но только после того, как защитник получит пощечину на лице, честь позволяет ему сойти вниз. Друзья победителя поднимают за него тост и заливают свежие раны вином, чтобы шрам остался надолго. Среди дворян Усталава лепидштадтский шрам более знаменит, чем графская печать".

"Нет", - ответил я. "Мой визит произошел, вероятно, до его приезда".

"Ах, - сказал Казомир, изучая мое лицо. Он, несомненно, с самого начала увидел, что у меня нет знаменитого шрама и я не ношу шпагу. Попытался ли он спровоцировать меня? Это казалось такой неуклюжей уловкой, что я усомнился в столь очевидном объяснении, однако он больше ничего не сказал, пока мы не остановились в полдень, чтобы отдохнуть".

Казомир сопровождал своего кузена в променаде вокруг нашего придорожного лагеря, а Никола руководил приготовлением холодного обеда. Я нашел Радована среди охранников, которые избежали призыва Николы. Местные жители учили его варисским фразам, пока разминались от утренних болезненных ощущений. Сначала я был разочарован, услышав, что большинство из этих фраз - хвастовство и вызов на крестьянском диалекте, что подрывает основы правильного варисского языка, который я пытался привить своим слугам во время путешествия из Челиакса. Однако вульгарный диалект, несомненно, пригодится Радовану в общении с представителями низшего класса.

Я наблюдал, как Радован демонстрировал один из своих любимых трюков. Он и Григор, длинноволосый лучник, стояли примерно в двадцати шагах друг от друга, каждый возле березы и немного впереди, и каждый держал наготове один из сапожных ножей Радована. С тех пор как я настоял на том, чтобы их посеребрили, готовясь к экспедиции, Радован жаловался, что у них нарушен баланс, и при каждом удобном случае тренировался в метании. На земле между ними лежало несколько серебряных монет - их ставки. Стоя с одной стороны, Лука отсчитывал: "Три... два... один!".

Одновременно каждый из них метнул свой нож в сторону дерева другого. Радован вонзился в

березу на два дюйма, но мгновением позже поймал нож соперника и метнул его обратно. Он застрял и дрожал в дюйме над первым ножом.

"Маленький трюк, которому я научился на Угрюмой улице", - сказал им Радован на талданском.

Стражники одобрительно зароптали, даже Григор, который проиграл пари.

Я выступил вперед, чтобы высказать свое пожелание, чтобы мы добрались до Кавапешты с тем же количеством пальцев, что и при выходе из Калифаса, но Радован заговорил первым.

"Скажи, босс", - сказал он. "Они учат меня варисскому языку: я крупнее, чем кажусь. Не смейтесь надо мной".

Усталавы засмеялись. "Хороший акцент", - сказал я. "Идиома, однако, могла бы быть немного утонченной".

"Больше, чем я выгляжу", - повторил он под новый смех. Мужчинам он нравился, но я задавался вопросом, насколько они искусны.

"Пока вы, мужчины, занимаетесь своими упражнениями, побалуйте меня демонстрацией", - сказал я.

"Что ты хочешь?" - спросил Радован. "Стрельба из лука? Рукопашный бой?"

"Мечи", - сказал я.

"Хорошо", - сказал он. "Антон, Лука". Лысый солдат и конокрад шагнули вперед. "Покажите боссу, что у вас есть", - сказал он на талданском и добавил на варисском: "Не убивайте и не рубите головы. Для бестера". Он протянул золотую монету, зная, что я заменю ее в его следующем денежном кошельке.

Антон и Лука не нуждались в дополнительном стимуле. Они достали свое оружие и подошли друг к другу. На крестовине меча Антона был королевский герб - оружие ветерана. Лука держал в руках абордажную саблю, вероятно, выигранную в азартной игре на набережной. Они пригнулись и несколько раз скрестили клинки. Антон парировал удар по руке и нанес ответный удар, поразив предплечье Луки.

Радован покачал головой. "Это было жалко", - сказал он Луке. Он бросил золотую монету Антону, но я перехватил ее в воздухе.

"Я не требовал пантомимы", - сказал я. "Я хочу посмотреть, умеешь ли ты драться. Радован, займи место Луки".

"Да ладно, босс", - сказал он. "Ты знаешь, что я не силен в обращении с мечом".

Правда, я никогда не видел Радована с мечом, который он не отнял у нападавшего, и в таком случае он либо выбрасывал оружие, либо использовал его рукоять для нанесения ударов противнику. Он предпочитал сражаться на близком расстоянии.

"Очень хорошо", - сказал я, снимая плащ. "Одолжи мне свой клинок, Лука".

Стражник заколебался, прежде чем отдать оружие и отступить. Я почувствовал его вес и сделал несколько пассивных движений в воздухе. Это было не идеальное оружие для дуэли.

Антон поднял руку. "Пожалуйста, мой господин", - сказал он. "Я не хочу причинить вам вреда".

"Если вы сможете меня поцарапать", - сказал я, - "десять золотых монет".

"Десять!" - сказал он с энтузиазмом. И поднял свое оружие.

Внезапно я почувствовал себя глупцом. Прошло много лет, возможно, больше десятилетия, с тех пор как я регулярно тренировался. Я получил прекрасное обучение, но это тоже было десятилетия назад, и среди нескольких причин, по которым я нанимаю Радована, есть и та, что я не люблю персональные бои.

Но здесь, что я должен был делать? Неужели так важно было показать Казомиру, что отсутствие у меня Лепидштадтского шрама не делает меня евнухом? Если бы я позволил этому наемнику поцарапать меня, это было бы доказательством того, что я больше не фехтовальщик.

Антон ударил меня по колену, но я парировал и отступил. Он последовал за мной, но бросил вопросительный взгляд на Радована. Я ответил, выбив его клинок из линии и атаковав его ведущее плечо.

Антон поймал мой клинок на свою перекрестную рукоятку, когда отступал. Я атаковал, переплетая его клинок в небольшой круг, а затем резанул в противоположном направлении, чтобы ударить по его руке. Кончик моего клинка задел кожаный браслет на его запястье, но кровь не пошла.

"Возможно, это не такая уж хорошая идея", - сказал Антон. Он опустил свою защиту, пожав плечами. Я опустил кончик своего клинка. Он сказал: "Боюсь, я порежу Вас..."

Он сделал выпад в сторону носка моего сапога. Я поднял ногу, надавил на его лезвие и постучал кончиком клинка по его подбородку.

Антон посмотрел на меня с того места, где он опустился на колени. Страх на секунду бросил тень на его глаза, но затем он примирительно улыбнулся мне. "Думаю, возможно, ты уже сталкивался с этим трюком".

Я бросил Антону монету и вернул Луке одолженную саблю. Даже после нескольких секунд игры на мечах у меня болело плечо. Когда я повернулся, чтобы уйти от мужчин, Радован подошел ко мне.

"Что у тебя на уме?" - спросил он. Как бы я ни ценил его острое восприятие, я бы предпочел, чтобы он направил его прочь от меня.

"Один из наших гостей напомнил мне, что я слишком давно не упражнялся в фехтовании", - сказал я. "Думаешь, Антон проиграл специально, чтобы добиться моего расположения?"

Радован пожал плечами. Будучи не полностью лишенным дипломатичности. "Это мне напомнило", - сказал он. "Как скоро я смогу раздать мужчинам их подарки? Некоторые из них не совсем привыкли к правильному мечу".

Я не решался раздать посеребренное оружие раньше, опасаясь, что один или несколько человек сбегут, чтобы продать ценное оружие, а не рисковать в опасном путешествии за относительно небольшую плату. Финансовые потери не были моей главной заботой, но я взял с собой достаточно для небольшого контингента стражников, и я хотел, чтобы все они были способны противостоять как сверхъестественным, так и обычным опасностям дороги.

"Если только ты не готов достать старую книгу заклинаний и...?" Радован пошевелил пальцами, изображая жест волшебника. Он смотрел на меня в ожидании ответа, и я знал причину.

За многие годы нашего общения Радован видел, как я вычислил личность вора благодаря материальным компонентам заклинания, которое он использовал, чтобы проникнуть в запертый сейф. Он наблюдал, как я переводил руны древнего магического ребуса и изменял их, чтобы раскрыть скрытое послание. Он даже видел, как я отклонил заклинания мага-любителя в одном из зловещих случаев шантажа. Однако Радован никогда не видел, чтобы я произносил правильное заклинание. Удивительно, что он никогда не поднимал этот вопрос раньше. Ответ на его вопрос был неудобным, но, учитывая потенциальную опасность путешествий по дорогам Усталава, ему пора было это знать. С другой стороны, существовал вопрос приличия. Он был моим слугой, а не ровней.

"Теперь вы можете распределить оружие", - сказал я ему.

Радован был более неумолим, чем мерзкие терьеры моей двоюродной племянницы. "Но ты готов подкрепить их заклинаниями, верно?"

"Надеюсь, ты им этого не сказал?"

"Конечно, нет, но я подумал..."

"Вы не должны полагаться на то, что я произнесу какие-либо значимые заклинания", - сказал я.

"А как же все эти магические книги и вещи в вашей библиотеке?"

Я вздохнул. "Изучение арканов было одним из моих самых первых увлечений. К сожалению, хотя я был искусен в теории, на практике я столкнулся с определенными трудностями".

"Да?" - сказал Радован. "Какого рода трудности?"

Большинство наблюдателей, не знакомых с арканами, не понимают, что маг на самом деле произносит большую часть любого заклинания задолго до того, как выпустить его силу в наш мир. Для большинства заклинателей высвобождение магии сводится к произнесению последних фраз, завершающему жесту и, возможно, расходу катализатора.

К сожалению, для меня это также - если говорить прямо - вопрос высвобождения моего последнего блюда.

С того момента, как я впервые мысленно произношу заклинание, и до того, как я его произношу по памяти, мое тело сводит судорогой. Я потею самым неприличным образом, и временами у меня развивается нестерпимое заикание. Чем дольше я держу подготовленное заклинание, тем хуже становится мое состояние. Даже облегчение от высвобождения его силы неизбежно сопровождается шумным срыгиванием, что, уверяю вас, доставляло моим товарищам по Академии в Корвосе массу удовольствия.

Но Радована это не касалось. Мне давно пора было возобновить более формальные отношения с помощником. Я махнул ему рукой и сказал: "Люди голодны. Позаботься о них".

Основанный в 3898 AR, Лепидштадт является крупнейшим поселением во всем Виланде и фактически выступает в качестве столицы графства, поскольку здесь находится правящий совет. Лепидштадт расположен на берегу одной из многочисленных рек Усталава, к западу от

подножия огромных и почти неприступных Бивневых гор, которые обозначают границу с владениями Белкзена.

Взято с <https://pathfinderwiki.com/wiki/Lepidstadt>

Лепидштадтский университет, или Университет Лепидштадта, известен во всем Авистане и за его пределами; он специализируется на "смертных науках" - медицине, математике и естественных дисциплинах. Университет был основан братьями Лироном и Кадамоном Трайесами в 4422 AR как место для записи своих исследований и хранения сокровищ, найденных во время изучения Калекскурта.

Взято с https://pathfinderwiki.com/wiki/University_of_Lepidstadt

Вудра (произносится ВУ-дра) (также известная как Ванду) - это обширный полуостров, простирающийся на юго-востоке Касмарона, общая площадь которого почти равна площади Авистана. Вудра является домом для вудрани - человеческой народности, известной своей общительностью. Вудра, также известная как Невозможные королевства, состоит из более чем ста махаджанпадов - полунезависимых королевств, управляемых раджами. Эти раджи, в свою очередь, служат махарадже - императору, происходящему от Хибен-Салда, который при жизни провел десятилетие в качестве почетного гостя у древнего гарундийского короля-волшебника Некса.

Последние контакты между Вудрой и регионом Внутреннего моря стали возможны благодаря тому, что Вудрани теперь обитают на острове Джалмерай, расположенном в океане Обари между странами Некс и Кадира.

Взято с <https://pathfinderwiki.com/wiki/Vudra>

Глава четвертая: Мост СенирВ отличие от егерей и девушек, я не нахожу в лошадях ни капли романтики. Конечно, эти проклятые твари всегда меня ненавидели, так что я необъективен. Пара других адских тварей сказали мне, что у них та же проблема, но другие способны ездить верхом целыми днями. Однако один мой запах заставляет большинство тягловых животных с криками бежать в сарай. Самые смелые обычно ждут, пока я подойду поближе, а потом пытаются затоптать меня до смерти. Десять футов - это безопасный предел, поэтому я не еду впереди в красной повозке, если только боссу не нужна дополнительная скорость.

И сколько бы раз я ни слышал, как наездники жалуются на пролежни в седле, я знаю, что это лучше, чем стоять на ступеньке лакея. После пяти дней, проведенных на заднем сиденье кареты, мои ноги стали похожи на колонны из свинцового шлака. Я больше не мог этого выносить. Спина болела, а карета закрывала мне половину поля зрения. Я забрался на крышу.

Багаж, сложенный так высоко, нарушал равновесие, поэтому я присел на корточки возле ящика с арбалетными болтами, чтобы осмотреться. Последние населенные фермы Калифаса были на день позади нас. Утром мы проехали несколько развалившихся печных труб, надгробные плиты заброшенных домов. С тех пор дорога была единственным следом человека на этой земле. Она уходила в лесистые горы к перевалу, где мы должны были пересечь крошечное графство Ульказар, а затем въехать в Амаанс, владения графа Галдана.

До наступления темноты оставалось еще несколько часов, но тени западных вершин тянулись к нам, их пальцы приближались с каждым поворотом дороги. Я почувствовал озноб и пожалел, что не надел под куртку что-нибудь поплотнее. Мне следовало бы купить одну из тех шерстяных рубашек, которые я видел на рынке в Ваунтиле, но после долгого дня, проведенного на лакейской лестнице, я слишком устал, чтобы променять даже полчаса в нормальной

постели на обещание будущего комфорта. Дело было не в деньгах - я использовал деньги из кошелька Николы на ставки в Башнях после отъезда из Сцарни, так что я был на мели. Можно было подумать, что варийцы лучше разбираются в карточных играх Харроу, но Десна улыбнулась мне. Может, они просто играют не так, как мы на юге. Они даже не заметили, как я забрал их карты, когда уходил. Я знаю, что это было наглостью, но мне хотелось получше рассмотреть колоду местных.

Рисунок отличался от того, что я видел раньше, но в этом не было ничего необычного. За многие годы я видел полдюжины вариаций этих карт. Даже в Челиаксе рыночные оракулы используют их для гаданий, а знатные женщины считают их модными, играя в предсказания на пирожные и напитки. Мой прежний начальник, Зандрос Справедливый, запретил козопасам играть в башни, что он считал дурной приметой, если не откровенным святотатством. Он стал еще более суеверным после того, как обманом лишил варисской ведьмы ее сбережений и вскоре после этого начал медленно превращаться в козла. Я не видел его больше года, но, если бы в мире существовала хоть какая-то справедливость, старый мерзкий ублюдок уже бегал бы на четвереньках и питался из мусорных баков.

Конечно, запрет мальчикам играть в "Башни" только увеличил популярность игры среди нас. За годы нелегальных игр на Угрюмой улице я повидал немало колод "Харровинг", так что знал пятьдесят четыре карты наизусть. Тем не менее, я никогда не видел ту, которую выложила Малена. Я запомнил ее отчетливо из-за сюрприза: мужчина со скипетром в руках, корона у его ног, светящиеся глаза под темным холмом.

Я хотел спросить хозяина, знает ли он что-нибудь о такой карте, но он был занят своими гостями. Кроме того, в последнее время он был исключительно чванлив, и, учитывая его настроение, я не был готов рассказать ему о своей стычке со Сцарни. Придется расспросить следующего встречного харровера. В каждом городе Усталава должен был быть хотя бы один.

Монета, которую дала мне Малена, была еще одной загадкой. В лице человека на ней было что-то знакомое. Я пытался вспомнить, видел ли я его на картине или напечатанным в одной из книг из библиотеки босса, но это казалось неправильным. Как будто я видел кого-то похожего на человека на монете несколько десятилетий назад, но воспоминание было погребено под детством, которое я так долго пытался забыть. А может, туманы Усталава будоражили мое воображение?

Перед отъездом из Калифаса я заплатил кузнецу на конюшне, чтобы он проделал отверстие в верхнем крае медного копыта Малены и продел в него кожаный шнурок. С тех пор я носил его на шее как талисман. Я говорил себе, что это знак, напоминающий мне о запахе волос Малены, но когда дело касается Харровингов, я не настолько скептик, чтобы не подстраховаться.

Огни кареты зажглись, когда мы въехали в густой лес. Даже спустя пять дней этот эффект все еще пугал извозчика Петру, который привык останавливаться в сумерках, чтобы зажечь масляные лампы на обычном транспорте. Я надеялся, что хозяин следит за ним изнутри, включая свет именно в тот момент, когда это вызывает наибольшую тревогу. Но это было маловероятно, учитывая то, как босс вел себя в последнее время. Он становился все более и более похожим на любого другого члена того, что он называл "пэрами".

С крыши кареты я заметил всадников. Антон и Костин ехали в нескольких сотнях ярдов впереди, высматривая неприятности на дороге. Они несли свои арбалеты, перекинутые через спину, и, должно быть, не заметили ничего необычного. Димитру и Эмил, по возможности, обходили повозку с флангов, двигаясь впереди, когда лес у дороги становился слишком густым. Сзади ехали Григор и Лука. Я помахал рукой конокраду, довольный тем, что он не ускользнул с

нашим лучшим скакуном. По крайней мере, пока.

Сидеть среди багажа было удобнее, чем на заднем сиденье кареты, но так и тянуло прилечь и вздремнуть. Это никуда не годилось, потому что даже если бы я и хотел задремать, то чем выше мы поднимались в горы, тем чаще ветви деревьев задевали крышу. Потрогав арбалет, который я держал рядом с ящиком для боеприпасов, я пополз вперед, чтобы похлопать по плечу водителя.

Петру вздрогнул, когда я коснулась его плеча, но кивнул мне. Когда мы познакомились, он и глазом не повел, когда заметил мое inferнальное наследие. Я могу пройти мимо в темноте или в баре, где полно пьяных, но для большинства очевидно, что я не совсем человек. Мало кто воспринимал это так спокойно, как Петру, особенно в Усталаве.

Петру был нарядным вариетцем лет тридцати-сорока. Несмотря на скудные средства, он носил шляпу-котелок с яркими павлиньими перьями на ободке. Его длинный фрак был безупречен, и я видел, как он расчесывал его на каждой остановке после ухода за лошадьми. У него был потрясающий Мыс вдовы и такие завораживающие глаза, какие бывают у актеров и фокусников. Никола нанял его, но я старалась не обижаться на Петру. Он подвинулся, чтобы дать мне место на водительском сиденье, но я покачала головой. Не стоит пугать лошадей.

"Далеко еще до остановки?" спросил я. Он смотрел в пустоту. Я и забыл, что он немного знает талданский. "Далеко?" Попробовал я сказать на его языке.

"Мимо моста, два-три часа. После наступления темноты".

Вот радость, подумал я про себя. Нет смысла тратить хороший сарказм на мой плохой варисский.

Прежде чем спуститься обратно, я еще раз взглянул вперед. Антон остановился и поднял кулак над головой.

"Вау", - сказал я Петру. Смысл был одинаковым на обоих наших языках. Он затормозил и остановил карету.

Дверь кареты открылась, когда я спрыгнул вниз. "Что это?" - спросил Никола.

"Не уверен", - сказал я. "Оставайтесь в карете".

Он скривил губы, но все же проявил здравый смысл и сделал то, что я сказал.

Антон остался на месте, пока Костин скакал к нам. Я встретил его на полпути, подойдя достаточно близко к лошадям, чтобы они насторожились.

"Слышал звук", - сказал Костин. Его мальчишеский голос выдавал потрепанный шрам на горле. "Дерево упало".

"Видел что-нибудь?"

"Нет", - сказал он. "Но бандиты иногда перекрывают дорогу деревом".

Я свистнул достаточно громко, чтобы позвать других всадников. Когда они прибыли, я послал Григория присоединиться к Костину и Антону.

"Оставайтесь на виду у кареты", - сказал я. "Если увидите что-нибудь, немедленно"

возвращайтесь к карете".

Антон отсалютовал. Остальные кивнули, и все трое поскакали вперед.

Не обращая внимания на Николу, который высунул голову из окна кареты, как будто я перед ним отчитывался, я взобрался на лакейскую стойку и открыл дверь для сообщений. Начальник уже приложил ухо к отверстию, чтобы я мог говорить с ним шепотом. Я рассказал ему, что мы знаем, и сказал: "Будем действовать осторожно, да?".

Он кивнул и пробормотал утешительный вариант моего доклада своим гостям. Женщина была просто куколкой. Прежде чем я успел подмигнуть ей, босс захлопнул дверь. Наверное, к лучшему. Эти благородные дамы не могут на меня насмотреться, а судя по тому, что я видел ее кузину, от нее будут одни неприятности.

Мы продвигались в два раза быстрее, чем раньше. Каждые десять минут или около того Антон оборачивался и махал рукой. На четвертый раз он снова поднял кулак. Вместо того чтобы отправить Костина назад, он позвал меня вперед. На этот раз я старался избегать каретных лошадей, но они все равно поскуливали и топтались.

"Плаксы", - пробормотал я.

Я присоединился к Антону, Костину и Григору под указателем у развилки дорог. Хотя мой разговорный словарный запас рос с каждым днем, я мало читал по-варийски. Антон указывал на правильный путь, переводя для меня.

"Мост Сенир", - сказал он. Это и был наш пункт назначения. Как только мы пересекли реку, дальше был спуск по склону от Ульказара к Амаансу. Антон указал на западную дорогу, над которой возвышалась массивная ель. "Монастырь Завесы", - прочитал он вслух.

Если только босс не планировал сделать нам сюрприз в виде объезда в этом месте, препятствие нам не мешало. Тем не менее, время было подозрительным. Возможно, кто-то хотел убедиться, что у нас есть только один путь.

"Прикрой меня", - сказал я. Антон повторил команду на варисском языке для Костина. Я сказал: "Передай Костину, что если он по ошибке ударит меня, я хорошенько надеру ему задницу".

Антон мрачно улыбнулся, но не стал передавать сообщение.

Я сошел с дороги и обогнул основание срубленного дерева. Как я и ожидал, оно было срублено, а не сгнило. И это было дерево как раз того размера и в нужном месте, чтобы отгородить транспорт от дороги к монастырю.

Вернувшись в вагончик, я рассказал боссу о том, что видел. Он знал, что ему не нужно было говорить мне, что кто-то пытался убедиться, что мы продолжим путь к мосту. Лес с обеих сторон был слишком густым, чтобы можно было объехать дерево на карете.

"Как долго расчищать дорогу?" - спросил он. У нас в повозке было два топора, но не было пилы.

"Час или около того", - предположил я. Я надеялся, что меньше, но это плохая идея - предлагать больше, чем можешь выполнить. "Хочешь укрыться там?"

Босс повернулся к Казомиру. "Как далеко монастырь?"

"Возможно, шесть миль", - сказал молодой дворянин. Он пожал плечами и показал пустые ладони. "Я видел карты, но никогда не был там".

Вероятно, начальник раздумывал, что лучше - остаться здесь и расчистить дорогу или попытаться добраться до монастыря пешком. Один взгляд на выражение лица босса сказал мне, что ему не нравится ни один из вариантов, не с мисс Тарой под его опекой.

"Мы продолжаем", - сказал он. "Высочайшая бдительность".

Ему определенно не нужно было говорить мне это, но, возможно, он думал, что это произведет впечатление на Казомира и успокоит Тару.

Я забрался обратно на крышу, чтобы все слышали, но, оглядевшись, насчитал только пять всадников.

"Где Эмиль?"

Мы все посмотрели в лес. Там было гораздо темнее, чем я ожидал в этот час. Черные ветви поглощали свет, пробивавшийся из-за гор.

"Смотри", - позвал Димитру, указывая. Лошадь Эмиля рысью выскочила из мрака к карете, вскинула голову и тяжело дышала. Глаза у животного были широко раскрыты, седло пустое.

Костин и Григор окликнули Эмиля, но Антон и Димитру посмотрели на меня. Ветераны знали так же хорошо, как и я, что он не вернется.

"Вперед", - позвал я. Я поднял арбалет и взвел его. "Держитесь ближе. Следите за лесом".

Петру хлопнул поводьями. Я установил болт на тетиву и присел в паре футов позади него, готовый вскочить рядом с ним, если нам понадобится дополнительный импульс для лошадей. Впереди деревья расступались, открывая мост Сенир - дугообразный каменный пролет, едва ли шире повозки. Проехав по нему, я решил, что мы сможем развернуться и организовать целенаправленную оборону.

Как раз в этот момент раздался вой.

Звук доносился с обеих сторон и позади нас. Жизнь, проведенная в переулках западного Эгориана, подсказала мне, что это значит. Они выманивали нас вперед. Я поднял арбалет и смотрел на дорогу впереди, ища первый проблеск глаз.

Григор крикнул. Оглянувшись, я увидел, что его лошадь отпрянула от лошади Луки, который закричал и перевернулся на спину. За ним лежало темно-красное пятно на дороге, скрытое мраком. Краем глаза я увидел, как пятно исчезает в лесу. Не желая оставаться в одиночестве в тылу, Григор пришпорил коня и направил его к повозке.

Еще один человек и лошадь закричали. Впереди нас Антон выстрелил из своего арбалета в серого волка, который вырвал Костина из седла. Казалось, что он попал, но волк лишь отпрянул в сторону от дороги, его пасть была красной от крови, готовая к новому нападению. Повозка подпрыгнула, переехав через распростертое тело Костина. За то короткое время, что потребовалось, чтобы сказать это, они уничтожили половину нашей охраны. Это были не обычные волки, и у меня возникло чувство вины, что именно из-за меня они и напали.

"Смотрите!" - крикнул водитель, указывая своим кнутом. Я взглянул налево и увидел пару

волков, идущих впереди кареты. Один бежал на задних лапах, как спринтер. Вместо лап у него были человеческие руки, сжимавшие арбалет, снятый с одного из павших охранников. Эта тревожная деталь отвлекла меня от другой странной вещи, которую я только что увидел: указательная рука водителя была обнажена. Оглянувшись на него, я увидел, что он совершенно голый, если не считать высокой шляпы. Он отпустил вожжи и кнут и повернулся ко мне лицом. Я увидел не Петру, а косой взгляд певца Сцарни, Вили.

Он выстрелил из арбалета как раз в тот момент, когда я сжал щеколду. Болт улетел в лес. Я рванулся вперед, чтобы спихнуть его с повозки под колеса, но он изменил форму, крутясь на месте. Поднявшись, он воспользовался рычагом, его тело прижалось ко мне, а гримаса превратилась в оскаленные челюсти. Я поднес к нему арбалет, но он вырвал его из моей хватки и отбросил в сторону.

Полуволк, его голая кожа щетинилась новым мехом, Вили низко присел - не для того, чтобы ударить, а чтобы укрыться. Слишком поздно я понял, что он обманул меня. Я услышал треск струн, когда повернулся и увидел, что волк с человеческими руками целится в меня.

Я взмахнул в воздухе левой рукой. Десна улыбнулась, потому что я поймал болт. Но потом богиня тоже рассмеялась, потому что снаряд пронзил мою ладонь до самого оперения. Моя рука была словно мертва, но, по крайней мере, посеребренный наконечник остановился недалеко от моей груди.

Кто-то позвал меня по имени, но я не мог понять, был ли это один из охранников или кто-то в кабине. Мы ударились о край моста Сенир от толчка. Я бы свалился с крыши, но Вили поймал мою руку своими зубами. Он крепко укусил.

Боль окрасила мир в кровавый цвет. Все, что я видел, было красным и черным. Я снова прорычал в полузвериную морду Вили, но его больше не пугал вид моих зубов. Его когти вонзились с двух сторон, но я блокировал их локтями. Я зацепил его руку одной из своих шпор, и он вскрикнул. Я дернулся, но моя рука была крепко зажата. Его челюсти вполне соответствовали железным тискам.

"Радован", - крикнул босс. Дверь кабины открылась, но как только повозка накренилась в ту сторону, Вили резко дернул меня в другую. Колеса вагона сильно треснули, сталь сверкнула на камне мостовой.

Времени отвечать начальнику не было. Я едва мог защитить свои жизненно важные органы от когтей Вили. Я не мог достать ни нож у себя за спиной, ни даже те, что были в сапогах или рукавах. Еще два-три качания головой оборотня, и от моей правой руки остались бы только рваные сухожилия. Моя левая рука все еще была зажата арбалетным болтом, и все, что я мог сделать, это не пырнуть себя им же.

Это натолкнуло меня на мысль.

Я едва чувствовал левую руку, но сжал ее в свободный кулак и ударил от пояса. Мы закричали вместе, когда посеребренный болт попал в нижнюю челюсть Вили, прошел через мою руку между его зубами и, наконец, пронзил мозг оборотня.

Это должно было убить его мгновенно, но ноги Вили снова закачались, сбросив нас с крыши кареты. Мы пролетели мимо горгульи, установленной на одном из столбов моста, так близко, что я мог бы дотянуться до нее, чтобы схватить, если бы обе руки не были прижаты к моему врагу. Лежа лицом вниз, я хорошо рассмотрел черную ленту реки под нами. Моя нога зацепилась за поручни, когда мы падали. Мы упали, и время замедлилось, по мере падения.

Под мостом мигнула пара красных звезд, а на месте вагона распустился огромный оранжевый цветок.

Последнее, что я увидел, были двери красной кареты, падающие за мной, каждая из которых была окольцована огненным ореолом. Затем я почувствовал холодную руку Фаразмы, которая шлепнула меня, как новорожденного, собирающегося заплакать в первый раз.

Мыс вдовы - https://en.wikipedia.org/wiki/Widow%27s_peak

Длина реки Сенир составляет около 110 миль, а ее течение по территории Усталова выглядит следующим образом:

Она берет начало в восточных Голодных горах в графстве Версекс;

Продвигается до точки, где сходятся три графства Версекс, Ардеал и Амаанс: их тройная точка.

Впоследствии река образует границу между графствами Ардеал и Амаанс;

Вскоре после этого к ней присоединяется Высокий Сенир, один из ее притоков;

Сенир протекает мимо города Кавапеста;

У города Ардис река встречается с могучей рекой Вхатсунтида, вытекающей из озера Кавапеста.

Длина реки Высокий Сенир составляет пятнадцать миль от истока в Голодных горах в Амаансе до ее слияния с рекой Сенир в качестве притока.

Взято с https://pathfinderwiki.com/wiki/Senir_River

Глава пятая: УиллоуморнЯ всегда помнил свои сны.

В детстве я развлекал маму и прислугу за завтраком, рассказывая о своих сонных фантазиях, которые приходили ко мне два или три раза в неделю. На мой седьмой день рождения она подарила мне дневник, переплетенный в голубую кожу ящерицы, которая потрескивала от статического электричества, когда я проводил пальцем по ее поверхности. В нем она велела мне записывать свои спящие видения, которые, по ее словам, были дарами богини Десны. К своему следующему дню рождения я заполнил триста страниц, и она подарила мне еще одну. И так мы продолжали до самой ее смерти, когда я оставил свои дневники снов вместе с последними вещами моего детства. Хотя я больше не вел их, на протяжении всей моей взрослой жизни мои сны всегда были свежими и яркими в моем сознании каждый раз, когда я просыпался.

Поэтому было странно обнаружить себя в роскошной постели, уверенным, что я проснулся после мощного, но неведомого сна. Озадаченный беспрецедентным опытом, я лежал, уставившись на шелковый полог. По его вышитым краям шла вечная охота: люди шли за гончими, которые преследовали оленей, чей бег привлекал волков, которые, в свою очередь, преследовали людей. Тогда я понял, что отдыхаю в доме графа Люцинеана Галдана.

Откинув одеяло, я обнаружил, что на мне было мое собственное постельное белье. Встав, я осмотрел свое тело на предмет ран, но не обнаружил ни единой царапины. Какой-то неясный пробел спутал мои воспоминания о прибытии в это убежище. Мы были на мосту Сенир,

спасаясь от волков. Звери стащили нескольких стражников с лошадей. Радован был на крыше, и я хотел забраться к нему на помощь, но заколебался, соизмеряя желание помочь ему с долгом защитить Тару и Казомира. Я помнил, как положил руку на дверь, и раздался какой-то звук, но потом... больше ничего не было в моей памяти.

Сколько времени успело пройти, я не знал. Было ли это только на следующее утро? Невероятно, учитывая расстояние, которое мы еще не успели преодолеть, когда на нас напали. Утреннее солнце светило в окнах на востоке и юге. В очаге шипел огонь.

На мосту был пожар. Я был уверен в этом. Там было много огня.

Я подошел к зеркалу рядом с подставкой для умывальника. Кроме синяка на подбородке, видимых повреждений не было. Ушиб, похоже, был нанесен недавно и все еще был нежным на ощупь. Как только гнев утих, я почувствовал грызущую пустоту в желудке. Мне казалось, что я не ел уже несколько дней.

Кувшин был полон чистой воды, я наполнил таз и промыл глаза от песка. Мама всегда называла эти следы "следами Десны". Почему я не могу перестать думать о своей покойной матери этим утром? Я утратил ее так давно, и никогда с тех пор я не переживал такой утраты.

Где был Радован? Где были остальные члены нашей компании?

Осмотрев незнакомую комнату, я обнаружил необходимые вещи. Я заметил, что в кедровом шкафу хранилась вся моя одежда, а не только та, в которой я путешествовал. В самом низу шкафа лежали сумки с моими личными вещами и книгами, включая письменный стол на коленях и этот дневник. Хорошее предзнаменование приободрило меня, хотя и на короткое время.

Робкий стук в дверь прервал мое облачение.

"Войдите", - сказал я.

Вошла миниатюрная девушка, одетая в цвета Галданы: васильково-синий и белый. Ей было около пятнадцати лет. У нее было достаточно опыта в домашнем хозяйстве, чтобы попытаться скрыть свой страх, но недостаточно, чтобы это удалось. Она сделала нервный реверанс, пытаясь подражать южной моде, и устала в пол возле моих ног.

"В чем дело, девочка?"

"Мой лорд, я послана, чтобы позаботиться о ваших нуждах".

"Действительно", - сказал я, разглядывая ее. Я достаточно помнил об усталавском гостеприимстве, чтобы знать, что оно не сильно отличается от челишского в плане гендерных ролей. Если Никола был недоступен, ожидалось, что хозяин пришлет слугу-мужчину, чтобы помочь мне с туалетом. Послать молодую камеристку с таким двусмысленным заданием означало допустить неосмотрительность. Даже если бы граф был человеком либеральных нравов, было бы не лишним предположить, что я разделяю его неосмотрительность.

"Как вас зовут?" сказал я.

"Аннеке", - ответила она с очередным реверансом.

"Аннеке, я хочу поговорить с вашим господином", - сказал я, зная, что она не сможет ответить

на мои вопросы. Мой желудок добавил неловкое междометие. "А еще я хочу завершить свой пост".

Она сделала еще один реверанс, совершенно ненужный. "Мой господин, мастер Казомир находится в Кавапеште", - сказала она. "А госпожа Тара остается в своих покоях".

"А граф Галдан?"

"Он отсутствовал последние пять недель, милорд", - сказала она. После минутного колебания она добавила: "И два дня".

"Когда он должен вернуться?"

"Мне сказали, что он должен вернуться до снега, как это принято у него".

"Его обычай?"

"Его превосходительство охотится в западных долинах каждую осень".

Я вспомнил, что до меня доходили слухи об этой эксцентричности в Калифасе. Среди коллег Галдана шли споры о том, является ли его поездка в наименее населенные районы его графства признаком необычной преданности своим подданным, простой эксцентричностью или безумием. Конечно, для некоторых дворян Усталава разница между этими тремя вариантами была невелика.

"В таком случае, - сказал я, - пригласите дворецкого в столовую".

"Да, ваше превосходительство". Она кивнула головой и скрылась за дверью.

"Минутку", - сказал я, натягивая сапоги. "Вы должны показать мне дорогу".

Мгновение удивления застыло на ее лице, когда ее глаза встретились с моими. "Конечно, милорд".

Она повела меня через незнакомый дом. Когда мы спустились по лестнице на первый этаж, я заметил на улице мужчину. Он был в тяжелых перчатках и обмотал лицо длинным влажным платком. Он опустился на колени рядом с упавшим уиппурвиллем и положил его в рогожный мешок. Перед тем как подняться, кончик его большого пальца набросал спираль фаразма над сердцем.

Я остановился у открытого окна, чтобы понаблюдать за ним, пока он продолжал обходить дом. В двадцати шагах дальше он опустился на колени, чтобы достать еще одну мертвую птицу. Мешок тяжело висел у него на боку.

Рядом со мной Аннеке тайком прослеживала спираль фаразма на своем животе.

Кивнув на молодого человека во дворе, я спросил "Ваш муж?".

"Мой муж!" - сказала она. "О, нет, милорд. Я не замужем".

"Конечно", - сказал я, скрывая свое удивление. Теперь мой невысказанный вопрос заключался в том, был ли ребенок, которого она носила, бастардом графа Галдана.

Тара ждала меня в освещенной солнцем столовой. За ее спиной из окон открывалась восточная

панорама. По небу плыли огромные белые облака, их очертания отражались в реке. По ту сторону воды, едва различимый вдаль, стоял город Кавапешта. Я не видел его с этого ракурса, но узнал луковичеобразные шпили его храмов во время моего предыдущего визита.

"Именем моего кузена, графа Галдана, я приветствую вас в Уиллоуморне", - сказала Тара. Она сделала реверанс по моде моей страны, ниже, чем я встречал со времени моего последнего посещения балета. Зная, что ее сверстники в Калифасе, должно быть, пытались отучить ее от обычаев, которым она научилась в Вудре, этот жест тронул меня. "Мы обязаны вам жизнью, ваше превосходительство".

Я ответил на ее любезность формальным поклоном. "Хотя для меня нет ничего приятнее, чем знать, что я способствовал вашему благополучному прибытию, я затрудняюсь сообщить о подробностях".

Тара состроила милую гримасу и посмотрела на мою макушку, хотя я не почувствовал там никакой раны. "Мы боялись этого, ваше превосходительство".

Я поднял руку. "Пожалуйста", - сказал я. "Почтите меня моим настоящим именем, Вариан".

Она сделала еще один реверанс, но отказалась повторить мое имя. Как бы я ни восхищался ее хорошим воспитанием, мое собственное с годами истощилось, и я получил достаточно любезностей для одного утра.

"Где мои слуги?" спросил я.

Она отвела взгляд, и я знал ответ еще до того, как она его произнесла. "Мне жаль говорить об этом, но сейчас они лежат в земле Фаразма".

"Все?" Вопрос застрял у меня в горле.

"Люди графа не нашли всех твоих наемных охранников", - сказала она, покраснев. "То есть их тела. Но Казомир сказал мне, что ваши слуги были похоронены рядом с деревней, ближайшей к мосту Сенир".

Эта новость принесла с собой холодную тяжесть, и я пожалел о своем нетерпении, которое заставило меня расспрашивать молодую женщину на столь неприятную тему. "Простите меня", - сказал я. "Я должен обсудить этот вопрос с Казомиром. Мне сказали, что он в городе".

"Это так, ваш ... Вариан", - сказала она. "После нашего возвращения мы получили известие, что Кавапешта охвачена чумой. В отсутствие дяди, Казомир переправился через реку, чтобы посоветоваться с хозяевами города. Он вернется до наступления ночи".

"Понятно." Несомненно, это испытание уже подкосило ее хрупкое телосложение, поэтому, несмотря на свои собственные бурлящие эмоции, я отказался от дальнейшего давления на нее. Чтобы спасти меня от необходимости предлагать что-то безобидное, прибыл дворецкий, за которым последовал еще один слуга, несущий накрытые тарелки на блюде. Дворецкий усадил Тару, которая сказала: "Спасибо, Феликс". Он придержал для меня стул, затем взял блюда у другого слуги и поставил их перед нами. Он открыл их одновременно. Трио яиц-пашот в сливочном соусе лежало на тостах с жареным картофелем, натертым чесноком и розмарином, блюдо украшала сверкающая ручейком икра шуки. Выглядело это великолепно, но аромат показался мне необычным. Тара наслаждалась этим ароматом.

"У графа Галдана самый лучший повар в западном Усталаве", - сказала она. В ее голосе

прозвучала нотка веселья, но глаза были тяжелыми от сочувствия, или усталости, или, возможно, от собственной печали. Я подумал, не тоскует ли она по дому так же, как тоскую сейчас я, лишенный двух единственных спутников, которых я привез из Челиакса. Она проткнула яйцо серебряной вилкой и попробовала его, закрыв глаза в знак благодарности.

Подтверждение смерти моих слуг отбило у меня аппетит. Я сожалел, что нанял Николу для такого долгого путешествия, чтобы он умер в чужой стране. Мне было жаль и людей, которых я нанял для нашей охраны. Конечно, они были наемниками и знали о риске, но все же они были людьми, порядочными людьми, насколько я их знал.

Радован, как и наемники, с момента, когда я нанял его, знал, что однажды его могут призвать отдать свою жизнь, защищая мою. В первые годы нашего сотрудничества я ожидал, что этот момент может наступить внезапно. Конечно, мы пережили множество опасностей, и всегда он без колебаний вставал между мной и угрозой. Заботясь о моей безопасности, он терпел побои, удары ножом, даже пытки, которые испепелили бы телохранителя из чистой человеческой крови. Я уже начал считать его несокрушимым.

Теперь я представлял себе последние мгновения его жизни. Забрали ли его волки? Что это был за огонь, который я наполовину запомнил? Конечно, это не убило его, ведь в прошлом он оказался необычайно устойчив к огню, даже для человека с дьявольским происхождением. Тем не менее, устойчивость не была иммунитетом, и он мог быть сожжен достаточным количеством тепла, например, выделяемого магией. Я надеялся, что он хотя бы избежал сильной боли, но в ретроспективе кажется, что большая часть его жизни была связана с тем, чтобы терпеть боль того или иного рода. Он носил свое сердце налегке, и, хотя порой отдавал его слишком легко, он казался счастливым большую часть времени, когда работал на меня.

"Вы должны утолить голод, Ваше Превосходительство", - сказала Тара. "Мертвые нам не помогут". Я понял мудрость ее совета, хотя и не чувствовал этого. Правильно было жить в соответствии с текущими потребностями, а не погрязать в прошлых несчастьях.

Ответив на ее любезность улыбкой, которую я не почувствовал, я откусил кусочек завтрака от этого "лучшего повара в Западном Усталаве". Он растворился на моем языке, как гнилая плоть, его гнилостные выделения попали мне в горло и в носовые ходы. Я едва успел поднести салфетку ко рту, чтобы не выплюнуть эту гадость обратно на тарелку.

"Ваше превосходительство!" вздохнула Тара. Она выглядела скорее удивленной, чем оскорбленной. Я отвернулся, чтобы не видеть, как я вытираю рот некогда тонкой салфеткой. Этого было недостаточно, чтобы избавиться от вкуса. Я отпил из своего кубка, но оставшаяся грязь мгновенно испортила воду настолько, что я не осмелился глотать. Я бросился к двери с окном и выплюнул эту мерзость. Феликс последовал за мной на улицу с другим кубком и салфеткой. Питье за питьем постепенно очищало мой рот, пока я не смог контролировать свой рвотный рефлекс.

Повернувшись, чтобы произнести извинения, я увидел, что Тара удалилась, чтобы избавить меня от дальнейшего унижения. Несмотря на ее доброту, жар стыда присоединился к моему холодному чувству утраты, не противодействуя ему. Феликс незаметно стоял неподалеку, пока я не обратился к нему.

"Я пойду подышу воздухом", - сказал я.

"Возможно, ваше превосходительство желает поесть по-другому", - сказал он. Он кивнул в сторону увитого мхом павильона у ближайшей роци. "Возможно, в ротонде".

"Было бы неплохо отведать фруктов", - сказал я. "Никаких яиц".

Феликс поклонился и удалился в сторону усадьбы. Я воспользовался возможностью размять ноги на берегу реки, вдоль которой склонились гроздья темных ив, чтобы опустить свои косы в реку. Проходящее течение создавало иллюзию, что лесистые острова посреди потока - это погребальные барки героев Ульфена.

На юге возвышались проклятые горы Ульказара. Я должен навсегда возненавидеть это место за то, что оно лишило жизни моих слуг, особенно Радована. Несмотря на его недавнее недовольство, наше сотрудничество было долгим и, в основном, взаимовыгодным, хотя до этого дня я никогда не задумывался об этом. В лучшие времена я думал о нем больше, чем о слуге, но, конечно, различие в наших рожденьях делало дружбу невозможной. Если бы только я с самого начала сохранял должную дистанцию, я бы сейчас не так горевал о его потере.

Умереть в такой близости от возвращения на родину предков казалось особенно жестокой иронией судьбы. Я никогда не посещал родину моего отца в Кёнине. Эльфы не приветствуют полукровок на землях, которые они сами покинули так давно, прежде чем вернуться и вернуть их себе. Возможно, его смерть избавила Радована от разочарования, вызванного отказом собственного народа.

Далекий гром ответил на мои мысли. Далеко на западе над горами Вирлич бушевал грозовой фронт. В последний раз, когда я смотрел на эти измученные вершины, все было точно так же. Страшная магия все еще опустошала эту оскверненную местность, призраки заклинаний, которые когда-то убивали легионы, теперь неотступно преследовали духи поверженных врагов. Даже в своем окончательном триумфе армии людей и dwarфов смогли лишь сдержать, но не уничтожить Шепчущего Тирана. Некоторые в Усталаве говорят, что бури - это его сны.

Я обратил внимание на свое окружение. Даже по челишским стандартам поместье Уиллоуморн было величественным и древним строением. Оно было построено в основном из тесаного голубого камня, а его фронтоны из серого шифера придавали ему величественный вид на фоне пасторальной природы. В отличие от южных поместий, его сады тонко перетекали в окружающую растительность и в самых изысканных местах казались не более чем счастливой случайностью природы. Сторожка, помещения для слуг, большая конюшня и несколько уединенных павильонов находились под укрытием тенистых деревьев. Сады тополей, ясеней, лип и берез были сведены, но не высажены в полковом порядке, как это было принято у егорианских садовников. Я нашел это перемирие между цивилизацией и дикой природой очень приятным, но было одно заметное исключение из правил: на юго-западе находился самый необычный лабиринт из живой изгороди, который я когда-либо видел. Над его границами возвышались фантастические топиарные головы. Среди ближайших я заметил головы оленя, медведя и гротескного людоеда. Подобное легкомыслие очаровало бы меня в юности, и, по правде говоря, я до сих пор с удовольствием изучаю такие простые головоломки, когда обнаруживаю ту, с которой раньше не сталкивался. После завтрака я решил поискать лучший обзор в одной из западных комнат.

Мой путь пролегал мимо нескольких слуг, выходящих на улицу. В пустой каретный домик заглядывала пара головастых мальчишек, очевидно, братьев. Они смотрели на меня уголками глаз, чтобы не встретиться с моим взглядом и не пришлось снимать шапки и ждать моего разрешения. Я не заметил в здании никаких следов моей кареты, и меня беспокоило, что с ней стало. Впервые с начала нашего общения я с нетерпением ждал возвращения Казомира.

За каретным домом конюх с жестким лицом тренировал в загоне пару отличных жеребцов. Через открытые двери конюшни я увидел шесть столь же прекрасных животных в ближайшем

крыле Г-образного здания. В наружную стену была встроена открытая конура, отсеки которой охраняли три огромные собаки, которые смотрели на меня, когда я проходил мимо. Двое из них были взрослыми усталавскими волкодавами, толстыми, как мастифы, но с более длинными ногами и густой серой шерстью. У обоих на квадратных мордах висели усы, и их сходство с некоторыми дворянами Усталава могло бы показаться рискованным, если бы мое настроение было менее пасмурным. Третий был младшим воплощением старших, у него еще не выросла взрослая шерсть и не было родительских усов. Когда он достигнет своего полного роста, то станет равным им обоим. Уши молодого животного поднялись при звуках лая со стороны реки, где играли его товарищи. Бросив тоскливый взгляд в их сторону, он вернулся к своим бдениям, не сводя глаз с незнакомца, который ходил по земле его хозяина. Как и его родителям, ему было суждено стать стражем.

К тому времени, когда я завершил свой обход, Феликс ждал меня в северной ротонде. Он поклонился и придержал мое место.

"Госпожа Тара просит передать свои извинения за отсутствие", - сказал он. "Она надеется, что прогулка вернула вам аппетит".

"Передайте мою благодарность за ее внимание", - сказала я, стараясь не выглядеть слишком испуганной, когда он раскрыл поднос с завтраком, чтобы показать ассорти из нарезанной дыни, ягод и дымящихся булочек. Феликс наблюдал, как я пробую кусочек. Он издал звучный вздох, когда увидел, что я доволен.

"Прекрасно", - сказала я, когда он налил чашку чая.

"Спасибо, ваше превосходительство", - сказал он. "Могу ли я принести вам что-нибудь еще?"

"Нет", - сказал я. "Однако вы можете ответить на несколько вопросов".

"Конечно, ваше превосходительство", - сказал он. Я не мог не заметить, как тень нежелания пересекла его лицо.

"Когда вы ожидаете возвращения графа?" сказал я. "И не говорите "до снега"".

Он кивнул. "Мы ожидаем, что граф, как и первое прикосновение зимы, прибудет в течение следующей недели или около того. Простите меня, Ваше Превосходительство. Продолжительность осенней охоты милорда Галдана варьируется от года к году".

Хотя ответ был неудовлетворительным, он был не хуже ожидаемого мною за то, что я воспользовался гостеприимством лорда, который не был проинформирован о моем визите. Тем не менее, я мог многое узнать в его отсутствие и в отсутствие его доверенного лица, Казомира. "Расскажи мне об этой чуме в Кавапеште".

"Мастер Казомир уехал, чтобы узнать больше, но мы слышали, что она поразила десятки людей. Некоторые погибли, но жрецы Фаразмы спасли достойнейших из пострадавших".

Ему не нужно было объяснять, что спасенные были одними из самых щедрых жертвователей церкви. Везде, где священники даровали свои божественные исцеления людям, существовала одна и та же иерархия.

"Сегодня утром я видел человека, который собирал тушки мертвых птиц", - сказал я.

"Одав, ваше превосходительство", - сказал дворецкий. "Он садовник милорда Галдана".

"Да, да", - сказал я. "Но я хотел узнать причину гибели птиц".

"Конечно. Простите меня, Ваше Превосходительство, но я не знаю причины. Это недавнее явление".

"Но считается, что это связано с чумой?"

Он поднял свои пустые ладони. "Возможно, мастер Казомир вернется с ответом на этот вопрос, ваше превосходительство. До тех пор мы должны принять все разумные меры предосторожности".

"Понятно", - сказал я. "Кроме сбора мертвых птиц, вы не предприняли никаких других мер, чтобы предотвратить распространение этой чумы?"

"Ваше превосходительство, путешествия на паромах запрещены, кроме как по разрешению мэра или, в отсутствие графа Галдана, мастера Казомира. Персонал находится в Уиллоуморне, который до сих пор был избавлен от чумы".

"Очень хорошо", - сказал я. "Когда прибыла наша партия?"

"Вчера утром, Ваше Превосходительство", - сказал он. "Хотя мне дали понять, что вы были доставлены в другой день с моста Сенир".

"Это мне напомнило", - сказал я. "Где моя карета?"

Лицо дворецкого побледнело. Он колебался с ответом, но под моим настойчивым взглядом сказал: "С сожалением сообщаю вашему превосходительству, что карета была уничтожена".

Его слова выбили из меня дух. Красная карета была моим единственным материальным наследством от отца, которого я никогда не видел, и, если не считать дома в Гринстиплс, единственной сохранившейся связью с моей покойной матерью. Это было нечто большее, чем просто собственность. На протяжении почти столетия она была ключевым элементом моей семьи. Она была со мной дольше, чем любой друг, родственник или соперник. Она была частью меня, и я чувствовал ее отсутствие, как рану в сердце.

"Если ваше превосходительство желает уединиться", - сказал дворецкий, его тело откинулось назад, словно желая убежать.

"Нет", - огрызнулся я. "Что с обломками? Где его останки?"

Казалось невозможным, чтобы лицо мужчины стало еще блее, но он поблек, как призрак, прежде чем ответить почти шепотом: "Ваше превосходительство, я не знаю. Возможно, она была сожжена вместе с телами ваших слуг".

"Сожгли?"

"Да, ваше превосходительство".

"Вы совершенно уверены, что тела были сожжены?"

"Да, ваше превосходительство", - сказал он. "Сожжены, а пепел брошен в реку".

И таким образом я точно знал, что кто-то в Уиллоуморне лгал мне. Вопрос был только в том, зачем.

Уиллоуморн - поместье правящей семьи усталавского графства Амаанс, Галданов, расположенное на западной границе озера Кавапешта. Это обширное владение содержит топиарные сады, лабиринты из живых изгородей, щедрый сад, не говоря уже о хорошо построенном и охраняемом усадебном доме. Слухи о диком разврате там ходили давно, хотя в последнее время сплетни приобрели более зловещий оттенок. Теперь сплетни шепчут о страшных привидениях и самых ужасных убийствах.

Взято с <https://pathfinderwiki.com/wiki/Willowmourn>

Глава шестая: Уродливая маленькая девочка

Знаете, что помогает сосредоточить ум? Я скажу вам, что мне помогает: проснуться лицом вниз внутри гроба, трещащего на куче пропитанных смолой бревен.

Мои клаустрофобические судороги растаяли, как жир на вертеле. Моя спина чувствовала себя так, как будто кто-то вшил под кожу раскаленные камни. Я совсем не чувствовал ног. Шпоры на локтях впивались в стенки гроба, но бечевка, связывающая большие пальцы, не рвалась. Если бы я продолжал бороться, то вскоре отрезал бы большие пальцы, с которых на спину капала лужа горячей крови. Отблески огня проникали в швы гроба, и я видел, как чернеет дерево.

Небольшой огонь обычно не беспокоит меня, но в этот раз я оказался в печи. Пламя обжигало мое лицо, а дым щипал глаза и ноздри. Если бы это была гипотетическая ситуация, я бы задумался, успеет ли пламя разгореться настолько, чтобы убить меня, прежде чем меня задушит дым.

Я могу жить без обоих больших пальцев, решил я. Я сильнее, чем когда-либо, толкнул локти наружу, надеясь пробить стенки гроба. Истошный крик вырвался из моих больших пальцев и устремился вверх, чтобы проскочить в мой мозг и вырваться через рот. Единственным другим звуком, который я мог слышать, было шипение и хлопки костра. После второго рывка я даже не чувствовал, двигаются ли мои руки. Я почувствовал запах плавящихся волос и ощутил клеймо над каждым глазом, где были брови.

Мое тело дернулось в сторону, и прохладный воздух омыл мою левую руку. Мгновением позже я почувствовал ледящую боль от пламени, стремительно поднимавшегося вверх по ней. Оранжевое пламя было внутри гроба. Рукава моей куртки горели, и наконец я почувствовал, как моя кожа сжимается под распадающейся тканью. Я попытался моргнуть, но мой левый глаз был закрыт.

Я снова дернулся, и гроб покатился вместе со мной. Я услышал женский крик. Отдаленная часть моего мозга надеялась, что это был не мой собственный голос. Гроб быстро скользил, перевернулся один раз и с треском ударился о землю. Я не мог определить, что именно треснуло - дерево или мои кости, но я продолжал биться, брыкаться, выть.

Мои руки разошлись в стороны - с большими пальцами или без них, сказать было невозможно. Моя левая рука прошла через рваную дыру в боку гроба. Я просунул руку сквозь осколки и ударил по крышке. На мгновение я был поражен, когда она взлетела вверх, разлетелась на обугленные куски и распалась на фоне пасмурного неба. Я выкатился на прохладную траву, срывая с себя горящую куртку и рубашку под ней. Вокруг кричали и вопили люди, убегая. Я поднялся на колени и прищурился сквозь решетку, образованную моими слипшимися ресницами.

Я находился на перекрестке. В центре перекрестка находилась прямоугольная яма глубиной

около шести футов. Моя могила.

Могильщики стояли, озираясь, возле открытой тележки, запряженной быком, который сторонился меня. Их одежда состояла из домотканой шерсти серого и коричневого цветов, характерных для крестьян. Несколько мужчин взяли с телеги инструменты: кирки, несколько лопат и вилы. Зачем они взяли с собой вилы? Их вид вызвал рык из колодца в моей груди. Это был не тот звук, который я издавал раньше. Бык бросился прочь.

Я выстрелил зубьями в человека с вилами, и теплые брызги крови смочили мой подбородок. Я взглянул на свою окровавленную руку. Она выглядела так, словно ее пропустили через мясорубку, но все было на месте, более или менее. Даже больше. Пальцы стали вдвое длиннее, чем обычно, а крошечные костяные наросты на костяшках превратились в грубые шпоры, как на локтях.

Шок от первого удара расфокусировал мой разум, если не зрение. Передо мной колыхался длинный темный ствол. Он выходил из моей правой ноги в том месте, где зубья вил пронзили мое бедро, но что меня действительно расстроило, так это длинный костяной шип, вышедший из моей коленной чашечки. От моих дорогих брюк остались только клочья, а под ними кожа приобрела цвет расплавленной меди. Не было времени оценить нарастающую во мне ярость, прежде чем из меня вырвался ужасающий вой.

Нет, это не свойственно мне, но в данных обстоятельствах это было как нельзя кстати.

Четверо деревенских мужчин приближались, держа оружие наготове. С каждым шагом они становились все ниже и ниже, выглядели крошечными, как слизни, хотя все они были людьми, а не халфлингами. Я вырвал вилы из своего бедра, схватил их чуть выше зубьев и сильно размахнулся. Острие ударило одного человека по голове, сбив его с ног, а затем пронеслось мимо и разбило щеку тому, кто стоял рядом с ним. Кирка ударила по моему неповрежденному бедру, но до меня она долетела медленно, как сквозь воду. Я поймал ее за рукоять и с силой отбросил назад, ударив киркой по лицу крестьянина. Тот выронил оружие и зажал окровавленный рот.

Четвертый отступил назад, глядя на лопату, гудевшую в его руках, как вилка. Только тогда я понял, что этот сукин сын ударил меня по голове. Мне стало почти жаль его, когда я широко улыбнулся. Вся кровь отхлынула от лица мужчины. Он повернул голову, как будто хотел убежать, но вместо этого лишь комично сложил руки и потерял сознание.

Я засмеялся. Звук разнесся по холму и эхом отозвался в соседних долинах. Я никогда так не смеялся. Никто так не может смеяться.

Остальные жители бежали, как стадо испуганных ягнят, большинство из них направились к скоплению соломенных построек, расположенных на пологом холме от перекрестка. Их варисские крики все еще звучали для моих ушей как лепет, но я разобрал слова "дьявол" и "чудовище", и эти названия меня вполне устраивали. Кроме того, они повторяли незнакомое слово: Азра. Была ли это какая-то местная полубогиня или их имя Фаразма или Десна, мне было все равно. Я чувствовал себя таким большим и сильным, что к тому времени, как я приеду в город, им понадобится богиня. Им понадобится еще целая деревня могильщиков, прежде чем я закончу.

Я выкрикивал вслед им угрозы и проклятия. Мой голос был хриплым до неузнаваемости, а слова, которые получались, были странными. Язык звучал знакомо, но я не узнавал собственных слов, хотя каким-то образом понимал их. Это был не варисский язык, и уж точно

не талданский. Потом я понял, что говорю на inferнальном языке, языке дьяволов.

В отличие от босса, я знаю не больше пары десятков слов на любом иностранном языке. Возможно, после помощи стражников - бедных ублюдков - у меня уже было больше сотни слов на варисском. На самом деле я не мог свободно говорить ни на чем, кроме Талдана, общего языка Империи и многих земель, которые она когда-то завоевала и потеряла. Тем не менее, в таком многонациональном городе, как Эгориан, можно уловить звучание многих языков, так что я мог отличить, например, языки эльфов и дварфов. А учитывая природу челишского подполья, было полезно узнать разницу между inferнальным и абиссальным, когда след нашей последней работы привел к культистам того или иного лагеря.

Наверное, это был адский удар по голове, подумал я. Затем я остро ощутил жгучую боль по всему телу, особенно на лице и груди. Я протер глаза, и ресницы слезли с них липкими комками. Я усиленно моргал, но открылся только правый глаз. Я попыталась потянуть за левое веко, но оно распухло. Я сдался, отвлекаясь на то, насколько длинными стали мои пальцы и ногти. Мое зрение все еще было мутным, но этого было недостаточно, чтобы объяснить трансформацию моего тела.

Жители деревни уже скрылись из виду, несомненно, спрятавшись в своих погребках. Впереди на грязных дорожках между домами металась черная и красная куры, взволнованные суматохой. Свиньи фыркали и тыкались носами в грязь своих загонов, которые, как я заметил, были построены между домами. Мерзкие крестьяне.

За деревней протекала широкая, ленивая река. На дальнем берегу справа постепенно поднимались лесистые холмы, которые, судя по положению затуманенного солнца, я принял за юг. Это означало, что я нахожусь на западе, вероятно, не там, где мне хотелось бы быть. Босс - или останки босса, понял я с тошнотворным чувством в животе, - должен быть дальше в горах и на другом берегу реки. Из этой маленькой грязной деревушки не было видно ни мостов, ни гор.

Зуд в правой ягодице предупредил меня о том, что оставшаяся одежда все еще тлеет. Я шлепнул по ткани и оторвал большую ее часть, когда увидел, сколько дыма и пламени все еще лижет меня. Эти невежественные свинопасы испортили мою новую одежду! Одна только куртка стоила больше, чем один из этих навозных крестьян зарабатывал за год.

Я бы выдрал всю сумму из их шкур. Я ворвался в деревню с кровью на душе.

Двери и окна коттеджей были плотно закрыты. Я заметил, что все двери были выкрашены в красный цвет, вероятно, чтобы отпугнуть злых духов, хотя я сомневался, что они меня остановят. Под закрытыми окнами стояли цветочные ящики, в которых цвели последние в этом году цветы. Я разбил несколько, когда подходил. Может быть, это привлечет их внимание.

Сразу же я почувствовал себя глупо, как какой-то пьяный вандал. Как только я сделал паузу, чтобы подумать, оказалось, мне уже неясно, что делать. Я никогда не был так зол, и это было любопытно. Я пережил не одну сотню обид, но к четверем годам научился ждать своей мести. С тех пор я всегда встречал оскорбления с холодной головой. Если меня не убьют сегодня, я смогу подкрасться к нему завтра. Если бы только эти крестьяне говорили на талданском, я мог бы хотя бы выбить из одного из них объяснение. Возможно, у меня было достаточно знаний варисского, чтобы все получилось. Фокус был в том, чтобы добраться до одного из них, не убив его.

Этого было достаточно для плана, и мысль о действиях успокоила мое бьющееся сердце. Ближайший дом подойдет. Я потянулся к дверной ручке, и вдруг увидел маленькую уродливую

девочку.

Она сидела верхом на пестром белом осле на другом конце главной улицы. Под пленкой дорожной пыли ее одежда была более красочной, чем та, что носили жители деревни. Ее неясные каштановые волосы образовывали спутанный капюшон, который открывал лишь веснушчатый кончик носа и полускрытый блеск голубых или серых глаз. Она смотрела на меня со спокойным выражением, которое меня чертовски раздражало.

"На что ты смотришь?" сказал я, но что-то другое все еще владело моим голосом и моими словами. Я хотел оглядеться в поисках чревоущителя, который меня разыгрывал.

Девушка нахмурилась, услышав меня. Она ударила осла ногой по бокам, но животное опустило свои длинные уши с черными кончиками и не сдвинулось с места. При виде меня его глаза зажглись белым кольцом. Вздыхнув, девушка слезла с осла и побежала ко мне. Она не колебалась. Она была босиком, подошвы ее ног были черными и жесткими. У нее не было оружия, но когда она приблизилась ко мне на расстояние десяти ярдов, она сунула руку в мешочек на поясе - там было по меньшей мере дюжина маленьких мешочков, висевших на широкой кожаной юбке, - и высыпала на землю полоску мелкого белого пепла. Она отступила назад, приглашая меня подойти к ней и пересечь линию.

Правильно, подумал я. Как ты думаешь, насколько я туп? Я обошел линию и слегка улыбнулся, увидев растерянность на ее лице. Я понял, что это не девушка, а женщина. Ее маленький рост и общая неухоженность придавали ей вид уличной сироты.

"Азра, - крикнула женщина из укрытия своего домика. "Берегись дьявола!"

Наконец-то я понял целую фразу на варисском языке. Я поблагодарил скрытого оратора и повернулся к этой Азре. Кем она была? Деревенская ведьма? Местная сумасшедшая? Она не знала, во что ввязалась.

Я шагнул вперед, чтобы немного напугать ее, но она была слишком быстра. Она крутанулась в сторону жестом, который ненадолго напомнил мне танец Малены на рынке Калифаса. Эти варисийские женщины точно умеют танцевать. Я тоже.

Когда я потянулся за ее рукой, я шел так близко, что не заметил, как она, удаляясь, рассыпалась в пыль. Я не только пересек линию, но и поставил ногу прямо на пепельный барьер. Я вздрогнул, ожидая, что стена магической энергии заморозит меня или заставит исполнить танец молнии, но ничего не произошло, кроме того, что Азра отпрыгнула в сторону и встала, оперев кулак в бедро. Она хмуро смотрела на меня, как садовник, обнаруживший среди капусты сусличью нору.

Позади меня послышался медленный скрип петель. Повернувшись, я увидел, что из окна высовывается дуло арбалета.

"Стреляй в меня из этой штуки, - сказал я, - и я засуну ее так далеко..." Я понял, что угрожать кому-либо бесполезно. Никто не понимал ни слова из того, что я говорил.

Я секунду колебался между тем, чтобы ударить в окно и просто выбежать из его поля зрения, но тут Азра выкрикнула серию коротких гудков, которые определенно не были варисским, а может, и вообще никаким языком. Я бросил на нее взгляд, чтобы увидеть, как она отпихивает мужчину обратно в дом и качает головой "нет". Лучник опустил арбалет и отодвинул ставни, оставив достаточно места, чтобы наблюдать за противостоянием.

И что теперь? Я наблюдал, как Азра погружает костяшку пальца в крошечную баночку, которую она достала из другой сумки на поясе. Она протерла глаза, моргнула и уставилась на меня.

Мне не понравился этот взгляд. Мне казалось, что мои жемчужины выпирают наружу. Мне пришло в голову, что так оно и есть на самом деле, но я убедился, что штаны остались целы, и у меня еще оставалось немного скромности. И все же что-то в том, как эта потрепанная ведьма из-под изгороди смотрела на меня, заставляло меня чувствовать, что она видит что-то внутри, возможно, что-то, чего я не могу увидеть. Это не просто раздражало, а прямо-таки выводило из себя.

Я наклонился, чтобы приблизить свое лицо к ее лицу, и открыл рот, чтобы заговорить, но прежде чем я успел произнести хоть один слог, она подняла руку и ударила меня ладонью по лбу.

Удар был гораздо сильнее, чем я ожидал, но я отступил назад не от удара, а от неожиданности. На ладони у нее остался комок зелено-серой жижи. Я почувствовал, что что-то пастообразное прилипло к моему лбу, и поднял руку, чтобы потрогать. Там было что-то похожее на клочок пергамента, но мои пальцы не могли его ухватить. Они были толстыми и онемевшими, а через секунду это ощущение распространилось по рукам.

Я сделал еще один шаг в сторону и начал шататься, как пьяный. Пересиливая себя, я попятился вперед. Я падаю. Я чувствовал это, и мне нужно было уйти от этой женщины, этой Азры, пока я не оказался в ее власти.

Я пробежал мимо нее, преодолевая ярды с каждым шагом, быстрее, чем когда-либо прежде. На другом конце грязной дорожки я увидел небольшую крытую повозку, на боковых панелях которой были вырезаны и разрисованы изображения оленей, бегущих под звездным небом, луна улыбалась им, а волки крались из тени деревьев. Мне пришлось засмеяться. Уже не в первый раз я сочувствовал оленям.

Позади меня жители деревни кричали из окон, и Азра отвечала им улюлюканьем и ворчанием. Если бы мне удалось добраться до леса, самое худшее, что могло бы случиться, - это то, что я умру и буду съеден волками. Это должно было быть меньшим злом.

Я побежал вокруг повозки, помня, что лучник может не послушаться приказа Азры не стрелять. Там я столкнулся с белым ослом, который закричал и залаял. Он взбрыкнул, полностью развернувшись в два неловких прыжка, которые со стороны выглядели бы просто уморительно. Я попытался отпрыгнуть в сторону, но осел оказался быстрее. Его задние копыта поднялись и ударили меня.

Второй раз за последнее время удар был таким же сильным, как конец света.

Инфернальный язык. На нем говорят преимущественно в Аду и связанные с ним люди, Инфернальный язык - это лаконичный язык, требующий точной речи. В его словарном запасе много омофонов, что приводит к путанице среди начинающих ораторов, так как похожие по звучанию слова могут иметь совершенно разное значение. В Тиан Ксиа на инфернальном языке иногда говорят Они и другие злые духи.

Взято с https://pathfinderwiki.com/wiki/Languages_of_the_Great_Beyond#Infernal

Глава седьмая: Тайная рука

Прежде чем найти подсказки, которые ты мне оставил, я раскрыл две совершенно неожиданные тайны. Первая настолько восхитила меня, что я ненадолго забыл о своем недавнем несчастье. Вторая углубила мое подозрение, что кто-то в Уиллоуморне обманывает меня, а возможно, даже манипулирует моими действиями.

Через несколько часов после второго завтрака Тара нашла меня, когда я смотрел на топиарный лабиринт графа Галдана из его трофейной комнаты на втором этаже. До ее прихода моими единственными спутниками были головы хищников - оленей, пум, огромных медведей, - все они смотрели со стен в немом свидетельстве мастерства тех, кто их убивал.

Дополнительная высота второго этажа позволила мне увидеть больше топиарных фигур, которые, казалось, состояли из равного количества диких животных и монстров, с одной или двух сторон. Однако не было видно всего лабиринта, который мог бы дать мне несколько минут утешения, пока я разгадывал головоломку его проходов.

Ранее я надеялся осмотреть лабиринт с высоты четвертого этажа, но лакей, стоявший у лестницы, извиняющимся, но твердым тоном сообщил мне, что верхние покои недоступны для гостей. Несмотря на мои обязательства перед гостеприимством отсутствующего лорда, это неожиданное препятствие только усилило мое желание исследовать эти запретные проходы, равно как и резкий запах винного уксуса, который я почувствовал в них. Я задался вопросом, какой казус заставил слуг использовать столь неприятное чистящее средство, но, скорее всего, ответ был неприятен и одновременно неинтересен.

Совпадение или нет, но причина для обращения ко мне Тары была прямо противоположной ограничением. Она нашла меня после моего возвращения в трофейную комнату, где я заметил, что на оружейной раме над очагом отсутствуют мечи.

"Неужели граф Галдана во время охоты носит с собой весь свой арсенал?" спросил я.

"Возможно, да", - ответила она с улыбкой. "Мы знакомы только по переписке. Я знаю о нем едва ли больше, чем вы". "

"А у меня их вообще нет", - сказал я, отбросив сплетни о Калифасе. "Надеюсь, он не будет возражать против моей самонадеянности в отношении его гостеприимства, пока он в отъезде".

"Конечно, он будет благодарен за то, что ты благополучно доставил меня домой", - сказала она.

Мне хотелось расспросить ее о событиях на мосту, но я знал, что Казомир не согласится с тем, что я расспрашиваю Тару, вместо того чтобы спросить его напрямую. Как бы он мне ни был неприятен, существовал протокол, который нужно было соблюдать. Прежде чем я успел сформулировать косвенный вопрос, Тара продолжила.

"Казомир оставил инструкции, что вы должны иметь полный доступ к библиотеке его дяди", - сказала она. Когда я не сразу ответил, она добавила: "Именно поэтому вы и пришли, не так ли?".

"Действительно", - сказал я. "Я благодарен за оказанную услугу".

"Я скажу слугам, чтобы вас не беспокоили до ужина", - сказала она. Коснувшись колокольчика рядом с головой огромного оленя, она указала на дворецкого, который почти незаметно стоял позади нее. "Если вам что-нибудь понадобится, не стесняйтесь позвать Феликса".

"Благодарю вас". Я обратил внимание на тени под ее глазами. "Вы здоровы, миледи?"

Она улыбнулась с извиняющимся видом. "Наши недавние несчастья потревожили мой сон", - сказала она.

"Несомненно, это так", - сказал я. "Но чтобы быть уверенным в вашем здоровье, возможно, нам следует вызвать священнослужителя из города".

"Спасибо за заботу, ваше превосходительство", - сказала она.

"Вариан, пожалуйста."

"Вариан", - сказала она. "Я чувствую только усталость и беспокойство, но не болезнь. Обещаю, что как только я заподозрю обратное, я попрошу Казомира вызвать мне помощь. А до тех пор нам лучше оставить жрецов служить тем, кто больше всего в этом нуждается".

"Вы щедры, леди".

"А вы становитесь все более любезным, по мере восстановления после нашего испытания", - она сделала реверанс. "Если вы позволите, я удалюсь до возвращения Казомира".

В ее отсутствие, не имея возможности осмотреть топиарный лабиринт с лучшей высоты, я последовал за Феликсом в библиотеку. Он отпер дверь с помощью ключа на ленточке на шее. Я обратил внимание, что он держит кольцо с ключами в кармане пальто, что говорит о том, что библиотека была комнатой особого уединения. Действительно, он не последовал за мной внутрь, а попросил разрешения уйти, указав место, где находится звонок.

В отличие от трофейной комнаты отсутствующего графа, где создавалось неприятное ощущение, что меня окружают хищники, в библиотеке Галдана я сразу почувствовал себя комфортно, почти знакомо. Несмотря на то, что по размеру она была лишь на малую толику меньше моих фондов в Гринстиплсе, комната была практически сплошь заставлена книжными полками. Стены между полками были увешаны гербами различных знатных домов Амааны, а также бронзовыми статуями или мраморными бюстами, которые моя мать называла "пылеуловителями". И все же библиотека не имела горизонтального пространства, кроме как для книжных полок, а те были забиты книгами, свитками, картами и фолиантами. Среди кожаных кресел и диванов стояли четыре отдельно стоящих стеллажа, большой стол с картами и три подиума. Едва оставалось место для скромного камина, перед которым стояла пара удобных кресел, а между ними - стол, заваленный книгами. У Галдана даже имелся достоверный глобус, хотя он, похоже, был изготовлен несколькими поколениями раньше, и я сразу заметил несколько явных ошибок.

Но ты все это уже знаешь, потому что следующим, что я заметил, был твой гениальный знак. Возможно, мне потребовалось бы больше времени, чтобы заметить его, но солнце позднего утра падало прямо на полки, которые вы переставляли. Распознавание знака "Открытие", образованного корешками зеленых переплетов, сдвинутых с их прежнего места, было радостным моментом, который ненадолго снял печаль с моих бровей.

С этого момента мне оставалось только отобрать те тома, на верхних краях которых не было толстого слоя пыли, как на остальной коллекции Галдана. Здесь у меня возникает желание упрекнуть вас в том, что вы поверили в то, что в штате домоуправления нет более добросовестной горничной, но, возможно, у вас было достаточно возможностей понаблюдать за персоналом и сопоставить его недостатки с вероятностью того, что кто-то из них может стереть ваш след.

Беглая инвентаризация недавно потревоженных книг дала мне четыре категории и одну

аномалию. Несомненно, история региона была вашим главным объектом, и не было ничего удивительного в том, что религиозные тексты были так же потревожены. Также ожидаемым было обнаружение того, что вы изъяли несколько пустых, переплетенных рукописей. Я надеюсь, что вы получили разрешение графа Галдана использовать эти материалы для расширения вашего журнала "Следопыта". В противном случае, их изъятие осталось незамеченным. Осмотрительность - великий щит в погоне за знаниями.

Что касается четвертой категории, то меня, естественно, обеспокоило не только наличие нескольких трактатов о культах Норгорбера и Ургатоа, но и свидетельства того, что они были в числе наиболее часто просматриваемых томов. Обнаружение подобных книг его коллегами могло поставить перед графом Галдана сложные вопросы: в лучшем случае его назвали бы дегенератом, в худшем - осудили бы как поклонника этих запретных божеств.

Помимо исторических, религиозных, пустых и оккультных томов, среди недавно взятых в руки книг я заметил дешевый роман. Его главное содержание не представляло особой важности, но я с некоторым недоумением отметил добавление чрезвычайно рискованных карикатур, нарисованных на полях.

Я и раньше видел подобные развлечения, спрятанные на виду у всех в библиотеках владык Челиакса. После ужина дамы собирались в своих гостиных, а мужчины удалялись в библиотеку. Там, после нескольких рюмок бренди и раздачи этих отвратительных талданских сигар, хозяин делал вид, что показывает своим товарищам последнее сочинение какого-нибудь жалкого "автора" приключенческих рассказов. Никто из воспитанных людей не читает подобный бред, но истинная цель заключалась в том, чтобы показать картинную драму на полях. Человек держит страницы между большими пальцами и перелистывает их. В результате возникает иллюзия движения, и рисунки - каждый из тех же сюжетов, но в немного разных положениях - как будто оживают.

Это было бы прекрасным развлечением для детей, если бы не порнографический характер иллюстраций, которые включают такие обыденные драмы, как лорд и куртизанка, лорд и доярка, доярка и куртизанка и так далее. Нет нужды говорить, что это не перестает забавлять посетителей, или, по крайней мере, те, кто находит такие развлечения неприятными, достаточно вежливы, чтобы изображать восторг. Я причисляю себя к последним.

Хватит об этом. Вам не нужно описание того, что вы уже изучили. Или нет? Интересно, были ли вы единственным посетителем библиотеки Галдана в этом году, потому что я так и не понял, чем эта книга могла вас заинтересовать.

Я бы отбросил роман с его вульгарными иллюстрациями, но, перелистывая страницы, я услышал самые невыразимые звуки тех самых действий, которые изображены на иллюстрациях. Даже если вы их не видели, я избавлю вас от необходимости описывать действия или звуки. Я увидел, что на обратной стороне каждой иллюстрации была начертана руна, вернее, ее фрагмент.

Чтобы убедиться в своих подозрениях, я снова перелистал страницы. Из книги снова раздался бравурный звук. Ошибиться в источнике было невозможно. Я перелистывал страницы, как азартный игрок перелистывает карты, располагая символы рядом друг с другом, пока их взаимосвязь не стала очевидной. Каждый из них представлял собой фрагмент арканного символа, а три или четыре вместе образовывали буквы, из которых складывались слова волшебства. В зачарованном свитке такие символы были бы написаны целиком, как части слогов магии. Более того, в чернила, которыми были написаны слова, были вложены материалы, необходимые волшебнику для мысленной подготовки заклинания, как в ловушку,

расставленную в ожидании катализатора для высвобождения силы.

Это было захватывающее открытие, но если я не буду уверен, что именно вы в последнее время исследовали эту книгу, то это не та зацепка, которую стоит продолжать. Возможно, кто-то из слуг или Казомир в отсутствие дяди развлекался этим безвкусным развлечением. Не имея более убедительных доказательств того, что эта книга была среди тех, которые вы изучали, я отложил ее в сторону, чтобы позже изучить ее магический эффект.

Сначала я отложил в сторону религиозные тома, поскольку давно знаком с поклонением Десне и Фаразме. Моя мать познакомила меня с великолепиям Песни Сфер в мои ранние годы, и мы вместе поклонялись ей до возвышения Дома Трун и национального обязательства почитать Асмодеуса, Принца Закона. Хотя я никогда не был поклонником Владычицы Могил, все живущие должны однажды предстать перед ее судом, и поэтому нам всем следует узнать, чего ожидать, когда Фаразма снимет материальную завесу с наших лиц. В отличие от тех, кто считает ее выдающееся положение в Усталаве мрачным наваждением, я вижу в этом признак силы национального характера, когда люди этой земли принимают конечный момент своей жизни, а не подчиняют себя страху перед ним.

Несмотря на мою приверженность к знаниям по всем предметам, мне не хотелось открывать книги о культах Норгорбера и Ургатоа. Как Следопыт, я всегда презирал Жнеца Репутации и его различные культы. Для тех, кто ценит обучение, не может быть более бессмысленного следования, нежели то, которое использует интриги и убийства для подавления знаний. Самая страшная тирания - это тирания невежества. Что касается Ургатоа, бледной принцессы, то я, конечно, знал, что у нее есть свои последователи среди варисийцев, которые отвергают мысль о том, что их жизнь подвластна суду Фаразмы, и, подобно своей ужасной богине, желают продлить свою земную жизнь сверх естественного срока. Я не могу придумать ничего более отвратительного, чем превращение самого себя в подобие омерзительной плоти.

Таким образом, остаток дня я посвятил изучению историй Амаанса и Вирлича, страницы которых вызвали наибольший интерес. Должно быть, Вам не терпелось продолжить достижение своей цели, ибо я уверен, что в свободное время Вы проявили бы больше осмотрительности.

Хотя мне хорошо известна история Усталова и прилегающих территорий, я не являюсь экспертом в мелочах. Возможно, это неправильный термин, поскольку даже самая мелкая деталь может иметь огромное значение при правильных обстоятельствах. Я проследил за теми пунктами, которые вы сочли наиболее важными, отыскав на полях отпечаток вашего ногтя большого пальца. Вначале это оказалось не более чем освежением общеизвестной истории, но постепенно начала вырисовываться нерассказанная история.

История Усталова - это во многом одна из сносок истории Тар-Бафона. Спустя более тысячи лет после смерти смертного воплощения короля-волшебника, Совидия Устав объединила варисские кланы и дала имя образовавшейся стране. Даже в этот золотой век раздробленными варисийцами не правил одинокий монарх. Чтобы избежать распада страны, один из потомков Совидия решил разделить свою власть, распределив ответственность за управление страной между шестнадцатью графствами и тем самым успокоив наиболее амбициозных вождей могущественных кланов.

В течение пяти веков после этого Усталав процветал среди других народов, окружавших озеро Энкартан, и каждый из его длинной череды монархов верил, что Тар-Бафон встретил свою судьбу от рук ныне покойного бога Ародена на Острове Ужаса. Никто не понимал, что бессмертный военачальник просто спал, ожидая завершения ритуалов, которые он запустил

много веков назад. Когда он воскрес как лич, известный как Шепчущий Тиран, Усталав стал первой человеческой землей, которую он подчинил себе.

Он выбраковывал тех, кто не хотел служить, поднимая их безжизненные тела, чтобы сформировать свои первые легионы. К тому времени, когда он объединил их с силами орков из Белкзена, соседние земли оказались не готовы к его нападению. Прошло более пятисот лет, прежде чем народы Авистана смогли организовать единую оборону. Возможно, они никогда бы этого не сделали, если бы не призыв Сияющего крестового похода империи Талдан в сочетании с дварфами Краггодана и Рыцарями Озема. Армии дварфов и людей боролись против казавшегося неисчерпаемым могущества Шепчущего Тирана более семидесяти лет, пока талданский полководец Арнисант не разбил Щит Ародена о посох Шепчущего Тирана, пожертвовав при этом собственной жизнью. Толика силы бога, заключенная в артефакте, омыла Тар-Бафона, ослабив его настолько, что заклинатели и жрецы Талдора смогли заточить его под корнями его собственного места силы, ужасного Шпиля Гэллоу.

Усталав восстал из пепла не как феникс, а как хрупкая тень себя прежнего. Графства, некогда известные как Вирхольт и Гролич, превратились во взрывоопасную гряду пустынных гор, усеянную руинами памятников Тирана. Владыки Усталава довольствуются тем, что оставили эти земли бездыханным мертвецам, и называют их Вирлич. Сияющий крестовый поход захватил другую часть Усталава как бастион против пробуждения Тар-Бафона, и сегодня это государство Ластволл. Даже среди центральных графств Усталава три свергли своих феодалов и провозгласили себя Палатинами, и у Принца нет ни воли, ни сил, чтобы бросить им вызов. Вместо этого ему приходится бороться с амбициями соперников за его кресло, которое теперь находится в Калифасе, далеко от родного Ардиса Совидии Устава.

Многое из истории страны я мог бы пересказать по памяти, но сравнение незначительных хроник, с которыми вы ознакомились, привело меня к некоторым интригующим дополнениям. Например, я не знал о мятежном лорде Вирхольте, который сдал свое графство и предложил свою службу Шепчущему Тирану. Заманчиво принять предложение ученого и предположить, что он поступил так ради избавления своего народа от ужаса сосуществования с нежитью в легионах Тирана. Такие романтические представления редко бывают исторически достоверными, особенно если их выдвигают слуги господствующей силы.

Вы обратили внимание на ссылки на заклинания и договоры Вирхольта? Их последствия вызывают беспокойство из-за отсутствия деталей. Ответ на вопрос, заключал ли этот лорд Вирхольт сделки с inferнальными силами до или после поступления на службу Тар-Бафону, может радикально изменить наше понимание падения Усталава.

Если вы ищете остатки Вирхольта, надеюсь, вы готовы к встрече с темной магией. Не нужно быть бессмертным, как Тар-Бафон, чтобы оставлять за собой смертельные ловушки. Слишком многие из наших коллег открыли эту истину в момент своей последней ошибки в жизни.

После этого первого легкого обзора собранных вами материалов мне захотелось узнать больше, но я обнаружил, что устал и хочу выпить праздничного тонизирующего напитка. Я поднялся, чтобы позвать Феликса, но когда я положил руку на рычаг звонка, я заметил что-то необычное. За ближайшей полкой я обнаружил необычную тень, отбрасываемую поздним вечером. Что-то лежало за книгами на верхней полке. Я тихонько подкатил лестницу и поднялся, чтобы заглянуть вниз, за скрывающие книги.

За ними лежало несколько связок тонкого пергамента. Каждый из них был разрезан по горизонтали и образовывал шестнадцать миниатюрных книг, скрепленных с одной стороны полоской латуни, загнутой так, чтобы получился грубый переплет. На них лежали три

непереплетенных фолианта, маленький бархатный мешочек и чернильница.

Какое-то сверхъестественное предупреждение покалывало в основании моего черепа. Я как можно тише спустился по лестнице и подкрался к двери. Прислушавшись, я не услышал никаких признаков присутствия. Я повернул ручку двери и с удивлением обнаружил, что она заперта с другой стороны. Заглянув в замочную скважину, я никого не увидел в коридоре.

Теперь все мои мурашки поползли по коже от предвкушения и подозрений. Я с притворной непринужденностью прогуливался мимо окон. Кроме молодой гончей, которую я видел раньше и которая смотрела в окно, словно следя за мной, я не обнаружил никаких шпионов.

Охваченный этим нуминозным чувством, я совершил круг по комнате, словно тренируя мышцы, одеревеневшие от бездействия. Я не увидел никаких отверстий для подглядывания и не заподозрил ни одну из различных безделушек в том, что они служат для подсматривания. Убедившись, что меня не видят, по крайней мере, очевидными или обыденными средствами, я вернулся к высокой полке и снял спрятанные бумаги. Под ними я обнаружил еще одно сокровище: длинный меч в ножнах из белой кожи и золотой оправы, прижатый к стене весом книжной полки. Я оставил его там, пока спускался вниз, чтобы изучить странные маленькие книги.

Это были не настоящие книги, а полосы переплетенных страниц, полностью посвященные персонажам кинеографа, с которыми я сталкивался ранее. Содержимое было заклинаниями, с которыми я когда-то был близко знаком, заклинаниями, которые я изучал в надежде, что они защитят меня от опасностей в экспедиции Следопытов, прежде чем я с сожалением отказался от них перед лицом моей особой слабости к удержанию магии в своем сознании. И все же было что-то более знакомое в этих "свитках с рифлями", как мне сразу пришло в голову их назвать. Это осознание опустилось на меня, как ледяная мантия, одновременно с тем, как я услышал звук кареты Казомира, возвращавшейся с паромной переправы.

Письмена на странных свитках, несомненно, принадлежали мне.

Тар-Бафон был могущественным королем-волшебником, правившим центральным Авистаном в конце IX века AR. Убитый самим богом Ароденом в 896 AR, в 3203 AR он воскрес как лич, известный как Шепчущий Тиран, и правил страной Усталав в течение многих веков. В 3827 AR он был окончательно побежден Сияющим крестовым походом и почти 300 лет находился в заточении в своей крепости Шпиле Гэллоу. Он освободился в 4719 AR и захватил Ластволл со своими полчищами нежити, создав Могильные земли. Его удалось остановить, когда он пытался завладеть Звездным камнем в Авессаломе, и он отступил на Остров Ужаса посреди озера Энкартан. Он остается там и по сей день и стремится распространить свое влияние и собрать свои силы.

Взято с <https://pathfinderwiki.com/wiki/Tar-Baphon> Глава восьмая: Черная птица

В течение нескольких месяцев после моего посвящения в "Козопасы" мне снились кошмары о том дне и о том, как я избил сына торговца до полусмерти, а остальные члены банды смотрели на это как свидетели. Через некоторое время, даже когда я спал в загоне рядом с другими мальчиками, я понял, что повторяющиеся видения были всего лишь снами. И все же они крепко держали меня, пока я не просыпался, брыкаясь, чтобы встать, потев, в холодной темноте; даже ребенком я знал, что в день моей смерти на чаше весов Фаразма будет лежать еще один камень, перевешивающий на сторону Ада.

Этот сон был очень похож на те.

Босс рассказывал мне истории о гигантских птицах, называемых роками, больше, чем каравеллы. Он говорил, что они гнездятся в горах Кадиры, заслоняя собой небо, когда спускаются на караваны и срывают верблюдов по два за раз, причем всадники остаются в седлах.

Я, конечно, никогда не видел ни одного из них, но во сне - это должен был быть сон - один из этих роков гнался за мной по разбитой пустыне. Поскольку это был сон, я знал, кто был моим преследователем, хотя увидеть его можно было только в черной пустоте, где были звезды, или когда одно из его чудовищных крыльев проходило перед толстым ромбиком луны. Удары его крыльев были громом, и каждый из них вызывал землетрясение. Я перебежал от укрытия к укрытию, приседая возле засохшего дерева или ложась плашмя в неглубокую канаву, когда оно проносилось мимо. Земля была настолько горячей, что я не мог стоять на месте дольше нескольких секунд, но каждый раз, когда я выглядывал из-за края неровного оврага в поисках следующего укрытия, ветер обдувал мои ледяные щеки.

Я услышал позади себя крик. Прежде чем я успел откатиться в сторону, когти полоснули меня по шее, а клюв впился в щеку. Яркая боль разлилась по шее и плечу, и я замахал руками, пытаясь отогнать ее, упал на бок и задергался, как оглушенный зверь.

Чудом мне удалось вырваться, хотя бы на мгновение. Я почувствовал затхлый запах перьев и услышал, как большой грач прочерчивает борозды в растрескавшейся грязи. Я хотел бежать, но не мог встать. Я беспомощно перекатывался с боку на бок, застряв в сухой канаве шириной едва ли больше моих плеч. Я оттолкнулся ногой, и хотя моя нога не продвинулась далеко, она ударилась об острый край.

Мой крик наполовину пробудил меня от кошмара, но я почувствовал тяжесть на груди, и запах перьев заполнил мой нос. Я лежала на ковре на деревянном полу, а не на земле, и постоянно двигался то вверх, то назад. Пространство было не таким уж маленьким, но я не мог избавиться от ощущения, что снова нахожусь в гробу. Я попытался открыть глаза, но открылись только правые веки.

Сквозь туманную пелену свет пронзил мой мозг. Как только я плотно закрыл глаза, что-то укололо меня в подбородок. Я потянулся к нему, но мои руки были крепко связаны вокруг тела. Качнувшись в сторону, я ударился о другой твердый край, ящик или предмет мебели. Позади меня, над моей головой, я услышал звериное клекотание и звук, похожий на чмокание губами. Толчки замедлились и прекратились.

От резкого толчка у меня свело живот, меня подбросило вверх, и мой череп ударился о барьер над головой. В мозгу заплясали крошечные желтые звездочки, а в рот хлынула горячая желчь. Я попытался сплунуть, но что-то закрыло мне лицо, и моя собственная тошнота потекла по подбородку и обратно в нос.

Задыхаясь, я изо всех сил пытался поднять руки к лицу. Слишком слабый, чтобы разорвать ткань, удерживавшую мои руки, я добился лишь ублюдочного всхлипа и рвотного позыва. Я попытался сесть, но едва смог поднять ноги на несколько дюймов. Даже от такого усилия у меня болели кишки. Если бы я сегодня направлялся в ад, то выбрал бы не такой путь.

Где-то мимо моих ног скрипнула открывающаяся дверь, затем послышался писк испуганной курицы, чьи лапки, как мне показалось, царапали ткань на моих ногах. Кто-то шипел и отгонял это существо. Его крылья подняли облако пыли и перхоти. Рука коснулась моего колена. Я почувствовал давление бинтов на обеих ногах.

Рука поднялась вверх, к ней присоединилась другая, и они схватили мои сопротивляющиеся запястья. Я отплевывался от рвоты, не в силах говорить. Наконец руки добрались до моего рта и разорвали ткань. Я повернулся, чтобы сплюнуть, и одна из рук приподняла мою голову, чтобы рвота вытекла через нос. Я снова мог свободно дышать.

"Спасибо", - сказал я голосом более хрупким, чем шепот. С другой стороны, это был мой голос, и я узнал свои слова на талданском.

"О", - сказал женский голос. Руки толкнули меня вниз, когда я попытался снова сесть. Она сказала что-то неразборчивое.

"Опять?"

Больше звуков, в основном гласных, были единственным ответом, когда женщина удалилась. Это был не варисский язык, и уж точно не талданский.

"Я не могу двигаться", - сказал я. "Я хочу встать". Даже эти несколько слов выбили меня из колеи. Я лежал неподвижно, пытаюсь собраться с силами, но не находил их.

Женщина вернулась, на этот раз с водой, которая, как я слышал, плескалась в кувшине. Мне хотелось пить как никогда, но она намочила тряпку и вытерла мой подбородок, прежде чем дать мне попить. Она забрала ее, прежде чем я закончила. Когда я поднял голову в знак протеста, она сильно толкнула меня обратно. Ее рука была теплой и мозолистой.

Затем она разорвала ткань на моем лице и прижала влажную ткань к моим глазам. Вода была благословенно прохладной. Она стерла густые частицы - последние остатки моих сожженных ресниц, как мне показалось, без особой надежды на то, что в следующем зеркале я увижу красивое лицо. Она снова намочила салфетку и провела ею по моим бровям, после чего стерла еще больше остатков. Мой закрытый глаз был нежным, как и большая часть левой стороны лица. Крошечные пальчики надавили на веки и осторожно потянули их вверх.

"Ах!" - вскрикнула я. Открыв левый глаз, я увидел мазок крови, но я мог видеть. Зрение в правом глазу было нормальным, и после еще нескольких мгновений ее стараний - я увидел, где нахожусь.

На коленях рядом со мной стояла Азра, ведьма, которая вырубилась меня в деревне. Она оказалась не такой уж маленькой, как я думал раньше, но трудно было сказать, лежа на полу ее крытой повозки. Возможно, вблизи она казалась больше.

Она сдвинула с места шарниры стола, о который я разбил свой череп, и прикрепил его к стене повозки. Она помогла мне сесть и оставила меня прислоненным к передней стене, пока она разворачивала панели по обе стороны вагона, чтобы впустить свежий воздух.

С вогнутого потолка свисали мешки, витражные глобусы, связки сушеного мяса, пучки цветов и корней. Когда Азра открывала окна, внутрь врвался запах осенних листьев, смешиваясь с резким ароматом трав. На полу повозки, примерно повторяя очертания моего тела, лежали корзины, сундуки, мешки с зерном, глиняные кувшины, мешки с картофелем, открытый ящик с инструментами, крошечная железная печка, моток веревки и сотня мелких вещей, примостившихся между ними. Над моей головой находился ящик, прикрепленный к передней стенке вагона, и от его вида у меня возникло чувство клаустрофобии. Я сполз вниз, но даже это легкое движение вызвало новый приступ головокружения.

Снаружи мучившая меня курица скандировала "балк-балк-балк", маршируя по периметру.

Возле задней двери я увидел железную петлю с куском бечевки, которая двигалась вперед-назад в такт звукам птицы.

Посмотрев вниз, я увидел, что на мне какая-то лоскутная одежда из тонкого серого хлопка. Она была сшита из пяти или шести маленьких кусочков, образуя своего рода мешок вокруг меня. Из-за усталости, болезни или просто глупости я не сразу понял, что это такое.

"Сукин сын!" попытался крикнуть я, но вышло больше похоже на чих. Я боролся изо всех сил - и все равно был слабее новорожденного котенка - чтобы оторвать эту штуку. Одна из моих шпор прорвала бок. Я поднял руку, чтобы расширить разрыв, и это дало мне достаточно места, чтобы просунуть руки. Мои большие пальцы были обмотаны толстой испачканной тканью, окровавленные маленькие мумии.

Азра вернулась, подняв руки, чтобы успокоить меня. В тот момент я не был заинтересован в спокойствии.

"Что, черт возьми, с вами такое?" сказал я. "Вы поклоняетесь Фаразме, я понял, но это не дает вам права упаковывать меня в коробку, хоронить или зашивать в проклятый саван!"

Она отошла, освободила место на коробке и села смотреть, как я бушую. Как и подобает истерикам, это было довольно слабо. Я перечислил всего несколько ругательств на обоих наших языках, все из которых она, похоже, понимала, но ни одно из них, казалось, не беспокоило ее. Я сдался, разочарованный тем, что не шокировал или хотя бы не рассердил ее.

Она показала на меня и сложила руки вместе рядом со своим чеком, затем повернула голову, изображая сон.

"Я не устала", - сказала я. Это была ложь, но в тот момент я не был готов начать с кем-то соглашаться.

Она обхватила себя руками и покачала их, как будто держала ребенка.

"Я не веду себя как ребенок".

Она засмеялась, но звук получился странным. Что-то было не так в ее рту, но что именно, я не мог понять. Она покачала головой и нахмурилась, задумавшись на секунду. Она повторила жест ребенка и коснулась ткани савана.

"Это саваны детей?"

Она кивнула.

"Десна плачет". Я содрогнулся. Ношение саванов мертвых детей должно было сопровождаться каким-то мерзким проклятием, самым злым сглазом, который только может навести ведьма.

Азра смотрел на мою грудь, где я бессознательно нарисовал крылья Десны над сердцем. Этот жест игроки и беглецы научились прятать в Челиаксе. Хотя поклонение госпоже Удаче не является строго противозаконным, это достаточный повод для адских рыцарей, чтобы нагрубить тебе. Когда ведьма увидела мое выражение лица, она подняла бровь с любопытством, но потом покачала головой. Она изобразила несколько жестов, которые я не мог угадать, но затем она сжала руки. У нее были удивительно хорошие бицепсы, круглые и больше, чем мои кулаки.

"Это должно сделать меня сильнее?"

Она пожала плечами и кивнула. Ее руки рассеянно двигались, и я узнал знакомый рисунок: знак руки Следопыта, означающий "чинить".

"Это способ исцелить меня", - сказал я. "Ты Следопыт?"

Нет, - категорично ответила она.

"Тогда как ты...?"

Она отмахнулась от вопроса и подписала: "Ты Следопыт?"

"Мой босс", - сказал я. Хотя я никогда не вступал в его драгоценный маленький клуб, он научил меня многим их секретам, вероятно, надеясь, что однажды я приду и попрошу посвящения. Возможно, поэтому он и взял меня в это безумное путешествие. Дайте старому Радовану попробовать приключений, и он будет умолять нас выучить секретное рукопожатие и надеть смешную шляпу, или что там они делают на своих собраниях.

Весь этот хаос с момента моего падения с моста имел один хороший побочный эффект: мне не пришлось долго думать о смерти босса. Мне хотелось бы верить в обратное, но он никак не мог выжить после взрыва, который я видел, когда падал с моста. Это было чудо, что я пережил свое испытание, и я был намного выносливее, чем он. Теперь я был один, за сотни миль, а может, и больше тысячи миль от дома, который я никогда не любил. Все здесь считали меня каким-то чудовищем, дьяволом, и они не ошибались. Я не собирался встретить здесь дружеский прием. Только начальник мог обратиться к лорду Усталава за гостеприимством. Я едва мог говорить на этом языке.

Что же мне остается теперь делать?

Спать, - ответила Азра. Она дала мне выпить еще воды.

"Я не хочу спать", - сказал я.

Она провела рукой по моим глазам. Она была теплой, если не мягкой. Я не помню, чтобы она потом убрала ее.

Должно быть, я просыпался несколько раз за время пути, потому что я помню образы пыли, проникающей в узкие лучи солнечного света сквозь щели между панелями вагона. Я помню, как ноги этой проклятой курицы цеплялись за мои ноги, но Азра, должно быть, укоротила ее поводок, потому что она не уходила дальше моих колен. Я не уверена, было ли это сделано для моей защиты или для защиты курицы, потому что она сняла саван и накрыла меня толстым шерстяным одеялом. Мои руки были свободны, но они все еще были похожи на две палки из разбухшей коряги. Я едва мог поднять одну из них достаточно высоко, чтобы почесать подбородок, и этого усилия было достаточно, чтобы снова погрузиться в беспробудный сон.

Несколько раз я слышал голоса за пределами повозки. Я чувствовал запах свежего навоза или пекущихся пирогов, но обычно не было ничего, кроме голой земли и увядших листьев. Когда курица клевала меня, иногда у меня хватало сил отпихнуть ее. Иногда меня просто клевали. Я пил воду из ладони Азры, когда она подносила ее к моему рту. Я слизывал пастообразную кашу с деревянной ложки. Я не мог сосчитать, сколько раз, но этого было достаточно, чтобы я начал ненавидеть эту кашу, которая на вкус была почти так же плоха, как и на запах. Когда я не потел, мне было холодно, и каждый раз, когда я чувствовал, что могу заснуть, эта проклятая

птица клевала у моих ног. Сколько я пролежал в объятиях лихорадки, я не мог предположить.

В следующее мгновение я уже скользил по земле и смотрел на звездное небо. Азра тащила меня по траве на ковре. Подняв голову, я увидел, что повозка светится в свете костра неподалеку. Неподалеку пасса осел, а черная курица расхаживала вокруг костра, практикуя свои мучения, кляя землю. Я хотел прострелить ей голову, но было проще убрать руки в сторону и молча пообещать: "Ты получишь свое, маленькая наседка".

"Где?" спросил я, прежде чем понял, что Азра не сможет ответить, пока у нее не освободятся руки. Я попытался сесть, но она произнесла решительно отрицательное "Ух!". Я откинулся на спину и попытался насладиться поездкой, но каждая неровность земли умудрялась найти синяк или открытую рану. Я немного ностальгировал по прежнему онемению, потому что теперь мои ноги были похожи на пару мешков с битым стеклом. Каждый небольшой толчок приносил боль, а иногда и удар агонии, достаточно резкий, чтобы заставить меня шипеть.

К счастью, путешествие было коротким. Азра оставила меня в центре круга из примятой травы. Я догадался, что она уже вытоптала здесь траву, но она была такой однородной, что мне показалось, будто бог поставил огромную чашу, а потом поднял ее, чтобы сделать еще один глоток.

Словно прочитав мои мысли, Азра опустилась рядом со мной на колени и поднесла кувшин к моим губам. Я выпил то, что по вкусу напоминало неперебродившую медовуху, но через несколько секунд передумал. По вкусу она ничем не напоминала медовое вино, но зато брыкалась так же сильно, как осел Азры. Вскоре я смог различить движение звезд, скользящих по шару ночного неба. Оно не было черным, как я всегда думал, но было заполнено миллионами звезд, которых я никогда раньше не видел. То небольшое пространство, что лежало между ними, было цвета глубокой прозрачной воды.

Азра отошла от меня. На ее лодыжках и запястьях звенели крошечные колокольчики, и я услышал металлический звон, когда она достала пару звездных ножей, казалось, из воздуха. Я видел такие раньше, обычно их продавали Скзарни или другие бродячие варисийцы на открытых рынках. Это были кольца из стали, окружавшие центральную рукоять. Четыре треугольных лезвия выходили наружу, образуя неудобное, но потенциально смертоносное оружие. Большинство тех, кто покупал их в Челиаксе, относились к ним как к украшениям, чтобы повесить на стену в неубедительной попытке казаться заинтересованными в варисской культуре. Некоторые истинные варисийцы, особенно их клирики Десны, научились владеть этими клинками со смертельным эффектом.

Я медленно повернул голову, стараясь держать ее в поле зрения. Как и звезды, я чувствовал себя так, словно погрузился в глубокую воду. Осенний ветерок был медленным течением. Если бы я прижал пальцы к ковру, то понял бы, что поднимаюсь вверх и поплыву к луне.

Азра наклонилась, чтобы зажечь простую глиняную лампу. Она пошла дальше, зажигая все новые и новые лампы по кругу вокруг меня. Однажды меня отвлекла падающая звезда, но, кажется, я насчитал двенадцать таких ламп. Для чего они были нужны? Есть двенадцать лунных пещер. Или их было тринадцать? В Усталаве это тоже было несчастливое число, я был почти уверен. Трудно было вспомнить все те маленькие уроки, которые начальник давал нам о варисских обычаях во время путешествия из Челиакса.

От движения головой, чтобы держать Азру в поле зрения, у меня закружилась голова, когда над нами закружились хвосты звезд. Не желая рисковать новым приступом тошноты, я лежал неподвижно и сосредоточился на своем дыхании. Это было скучно, поэтому я прислушался к

звукам насекомых, но все они умерли или уснули. Вместо этого я услышал слабое шуршание далеких деревьев. Запах их гниющих листьев тоже был слабым, но трава подо мной все еще пахла летом.

Вот она, проскакала мимо слева, двигаясь вокруг меня по лунной стрелке. Как я понял, не скакала, а танцевала, как фермерская девчонка, движимая скорее оптимизмом, чем практикой. Хотя ее жесты выглядели неуклюже по сравнению, скажем, с изящным танцем, который исполнила для меня Малена, ритм колокольчиков на ее руках и ногах был гипнотическим. Она подняла руки к небу, и когда она подпрыгнула, ее руки образовали полумесяц вокруг растущей луны. Она подмигнула мне, когда ее руки прошли прямо напротив нее, и я скорее почувствовал, чем услышал смех, такой же большой и всеобъемлющий, как дождь.

Азра бросилась на меня, ее ножи мелькали над моей грудью. Скрестив запястья, она сформировала крылья бабочки над моим сердцем своими звездными ножами. Мгновение спустя она в танце отлетела к одной из ламп, мерцающих на краю круга. Она провела рукой над пламенем, чтобы погасить его. Я услышал, что она напевает в глубине своей груди. Если это и была мелодия, то я не мог ее разобрать. Оно не было мелодичным, но в нем была какая-то естественная музыка, как ритм волн или ветер перед бурей.

Она снова бросилась на меня, снова скрестив клинки над моим сердцем. На этот раз я почувствовал крошечную колючку на груди, как будто кто-то коснулся меня иглой, хотя я не думал, что она порежет меня звездными ножами. От точки удара по моему телу распространилось слабое блаженное ощущение, которое исчезало по мере того, как она отступала назад. Оно исчезло, когда она погасила следующую лампу.

Каждый раз, возвращаясь, она делала один и тот же жест, и я чувствовал, как на моей коже появляется еще немного колючек. Это было не больно, но все же приятно. Каждый раз, когда это ощущение исчезало, я чувствовал пульсацию смутного отчаяния. Я начал бояться, что со мной будет, когда она вернется после последнего пламени. Время замедлилось, и небо скрылось.

Мне пришло в голову, что Азра, возможно, не исцеляет меня. Возможно, она пообещала жителям деревни, что избавит их от чудовища с помощью предписанного ритуала. Даже если бы у меня были силы сопротивляться, решил я, я бы не стал беспокоиться. Если босс мертв, а друзей нет и в помине, я с тем же успехом могу быть похоронен в земле своих предков. Часть моего сознания была поражена такими мрачными мыслями. Это было на меня не похоже. Мне стало интересно, не был ли я пьянее, чем предполагал.

Луна скрылась за облаками. Краем глаза я увидел, как Азра склонилась над последним пламенем, а затем оно погасло. Мир затих, даже осенний воздух застыл в деревьях. Я слышал только шаги Азры, подбегающей все ближе. Она вскочила на меня, ее руки захлопали по моей груди. Изнуряющее сияние поглотило последние силы, и вся пышная темная ночь растворилась в смертельно-белом свете.

Я проснулся голым, если не считать одеяла, которым она меня накрыла. Судя по положению луны, я решил, что пробыл без сознания всего час или около того. Ковер все еще лежал подо мной, но Азра и все ее лампы исчезли.

Мой желудок заурчал, когда я сел. Кроме голода, я чувствовал себя лучше. На самом деле, я чувствовал себя прекрасно. Шины исчезли с моих ног, и я встал. Даже не шатаюсь. Я обернул одеяло вокруг талии, как банное полотенце, и пошел обратно к костру.

Осел уклонился от моего приближения, оставив мне место, чтобы согреться. Азра развела костер, но оставила рядом небольшую охапку дров. Я добавил пару поленьев и ткнул в огонь железным прутом, который нашел неподалеку. Азра, казалось, везла в этой повозке все, что ей было нужно. Я подумал, есть ли у нее дом. Скорее всего, она была странствующей целительницей, хотя и с гораздо большей силой, чем те ведьмы, которых можно встретить на Длинном рынке. Какое бы заклинание она ни наложила на меня, оно творило чудеса.

Я сбросил одеяло, чтобы при свете костра оценить свои повреждения. Рана от вил была едва заметна на моем бедре, а на руке остался лишь бледный след в том месте, где арбалетный болт пронзил мою ладонь. Мои большие пальцы были как новые, хотя на каждом из них теперь было по кольцу рубцовой ткани. Трудно было жаловаться на это. Я редко получал магическое исцеление, и никогда бесплатно.

Или, может быть, Азра ожидала чего-то взамен за свои услуги? Это был вопрос, который я должен был задать в ближайшее время.

Мой пустой желудок снова застонал, на этот раз достаточно громко, чтобы потревожить осла. В повозке должны были быть овес и сушеные фрукты. С водой и котелком я смогу приготовить что-нибудь получше той мерзкой пасты, которой кормила меня Азра. Я считал, что все деревенские женщины умеют готовить, но она явно была исключением. Я пошел искать повозку и понял, что не вижу своего заклятого врага - черной курицы. Подозревая засаду, я проверил крышу повозки. Там ничего не было. Затем я обнаружил поводок, тянущийся за дверь вагона к другой стороне вагона.

"Прячется, да?" Я дернул за веревку и услышал повизгивание.

Я чувствовал себя достаточно сильным для мести, и к черту кашу на ужин.

Понимая, что Азра может быть раздражена тем, что я зажарил только одну ее курицу, я не стал есть ее целиком. Это оказалось труднее, чем можно было подумать, потому что меня мучил голод. К счастью, в повозке был мешок картофеля. Я натер четыре штуки оливковым маслом и солью, которые нашел среди запасов Азры. Я как раз успел закопать их под угли и поправить свою импровизированную накидку, когда услышал испуганный возглас.

Азра стояла на краю света, держа в руках корзину, полную одежды. Одежда на ней была влажной, а ее ранее непокорные волосы были чистыми и зачесаны назад, открывая черты лица. Если не считать оцепенения, она оказалась красивее, чем я думал вначале. Что-то в ее веснушках притягивало лунный свет. Я знаю, как глупо это звучит, но именно так она и выглядела.

Идиот! - прошипела она, оглядывая беспорядочную кучу черных перьев, которую я оставил, ощипывая своего задохнувшегося врага.

Что? Я ответил, не подумав. И добавил: "Я оставил тебе половину". Мне не было нужды пользоваться пальцевой речью, но мы с боссом всегда использовали ее, чтобы хранить молчание, обычно когда прятались или шпионили за кем-то. Было странно отвечать на мою половину разговора вслух.

Она вздохнула и уронила корзину, качая головой в недоумении.

Ты ничего не знаешь, - написала она.

"Расскажи мне", - сказал я.

Курица ест демона, - написала она.

"Я не демон", - сказал я.

Демон внутри тебя.

Я почти поправил ее, но потом понял, что у меня самого нет причин верить, что это дьявол, а не демон, который вплелся в мою родословную. В Челиаксе, где вызванные дьяволы служат и советуют правящей семье, все считали, что мое наследие inferнальное, а не абиссальное. Я никогда раньше не сомневался в этом предположении.

"Послушай", - сказал я. "Я ценю твою помощь, но есть разница между настоящим исцелением, за которое я очень благодарен, и суеверием о цыплятах, пожирающих демонов".

Слушай, - ответила она с выразительным улюлюканьем. Стоя через костер от нее, я наконец увидел, что с ее ртом. Ее язык был вырезан, оставив только потрепанный розовый комок в задней части горла.

"Мне жаль", - сказал я, думая больше об обстоятельствах ее увечья, чем о сути вопроса. Почему кто-то отрезал ей язык? Потому что она была ведьмой, подумала я. А потом в голову пришли и худшие варианты - то, что может случиться с любой женщиной, которая не делает то, что хочет не тот мужчина. Я почувствовал внезапную волну сочувствия.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы все объяснить. Жестовая речь - не совсем правильный язык, поэтому ей часто приходилось прибегать к мимике для слов, для которых она не знала знаков. К тому же она все еще была очень сердита, так что уловить все это было трудно, особенно когда ей приходилось расписывать слова по буквам. Над ее талданским произношением нужно было поработать, хотя я знал, что лучше не говорить ей об этом. Наконец-то я понял большую часть того, что произошло со мной после падения с моста.

Мне было интересно, почему Азра просто не убила меня в деревне, когда жители так явно хотели сделать именно это. Оказалось, что изначально они не собирались меня убивать, а просто похоронили. Они думали, что я уже мертв, когда несколько местных мальчишек выловили меня из реки. Когда они увидели мои шпоры и другие признаки моего звериного происхождения, они решили, что я был ведьмой или демоном. Похоронив меня лицом вниз, со связанными за спиной большими пальцами и чесночной припаркой во рту, они решили, что я не вернусь, чтобы преследовать их в качестве "мертвой нежити", самого страшного злого духа, который водился в здешних местах. Как только они почувствовали, что я шевелюсь в гробу, они поняли, что я - "живая нежить", тот вид монстра, с которым они обычно заключали сделки. В панике они решили, что это различие не имеет значения, поскольку они уже оскорбили меня, положив в гроб. Итак, костер.

Азра только что приехала в деревню, которую она посещала пару раз в год. Как я уже догадался, она была своего рода странствующей целительницей, мудрой женщиной и, судя по инструментам в ее повозке, очевидно, знахаркой. Увидев меня, она попыталась поймать меня внутри магического круга. Когда это не сработало, она начала сомневаться, что я все-таки демон. Она произнесла заклинание, чтобы заглянуть внутрь меня, если я правильно понял ее знаки. Она не объяснила, что именно она там увидела, но что бы это ни было, она решила исцелить меня, а не убивать.

Курица была подарком от жителей деревни. Он должен был выклевать мое зло, пока я сплю. Я был уверен, что в этот момент у нас возникли трудности с переводом. "Ты имеешь в виду мою болезнь?"

Нет, она написала. Твой демон.

"Хорошо", - согласился я. "Но я не одержимый. Моя мать была хеллспауном. Во мне есть частичка дьявола".

Она подняла глаза к небу в отчаянии. Она была определенно красивее, то ли из-за купания, то ли из-за эффекта танца, который она использовала, чтобы исцелить меня. То, как она сосредоточила свое внимание на мне, пока мы спорили, заставило меня остро осознать, что я хочу не только жареной курицы. Я вспомнил глупую фразу, которая раньше действовала на меня.

"Может быть, ты хочешь, чтобы в тебе было немного дьявола?" Я сбросил одеяло и протянул руку.

Ее сердитое выражение лица на секунду померкло, когда она уставилась на меня. Иногда я понимаю это. Мне нравится поддерживать себя в форме. Возможно, у меня все-таки есть способ отплатить ей.

Она сделала щелкающий жест одной рукой, и серебряный блеск, сорвавшийся с одного из ее колец, уколол меня в подбородок.

"Ой!" сказал я. Мне уже приходилось слышать отказ, и я знал, как это воспринимать. "Извини, это было так неуклюже... Ой!"

Она снова ужалила меня, на этот раз гораздо ниже подбородка.

"Хорошо, хорошо!" Я взял одеяло и накрыл свои самые чувствительные места. "Это было всего лишь предложение".

Она гонялась за мной вокруг костра, жала меня в перерывах между гневными жестами грязного, проклятого, демона, пока комок углей не вырвался из костра с потрясающим грохотом. Повозка слегка покачнулась, и осел отшатнулся от нее. Мы с Азрой замерли, уставившись на огонь и мясистую половину перепеченного картофеля, медленно сползающую с борта повозки.

"Голодная?" спросил я.

Глава девятая: Лакуны

Я искренне надеюсь, что вы были избавлены от знакомства с племянником графа Галдана во время вашего визита в Уиллоуморн. Его поведение после моего пробуждения было, если не сказать больше, еще более оскорбительным, чем во время нашего злополучного путешествия из Калифаса.

Вернувшись из Кавапешты за час до захода солнца, Казомир не поинтересовался моим состоянием. Поначалу это безразличие казалось благим, поскольку давало мне достаточно времени, чтобы вернуть таинственные свитки с рифлями на место рядом со спрятанным мечом. Когда же любопытство заставило меня обратиться с просьбой о встрече, Феликс вернулся с необоснованным отказом своего господина. Приготовив огонь в очаге и зажигая лампы в библиотеке, дворецкий удалился, пообещав принести мне ужин через час.

Возможные объяснения безразличия Казомира было легко взвесить. То, что он не дорожил моим обществом, было очевидно. То, что его мысли были заняты делами усадьбы и Кавапешты,

вполне возможно. Однако то, что он хотел избежать многих вопросов, которые вертелись у меня в голове, казалось наиболее вероятным объяснением.

Я решил принять его неучтивость как возможность продолжить изучение меча и свитков. Задернув шторы, я вернулся к книжной полке и достал их из тайника. Я положил их на стол с картами, где их можно было бы спрятать, если бы за мгновение до этого раздалися шаги в коридоре или повернулась дверная задвижка.

Орнамент на ножнах меча включал стилизованный василек, который я видел в границах герба семьи Галдана по всему поместью. Сам клинок был из сплава такого бледного цвета, что на мгновение показалось, будто он сделан из кости. На лезвии были начертаны спирали Фаразмы. Они образовывали длинный, сужающийся след от рукояти клинка до половины его кончика. При ближайшем рассмотрении оказалось, что вокруг оригиналов тускло выгравировано еще больше крошечных спиралей, каждая из которых окружена своими спутниками поменьше, и так далее до бесконечности. Какое очарование они вложили в клинок, я не мог узнать без дальнейшего изучения, но моя предварительная теория заключалась в том, что это было проклятие против беспокойных мертвецов или, если оно было действительно сильным, чары, гарантирующие духовное разрушение жизней, которым оно положило конец. Я убрал клинок в ножны и положил его на полку.

В бархатном мешочке я обнаружил различные вещества, используемые для приготовления арканских заклинаний, каждое из которых было завернуто в кусочек ткани. Среди них было несколько спиральных конусов благовоний, немного конского волоса, щепотка песка, осколок кристалла, маленькое зеркальце и липкая субстанция, которую, как мне почти стыдно признаться, я сразу же узнал как гуано летучей мыши - материальный компонент последнего заклинания, которое я выучил, прежде чем отказаться от занятий волшебством ради жизни в желудочно-кишечном комфорте.

Сами свитки были наиболее интригующей загадкой. То, что они были написаны моим собственным почерком, было очевидно, но я не помнил, что создавал их. Более того, они были написаны недавно, что наводило на мысль, что либо кто-то подделал мой почерк, либо я сам сделал их после прибытия в Уиллоуморн, но с тех пор потерял память об этом событии. Все они были заклинаниями, которые я теоретически мог произнести, если бы сам акт наделения ими моего разума не был настолько разрушительным. Здесь были заклинания дремоты, очарования и вызывания призрачного коня - все они когда-то казались мне простыми. Одно из них было незнакомым, и я не мог понять, что именно оно должно делать, читая его сегментированные руны, хотя те арканские слоги, которые я узнал, предполагали зеркальный эффект. Здесь был даже свиток для вызывания могущественного огненного шара, который я когда-то пытался выучить, прежде чем признал, что мне не суждено стать волшебником. Увидев начертанные на пергаменте паутиной символы рун, я вспомнил свой мимолетный образ огня на мосту Сенира. Я задумался, возможно ли, что взрыв вызвал я. Если так, то это отчасти объясняло бы благодарность Тары за ее благополучное прибытие в Уиллоуморн. Тем не менее, эту теорию было трудно принять, поскольку я не помнил, чтобы готовил такое заклинание до этого случая, но я не мог предположить, какие еще пробелы скрывает моя память.

Мне пришло в голову, что я еще не опробовал ни один из свитков. Я выбрал один из них, содержащий обычные заклинания, и держал его так, как держал бы рукоять меча, но положив большой палец на верхний край. Я согнул стопку пергамента и позволил полоскам распуститься. Когда каждая из них отрывалась, символы, написанные мной - или каким-то подражателем, - сверкали и исчезали. Призрачный двойник моей руки ненадолго появился над моим настоящим придатком, а затем исчез. Такое я видел и раньше, хотя никогда не испытывал тошноты в животе. Я почувствовал связь между своей рукой и невидимой точкой

силы. Она двигалась туда, куда я указывал, и я чувствовал ее местоположение так же точно, как если бы это был мой собственный палец, передвигающийся по комнате. Мысленно направив ее через всю комнату, я взял с полки книгу и протянул том обратно к своей настоящей руке.

"Ха!" Восторг вырвался из моих уст прежде, чем я успел его подавить. Я прислушался, нет ли признаков того, что мою вспышку подслушали. Ничего не услышав, я вернул книгу на полку так же, как взял ее.

Какое чудесное открытие! Моя внезапная радость утихла, когда я понял, что не знаю, как повторить этот эффект. Это не может быть так просто, как написание свитков традиционным способом. Во время обучения я, естественно, изучал это ремесло как альтернативу удержанию нераскрытой магии в памяти, как это легко делают искусные волшебники. К сожалению, даже запись магии в свиток вызывала у меня недомогание. Я должен был понять разницу в этом механизме.

Если это я создал свитки, то вполне вероятно, что я нашел секрет где-то в этой библиотеке. И если предположить, что вы не обнаружили этот трюк раньше меня, то не было причин думать, что я найду секрет среди полок, на которых вы разместили свои исследования. Спрятав свитки с рифлями и меч Галданы под стол с картами, я поднес лампу поближе, чтобы просмотреть остальные полки.

Вскоре после того, как я начал, Феликс прервал меня стуком в дверь. Пробормотав извинения по поводу отсутствия хозяев, он положил мой ужин на стол. Я был так поглощен поисками, что не заметил его ухода. Больше часа я прочесывал полки в библиотеке, прежде чем обнаружил то, что искал в первую очередь: среди коллекции романов Галданы. Обложка выдавала его за одну из однотипных приключенческих историй, но я заметил клочок бумаги, поднимающийся с верхних страниц. Это была именно та импровизированная закладка, которую я использовал во время исследований.

Я положил книгу рядом со своим холодным блюдом - нарезанной бараниной с винным соусом. Маленькие белые полумесяцы застывающего жира плавали в темном бассейне, в котором тонули унылые овощи. Осторожно приняв себя, я решил не пробовать последнее предложение с кухни Галдана, так как почувствовал знакомый запах разложения. Это было хорошо, потому что в данный момент я больше жаждал знаний, чем еды.

Под обложкой романа, разделяющей две половины художественной литературы, я обнаружил тонкий отрывок теории арканов. Всего на шестнадцати страницах он описывал альтернативный процесс производства свитков с арканскими заклинаниями, сила которых высвобождалась бы в процессе рифления, который я обнаружил. Однако, ответив на вопрос о создании свитков рифлей, скрытый документ поднял несколько других. Какими ужасными чарами я должен был забыть, что вообще нашел этот секрет? Кто хотел, чтобы я забыл об этом? Или это открытие магии рифлей я должен был забыть? Скорее всего, нет, решил я, ведь если такова была цель вора, укравшего мою память, то почему он оставил меня бродить по библиотеке, где я впервые открыл этот секрет?

Казомир явно враждовал со мной, но я должен был рассматривать Тару и всех членов домашнего персонала как подозреваемых. В конце концов, именно Тара побудила меня продолжить поиски вашего местонахождения, что, в свою очередь, привело меня к повторному обнаружению этих свитков, которые я, очевидно, создал.

В голову пришел еще один вопрос. Сколько времени я потерял? Я открыл окно, но с такого

расстояния не мог рассмотреть луну, а молодой волкодав оставался на страже. Его низкий рык убедил меня не вылезать, чтобы посмотреть получше. По прихоти я достал недоеденный ужин и бросил кусок баранины на огород. Вся дисциплина, которой научился зверь, растворилась при запахе. Он подбежал и сожрал его в три быстрых укуса, вернувшись слишком быстро, чтобы я успел воспользоваться отвлекающим маневром для побега. Независимо от происхождения дурного запаха, который я обнаружил на мясе, он не сдержал аппетит зверя. Тогда мне пришел в голову эксперимент, но я не мог провести его в поместье. Завернув один кусочек в клочок бумаги и спрятав его в карман, я бросил оставшееся мясо гончей. Он поймал каждый кусочек, прежде чем тот упал на землю, и слопал его.

Выбрав наиболее полезные из свитков, я спрятал их у себя. Они были маленькими, но не настолько, чтобы я мог нести их все без заметных комочков под одеждой. Остальные я вернул в тайник, где и нашел их, рядом с зачарованным клинком Галдана. Феликс появился через несколько мгновений после того, как я дернул за колокольчик.

"Надеюсь, ваше обучение было плодотворным, ваше превосходительство". Его тон был раболепным, но не бесцеремонным. Если бы я позволил своему воображению разгуляться, я мог бы считать его слишком идеальным.

"Это начало", - сказал я, думая, что более чем возможно, что он сообщит о моих словах тому, кто мной манипулировал.

"Ваша комната уже подготовлена", - сказал Феликс. "Мне проводить вас туда?".

"Я бы предпочел поговорить с вашим хозяином".

"С сожалением должен сообщить вам, что он нездоров, ваше превосходительство".

"А госпожа Тара?"

"Она тоже удалилась на вечер".

"Тогда я должен следовать их хорошему примеру", - сказал я. "Но я обнаружил, что еще не чувствую сонливости. Возможно, вы принесете мне бренди".

"Как пожелаете", - поклонился он.

Когда я последовал за Феликсом в свою комнату, я заметил в нескольких местах отсутствие мечей на настенных досках, где их можно было бы предположительно увидеть. Значит, отсутствовали не только клинки из трофейной комнаты. Если только граф Галдан не взял с собой на осеннюю охоту небольшую компанию, было бы абсурдно думать, что он взял их с собой. Взвесив, насколько выгодно поймать дворецкого на лжи, и насколько выгодно скрыть свои наблюдения от противников, я решил хранить молчание по этому вопросу.

В моей комнате горничная, разбудившая меня утром, задвинула между одеялами медную грелку. Даже сквозь ее сонное выражение лица я уловил проблеск тревоги, когда она увидела, что мы вошли. Если я не ошибаюсь, объектом ее страха была не я, а Феликс, который отрывисто поприветствовал ее. "Это все, Аннеке".

"Останьтесь на минутку", - сказала я, зная, что дворецкий не может любезно противоречить желаниям гостя. "Я бы попросил вас погасить огонь, пока Феликс принесет мой ночной колпак".

Слуги обменялись взглядами, и на этот раз, похоже, именно я вызвал трепетный взгляд Аннеке.

"Очень хорошо, ваше превосходительство", - сказал Феликс. "Я вернусь немедленно".

"Не нужно спешить", - сказал я в надежде подкрепить его предположение о моих мотивах. "Не торопитесь".

Феликс оставил дверь приоткрытой. Я закрыл ее за ним, и Аннеке отступила к огню. Она вздрогнула, когда я приблизился, но я подошел так близко, чтобы говорить низким голосом.

"Как долго я здесь нахожусь?" сказал я. "Не лги мне. У нас нет времени на такие шарады".

"Ваше превосходительство..."

"У нас тоже нет времени на заикание и любезности. Выкладывай, девочка."

"Все, что сказал вам мастер Казомир, - правда..."

Я схватил ее за руку крепко, но не грубо. "Как долго?"

"Я не знаю!" - закричала она. "Меня вызвали только вчера".

Интересно, что ее появление совпало с пробелом в моей памяти.

"Почему? Что случилось с другой служанкой?"

"Я не знаю", - сказала она. "Возможно, пришло ее время".

"Что ты имеешь в виду?"

"У нее должен был родиться ребенок", - сказала Аннеке. "Должно быть, ребенок появился раньше, чем она думала". Ее расфокусированный взгляд сказал мне, что она ищет правдоподобное объяснение, а не факт, который она уже знала. Я отпустил ее руку, лишь отстраненно сожалея о своем грубом поведении.

"Где она сейчас?"

"Я не знаю", - ответила Аннеке. "В деревне. Может быть, в городе. Никто не знает".

"Как это может быть?"

"Я не знаю", - запротестовала она. "Когда я приехала, ее уже не было".

Я рассмотрел еще одно совпадение: и Аннеке, и женщина, которую она заменила, были с ребенком.

"Кто отец вашего ребенка?"

Вопрос поразил ее, как кинжал в сердце. Она уставилась на меня, умоляя снять вопрос.

"Скажите мне", - настаивал я. Если Феликс служил во флоте, он мог вернуться в любой момент.

Она покачала головой и отвернулась, но я услышал ее хныканье: "Меня отослали в день его отъезда".

"Кто? Граф Галдан?"

Она обняла себя руками и покачала головой, отказываясь отвечать. Я услышал шаги на лестнице. Я потрепал ее по волосам и прошептал: "Расстегни блузку. Только верхние пуговицы - быстро!".

В тот момент, когда я предвидел, что Феликс откроет дверь, я отошел от Аннеке и сказал: "Своенравная негодница! Прочь от меня".

То ли она была достаточно умна, чтобы последовать моей подсказке, то ли просто обрадовалась возможности сбежать от меня, но Аннеке выскочила из комнаты. Я чувствовала укоризненный жар глаз Феликса на своей шее, до тех пор не сводя с него глаз, пока не повернулся к нему лицом, и он не опустил взгляд на поднос, который он нес. На нем стояли хрустальный штоф и маленький графин с янтарной жидкостью.

Я приподнял подбородок, подражая особенно властному заклятому врагу на Егорийском. "Ну что? Поставь это и оставь меня".

Я прислушался к звукам его отступления. Когда я услышала его шаги на верхней ступеньке, я подойдя к двери, попробовал защелку. То, что она оказалась незапертой, не улучшило моего самочувствия от того, что я оказался заперт в библиотеке днем, но все равно это было облегчением. На мгновение я подумала о том, чтобы последовать за Феликсом вниз по лестнице, но сначала я открыла окна и посмотрел на юго-восточное небо. Луна уже поднялась над туманным горизонтом, ее яркая фигура была скрыта облаками. Вспомнив ее форму в ночь нашей засады на мосту Сенир и сравнив ее с растущей луной, я понял, что потерял семь или восемь дней из-за пробелов в памяти.

Неделя или больше, и никаких воспоминаний.

Главный вопрос, мучивший мои мысли, заключался в том, что именно произошло за это время. Если бы я просто лежал без сознания, то не было бы никаких причин утверждать обратное. Кроме того, у меня были свидетельства рифленных свитков, которые говорили о том, что я был бодр и активен. Теперь я был уверен в этом: я создал эти свитки.

Поднеся бренди к носу, я принялся. Как я и опасался, под сладковатым ароматом, которого можно было ожидать, оказался приторный мясной запах. Вспомнив оккультные материалы, которые я нашел в библиотеке, вспомнил, что одним из предзнаменований неодобрения Ургатоа является порча пищи. Я высунулся в окно, чтобы вылить оскорбительный ликер из стакана.

Уголком глаза я заметил тень на луне, но когда я повернулся к ней лицом, то ничего не увидел. Возможно, это было облако, но мгновение спустя я почувствовал безошибочный запах уксуса и услышал удар о крышу. Это был слишком сильный удар, чтобы его могла нанести летучая мышь или птица, если таковые еще оставались в живых поблизости. Я еще раз выглянул наружу. Не увидев ничего, кроме привычных жильцов ночного неба, я вздрогнул от холода и закрыл окна.

Чем дольше я оставался в Уиллоуморне, тем больше принимал клише о тайнах Усталава. Это была странная земля даже для ее коренных жителей, и такими темпами я скоро буду искать чудовищ под кроватью.

Мне пора было стать более агрессивным в своих исследованиях как библиотеки графа Галдана, так и загадок Уиллоуморна. У меня была мысль выскользнуть из своей комнаты и исследовать

верхние этажи, но открытие поставило бы под угрозу мою способность закончить оставленное мне исследование. Кроме того, мне предстояло провести не один, а два эксперимента, прежде чем я буду уверен в своей способности ускользнуть от стражников и разгадать местные тайны, прежде чем отправиться по вашему следу. Еще одна ночь сна, решил я, и тогда я буду действовать.

Феликс разбудил меня и позаботился о моем туалете, после чего повел меня в павильон завтракать. Когда мы шли через пастбище, я увидел, что двое из персонала беседуют возле загона. Конюх слушал, пока садовник, Одава, что-то срочно говорил. Когда конюх увидел меня, он положил руку на плечо Одава. По слабому повороту головы Одава я понял, что конюх предупредил его не смотреть в мою сторону. Феликс тоже заметил этот обмен и попытался отвлечь меня банальностью о мягком осеннем утре. Я сделал вид, что его уловка удалась, и придумал, как поговорить с одним или обоими слугами, как только смогу сделать это незаметно для дворецкого.

Казомир встал и поклонился при моем появлении. "Граф Джеггар", - сказал он. "Я рад видеть, что вы оправились после нашего испытания".

"Мастер Казомир", - сказал я, поклонившись ему и Таре. Я заметил на лице Казомира две слабые, но свежие морщинки, одна из которых была практически незаметна на фоне его старческого шрама Лепидштадта. "Мне жаль видеть, что вы ранены".

"Что?" - притворился он невежественным, но его рука непроизвольно поднялась к щеке. "Пустяковые царапины после аварии", - сказал он после недолгого колебания. Он удивился, что я вижу раны, которые, как я понял, были недавно залечены магией. Возможно, его человеческие глаза не воспринимали их в зеркале, но кровь моего отца дала мне более острое зрение.

"Кстати, о несчастном случае, - сказал я, - возможно, вы поможете мне вспомнить подробности. Кажется, я получил удар по голове и в результате потерял память". По правде говоря, единственным ударом по голове, о котором у меня имелись доказательства, был синяк на челюсти, который вряд ли мог вызвать травму мозга.

"Ах", - сказал он. "Этого следовало ожидать, так сказал мне священник. Я надеялся вернуть его сюда, но чума требует внимания всех целителей Кавапешты".

Я кивнул, как будто поверил ему. "Возможно, если вы опишете события после того, как мы достигли моста, вы поможете мне вспомнить".

Казомир взглянул на Тару, та кивнула и сказала: "Не бойся, что расстроишь меня, кузен. Я могу казаться хрупкой, но я становлюсь сильнее под твоей заботой, которую ты проявлял обо мне с момента нашего возвращения домой".

"Очень хорошо", - сказал Казомир. "К сожалению, мои воспоминания о тех мгновениях, предшествовавших нашему крушению, обрывочны. Ваши люди кричали, что нас преследуют волки, но мы не могли видеть их изнутри кареты. За нами точно что-то гналось. Лошади были в ужасе".

"Я помню волков", - сказал я. "Я видел, как один из них стащил одного из охранников с лошади".

Казомир кивнул. "Если бы у нас было время найти удобное для обороны место, возможно, все пошло бы по-другому. Прежде чем я успел что-то предпринять, вы открыли дверь кареты и

произнесли свое заклинание. К сожалению, места было недостаточно, и взрыв перебросил нас через перила и впечатал в скалы на дальней стороне моста".

"Вы видели, как я произносил заклинание?" спросил я.

"Ну..." Казомир нахмурился. "Я не понимаю магию. Моя прапрабабушка была известной волшебницей, но никто из Галданов с тех пор не обладал этим даром".

Я открыл рот, намереваясь исправить его понимание. Волшебство - это не дар, это дисциплина, заработанная долгим обучением и упражнением интеллекта. Колдовство - это дар или проклятие, в зависимости от точки зрения. Понимая, что мое вмешательство было не только педантичным, но и бессмысленным, я закрыл рот и кивнул, чтобы побудить его продолжать.

"Произошел сильный взрыв", - сказал он. Рядом с ним Тара кивнула в знак согласия.

"Естественно, мы предположили, что вы бросили огненный шар в нападавших, рассеяв их".

Это было логичное предположение, если не считать того факта, что я не готовил никаких заклинаний уже более пятидесяти лет. Единственная причина, по которой кто-то мог предположить, что я вообще способен произнести заклинание, - это то, что он видел книги заклинаний в моем багаже. Я был уверен, что не показывал эти книги ни Казомиру, ни Таре, так что либо кто-то из них тайком осмотрел мой багаж, либо, возможно, они узнали от Кармиллы, что я когда-то изучал магию. В конце концов, именно Кармилла организовала наше совместное путешествие.

И все же у меня в голове возник четкий образ огня, и я поверил, что на мосту что-то взорвалось. Я знал только, что не я был причиной пожара. Фокус был в том, чтобы понять, лжет ли Казомир или просто неверно интерпретирует свои собственные наблюдения. Не глядя прямо на нее, я наблюдал за реакцией Тары. И она, и ее двоюродный брат были совершенно искренни в своих воспоминаниях о несчастье на мосту Сенир.

"Что случилось потом?" спросил я.

"В результате аварии вы потеряли сознание", - сказал Казомир. "Все слуги погибли или пропали, а волки убежали."

"Значит, вы все-таки видели волков".

"Да", - сказал Казомир. "Но только когда они бежали от взрыва. Несколько волков убежали в лес, их шерсть пылала. Удивительно, что они не подожгли весь лес".

"А как же наше спасение?"

"Крестьяне ближайшей деревни увидели пламя и прислали помощь", - сказал Казомир. "Они спустили нас с горы на телеге с сеном и сообщили в Уиллоуморн о нашем зловещем заклинании. На следующее утро прибыла карета моего дяди Люцинеана, чтобы доставить нас домой".

Я кивнул. Это была убедительная история, настолько простая, что она могла быть абсолютно правдивой, если не считать упущения дополнительных событий семи или восьми дней. Неужели Казомир не понимал, как просто я заметил разницу в луне? Конечно, даже здравый ум может упустить очевидную деталь, но я не мог не обидеться на его низкую оценку моего интеллекта. Тем не менее, лучше было не раскрывать, насколько я понял правду, пока я не узнаю больше о причине этой уловки.

"Спасибо", - сказал я. "Я вспоминаю кое-что из того, что вы мне рассказали. Однако я до сих пор не могу понять, почему волки напали с такой силой. Есть ли у вас какие-нибудь идеи?"

Впервые Казомир выглядел так, как будто обдумывал мои слова, а не повторял заготовленную историю. "Нет", - сказал он. "Я понятия не имею".

И впервые с момента разговора я поверил ему.

Глава десятая: Месть скрипача

Прежде чем я успел сгладить наше недоразумение, Азра скрылась в повозке и закрыла дверь, оставив меня спать снаружи. По крайней мере, мне не нужно было беспокоиться о внезапных нападениях курицы, пожирающей демонов. И все же после того, что рассказала мне Азра, я не мог заставить себя съесть остатки. Я закопал остатки в землю рядом с костром и сел, размышляя, есть ли хоть доля правды в том, что она сказала о демоне внутри меня. Дьявол. Неважно.

Ведьмы из племени Хедж смешивают божественное и магическое с небылицами и сказками старых жен. Даже городскому мальчишке иногда трудно определить, что перед тобой - волшебное зелье или просто змеиное масло. В общем, если я могу это увидеть или почувствовать, я считаю, что это настоящее. Если нет, то я не покупаю.

Не то чтобы Азра просила меня о чем-то. А если и просила, то мне нечего было предложить, кроме своего нежеланного предложения. Последняя моя одежда, вероятно, превратилась в пепел еще в той деревне у реки, а все остальное, что имело ценность, я, скорее всего, променял на чайник или новые вилы. Теперь у меня были только подержанные лохмотья фермера, выращивающего свиней. По крайней мере, они согревали меня и прикрывали мои нежные места, которые все еще жалило от чар, которыми Азра осыпала меня. Она была злой и вспыльчивой!

У меня было много времени подумать о ее реакции, пока я ютился у костра. В конце концов я начал понимать, как Азра, должно быть, увидела меня, прежде чем скрыться в своей повозке. Даже после того, как я догадался, что может означать ее отсутствующий язык, у меня не хватило здравого смысла понять, что последнее, чего она хотела, это голый мужчина, делающий грубые предложения. Я перерыл весь мозг в поисках извинения, которое соответствовало бы нанесенному оскорблению, но не смог придумать ничего подходящего.

Когда она наконец вышла из повозки, Азра не взглянула на меня, не говоря уже о том, чтобы подать мне знак.

"Доброе утро" не вызвало во мне ничего взамен. Она проигнорировала вопрос "Как насчет завтрака?" и просто уложила последние припасы в повозку. Я пропустил юмор и комплименты, чтобы избежать новой ссоры. "Ты выглядишь уставшей", - попробовал я. "Хочешь, я немного поведу?"

Это привлекло ее внимание. Я видел, что она обдумывает эту идею. "Просто указывайте дорогу", - сказал я. "И, может быть, запряги этого осла в повозку. Я не очень хорошо управляюсь с животными".

Она сделала саркастическое лицо, но не потрудилась подписать свой ответ. Вместо этого она написала "Л-У-М-И-Н-И-Т-А".

"Осел?"

Она кивнула и подошла к животному. Она погладила Луминиту по носу и скормила ей половину яблока из кармана юбки. Я держался на здоровом расстоянии. Азра поманила меня ближе.

"Не самая лучшая идея", - сказал я. "Ты видела, что она сделала со мной в прошлый раз".

Она покачала головой и махнула мне рукой.

"Серьезно", - сказал я. "Животные ненавидят меня".

Азра бросила на меня взгляд, который не допускал никаких возражений.

"Хорошо", - сказал я, медленно приближаясь. Луминита залаяла и закивала головой. Азра продолжала гладить ее по носу и ворковать ей на ухо. На щеке Луминиты она изобразила крылья Десны. Путь ее пальца оставил на шерсти ослицы короткий, сверкающий отблеск.

Идем, - подала мне знак Азра.

Я сделал еще несколько шагов. Глаза Луминиты расширились. Она беспокойно зашагала на месте, слегка отступая в сторону, пока Азра мягко не оттащила ее назад и не помахала мне рукой.

Когда до меня оставалось около трех футов, Азра подняла руку, чтобы остановить меня. Луминита тихонько пискнула, но осталась на месте. Не было никаких сомнений в том, что то, что я только что видел, было настоящей магией.

Азра имитировала действие шлепка поводьями и указала на запад. Она забралась в заднюю часть повозки, а я занял место водителя. Когда я тряхнул вожжами, Луминита послушно поехала в сторону с медленной, но уверенной скоростью.

Дорога представляла собой немногим более тропинки, но она петляла между холмами и пересекала ручьи в самых мелких местах. Луминита знала дорогу, и я держал поводья свободно на коленях, любуясь пейзажем. На западе и юге за коричневыми полями и черными прямоугольниками дальних ферм возвышались горы. На северной стороне холмов и под деревьями еще оставались следы зелени, но все остальное уступило место тусклым осенним краскам. Я насчитал еще четыре потрепанных стаи гусей, которые летели в теплые края. Их направление напомнило мне, что я должен найти тело босса и вернуть его Егориану. Я не был хорошо знаком с его родственниками, но сотрудники "Гринстиплс" знали бы, кому сообщить.

С другой стороны, я не спешил с возвращением ради себя самого. Без босса, Егориан хранил больше плохих воспоминаний, чем хороших. До нашей встречи я был не более чем обычным преступником, и не то чтобы мое состояние беспокоило меня в то время. Я просто не знал, что для меня есть место получше. С тех пор как я стал соглядатаем, шпионом и, наконец, телохранителем босса, каждый год с ним я узнавал больше, чем за десятилетие среди козопасов. Зандрос никогда не научил бы меня читать ничего, кроме бухгалтерской книги, и я никогда не смог бы оставить себе больше, чем часть того, что украл для него.

Дело в том, что я никогда не смогу отплатить боссу за все, что он для меня сделал. Я жалел, что не сказал ему об этом, пока не стало слишком поздно.

Позади меня захлопнулись панели вагона. Азра высунулась и приказала мне остановиться. Я натянул поводья, как это делают водители, и Луминита остановилась. Я не мог не ухмыльнуться. Поскольку это было то, чего я никогда не умел делать раньше, управлять

повозкой было чертовски весело.

Азра вручила мне пару ведер и указала на близлежащий ручей. К тому времени, как я вернулся с водой, она уже распрягла Луминиту и чистила ей бока. Я поставил ведро побольше в нескольких футах от головы ослицы, и она шагнула вперед, чтобы попить.

"Как долго действует это очарование?" спросил я Азру. Она проигнорировала вопрос и вместо этого достала из повозки плетеный ящик. Она поставила его передо мной. Из деревни, - написала она и вернулась к повозке, где вытряхнула ковер, на котором я лежал во время ритуала исцеления.

В корзине я нашел обгоревшие остатки моей некогда прекрасной кожаной куртки и штанов, а также лучшую пару кикеров, которыми я когда-то владел, почти полностью неповрежденными. Там, где ткань сгорела, кто-то залатал одежду обрывками кожи. Швы были сделаны грубой нитью, но они были плотными и ровными, сшитыми опытной рукой. Выглядело это беспорядочно, но мне это подошло бы лучше, чем одежда фермера-свинопаса. Еще лучше было то, что все мои инструменты остались в карманах рукавов, а метательные ножи - в скрытых ножнах. Под одеждой лежал мой кошелек, на удивление все еще полный монет, которые остались у меня после возвращения того, что я взял у Николы.

Я почувствовал странное чувство потери, вспомнив о смерти Николы. Одно дело - скучать по боссу, но я не ожидала, что буду оплакивать его услужливого камердинера. Никола мне никогда особо не нравился, но я должен был уметь уберечь его от неприятностей. Вместо этого по моей вине за нами пришли волки. Отвлекая их на босса, я стал противоположностью телохранителя.

Азра коснулась моей руки и бросила на меня обеспокоенный взгляд.

Ты болен? написала она.

Я стер влагу с глаз и одарил ее маленькой улыбкой. "Дорожная пыль - вот и все".

Она не купилась на это, но оставила все как есть. Она заставила меня смотреть, как она проверяет колеса на наличие повреждений. Затем она показала мне, как осматривать копыта Луминиты на предмет камней. Ослица была обута, как ломовая лошадь, и вблизи я понял, насколько она мала по сравнению с ней. Она должна была быть сильнее, чем выглядела, чтобы тянуть эту повозку несколько дней подряд. Азра послала меня наполнить ведра, а сама заменила сбрую Луминиты и снова привязала ее к повозке. Когда я вернулся, она забралась на водительское сиденье и заскользила дальше. Она посмотрела вниз, приглашая меня присоединиться к ней. Я забрался на борт.

Пока мы ехали, я спросил ее, почему жители деревни вернули мои вещи. Она указала на меня и написала: "Живая нежить, мертвая нежить". Она протянула руку ладонью вниз и скорчила гримасу. Трудно понять.

"Это бессмыслица".

Мертвые живы, может быть, ты простишь, - написала она. Мертвый не мертв, может быть, тебя преследуют.

"Они могли бы прислушиваться к биению моего сердца".

Она написала: Смотри, демон.

"Значит, я - исчадие ада", - сказал я. "Это не моя вина. У какого-то предка, которого я никогда не встречал, был маленький грязный секрет. Это не повод переворачивать меня вверх ногами, связывать большие пальцы и поджигать".

Может быть, ты проклинаешь их.

"Я не ведьма," - сказала я.

Они меня похоронили, я их проклинаяю, - подписала она. Я проклинаяю их очень сильно.

Я начал сомневаться, что в деревне мне было бы безопаснее, но Азра не причинила мне никакого вреда после того, как вырубил меня, и я был готов оставить это без внимания после того, как она меня вылечила. Позже я рассказал ей, зачем приехал в Усталав, включая идею босса о том, что мне понравится посещение родины моих родителей. Я был уверен, что мои отец и мать родились здесь до того, как отправились в Челиакс. Азра расспросила меня о них подробнее. Она нахмурилась, когда я объяснил, что больше ничего не знаю. Я опустил грязные подробности, но, думаю, она поняла, что родители меня не воспитывали.

Азру, похоже, больше интересовала моя встреча со скзарни, особенно то, что на меня наложила Малена.

Что за судьба? написала она.

Должен признаться, что я не обращал особого внимания на карты. Я попытался запомнить их, чтобы подшутить над ней: Тиран, Пустой трон, Танец... остальные я не мог вспомнить. Хотя я не говорил об этом Азре, меня гораздо больше интересовали очертания плеч Малены, чем результаты ее гадания Харроу.

"Была одна странная карта", - сказал я. "Это был человек на холме. У его ног лежала корона, а в тени было много глаз. Я никогда не видела ее раньше".

Азра повернулась всем телом, чтобы посмотреть на меня. Она произнесла по буквам С-К-З-А-Р-Н-И и сделала знак "опасно".

"Тебе не нужно рассказывать мне, сестра".

Она написала еще что-то, но я не смог уследить за всем этим. Это было что-то об этой конкретной группе скзарни, что они были волками. Я пояснил, что уже узнал это трудным путем, но понял, что она знает гораздо больше пальцевой речи Следопытов, чем я, или же существуют разные диалекты.

"Вы должны знать Следопытов", - сказал я ей. Следопыт, - подписал я для подчеркивания.

Она кивнула, но не стала уточнять. Я знал достаточно, чтобы сменить тему.

"Это похоже на повозку лудильщика", - сказал я.

Она кивнула. Я взял у нее вожжи, и она позволила мне их взять. Через несколько мгновений она добавила: "Дядя. Лудильщик".

Это соответствовало тому, что я видел внутри повозки. "Ты тоже?" спросил я.

Нет, - подтвердила она. Затем она кивнула. Немного. Я лечу людей.

"Еще раз спасибо за это", - сказал я, благодарный за открытие. "Скажи, я был немного взволнован, когда увидел, как сильно ты вылечила меня прошлой ночью. Если я показался тебе засранцем..."

Она отмахнулась от этого и устремила свой взгляд на горизонт. Ладно, подумал я. Переходим к другой теме.

"Очень скоро я должен вернуться на мост, где я упал", - сказал я. "Мой босс - его тело, во всяком случае - я должен забрать его домой".

Она посмотрела на меня и написала: Ты не можешь.

"Что ты имеешь в виду?"

Слишком поздно.

О, нет, подумал я. Я должен был понять это по размеру луны прошлой ночью. Если предположить, что жители деревни выловили меня из реки на следующее утро после падения, то это должен был быть растущий полумесяц. "Как долго?" спросил я.

Она сделала знак деревни и подняла три пальца.

"Сколько дней?" спросил я.

Она раздвинула пальцы одной руки, а другой рукой добавила еще один палец.

"Десна плачет", - пробормотал я. Она не шутила, было уже слишком поздно. Если к этому времени никто не нашел босса, он стал пищей для волков.

"Почему ты не исцелил меня раньше?" Я пытался не показаться сердитым, но не смог.

Луна слишком маленькая, - написала она. Боль слишком сильная. Как будто это что-то объясняло.

"Отлично", - проворчал я, но я знал, что это не ее вина. Если бы не она, я бы умер от ран.

Это было неправильно. Если бы не она, я, возможно, пошел бы убивать в той деревне. Часть меня за это не была благодарна, но большая половина была благодарна. Я не часто теряю самообладание. Конечно, обычно меня не хоронят заживо, не поджигают и не закалывают вилами.

Некоторое время мы ехали молча, пока я жалел себя, а она оставляла меня наедине с собой. В конце концов я спросил: "Куда мы едем?"

В деревню, - подписала она, добавив любопытный жест, который я не узнал.

"Какая деревня?" спросил я.

Она повторила жест, но увидела, что я его не знаю. Она попробовала другие знаки.

Разбитая деревня, - написала она. Печальная деревня. Проклятая деревня.

В тот вечер мы остановились возле пруда. Азра сказала, чтобы я не брал из него воду, но даже городской мальчик знает, что нельзя пить стоячую воду. К счастью, между ведрами, которые

мы наполнили ранее, и ее большим кувшином со свежей водой, у нас было достаточно воды для Луминиты и для себя. Азра передала мне железную подставку и плевательницу из повозки и указала на кольцо из черных камней, которое, очевидно, использовали сотни предыдущих путешественников. За ним стояла пара грубых столов, но моя надежда пообедать за ними исчезла, когда я увидел вырезанные на их поверхности знаки Десны и Фаразмы. Придорожные святилища.

Пока я разводил костер, Азра собрала овощи из мешка, висевшего в повозке, и начала готовить их на столе, на котором я чуть не сломал себе мозги. Когда я увидел, как она режет их на четвертинки, я предложил ей поменяться с ней работой. Она скептически нахмурилась, но передала мне их вместе с разделочным ножом и упаковкой из вощенной рогожи. Внутри я обнаружил хороший кусок перченой баранины, которому было не больше пары дней. Должно быть, это был подарок из последней деревни, которую она посетила, прежде чем оживить меня. Я понюхал развесные травы и отщипнул несколько листьев от тех, что мне были нужны, а также пару зубчиков чеснока с ранее сорванной ею луковицы. Нож, который она мне дала, был острым, как свеча, но ее дядя прикрепил к рабочему столу хороший точильный круг.

Я могу с ним работать.

Час спустя я представил Азре максимально приближенное, с учетом местных ресурсов, блюдо Маллы - жареную баранину с чесноком и овощами. Запах был восхитительный, гораздо лучше, чем та каша, которой она кормила меня во время моего выздоровления. Даже лучше, чем черный цыпленок, хотя и тот был очень вкусным до того, как Азра меня отругала.

Сомнительное выражение лица Азры рассеялось, когда она впервые почувствовала запах ужина, и она одобритительно кивала, пока ела. Я рассказал ей о пухленькой, веселой Малле и о том, как я пробирался на кухню, чтобы украдкой попробовать, прежде чем она подаст ужин боссу. У меня почти пропал аппетит, когда я подумал о том, что, возможно, больше никогда ее не увижу.

Азра подняла руку и повернула голову, как бы прислушиваясь. Я напряг слух, но не было ничего громче шипения огня, на котором мы готовили еду. Рядом с повозкой Луминита высоко подняла голову и наострила уши. Азра встала и отошла от костра, продолжая прислушиваться. Я последовал ее примеру и двинулся в противоположном направлении, держа ее в поле зрения, но внимательно прислушиваясь, не насторожит ли что-нибудь Луминиту.

Ничего не было.

Я оглянулся на нее и спросил: Что?

Она отмахнулась от меня, нахмурившись. Через мгновение она сдалась и написала: Ничего, но я не мог поверить, что она вот так без причины бросится наутек. Мы вернулись к костру, но она проигнорировала свою незаконченную еду и пошла к повозке. Из разных отделений над столом лудильщика она складывала в мешочки на своем одеянии амулеты, корни и маленькие флакончики.

"Что ты слышала?" спросил я.

Ветер, - согласилась она, пожав плечами.

"Расскажи мне".

Она встретила мой взгляд и вздохнула с покорностью. Волки, - написала она.

Я произнес варисское ругательство. Азра бросила на меня пытливый взгляд, и я спросил: "Как ты думаешь, они могли выследить меня на протяжении всего этого пути?"

Она кивнула без колебаний.

"Мы должны идти дальше".

Она покачала головой и указала на повозку.

Ближе к огню, - написала она. Она пошла подвести Луминиту поближе, а я подошел к повозке. Она оказалась не такой тяжелой, как я ожидал, и я оттащил ее в сторону костра напротив алтарей. Когда повозка и осел оказались рядом, Азра изучила местность, взвешивая в руке толстый мешочек. Я не мог понять, что она ищет, но она заметила мой взгляд и подписала: Дрова. Много дров, - и указала на место рядом с костром.

Я собрал все дрова из повозки и вернулся к связке, привязанной сбоку. Я уже собирался пробежаться к небольшому кусту деревьев в паре сотен ярдов от костра, когда Азра остановила меня улюлюканьем и покачала головой. Она поманила меня обратно к костру, где высыпала линию серого пепла в круг диаметром около двенадцати футов. Она остановилась, не дойдя до конца круга, оставив отверстие около двух или трех футов. Там она поставила один из табуретов из повозки и села за пределами круга, велев мне сесть рядом с костром, внутри круга.

"И что теперь?" спросил я.

Ждать, - распорядилась она.

"Для чего?"

Темнота.

Они пришли вскоре после восхода луны, со всех сторон. Самое ужасное, что мне было известно, они пришли за мной. Я подверг опасности женщину, которая меня исцелила.

Луминита первой почувствовала их приближение. Она ржала и брыкалась, но не убегала. Может быть, она знала, что ей не убежать, а может быть, обаяние Азры продолжало делать ее послушной рядом с такими зверями, как волки и я.

Когда я увидел отблеск их глаз в свете нашего костра, Азра поднялась со своего места и встала в просвет пепельного круга.

Я буду говорить, - показала она на меня. Ты говоришь, - подчеркнула она, взмахом пальца указывая на незваных гостей.

Я следил за ее руками и перевел своим самым большим голосом. "Скзарни соблюдают свои обещания?"

"Ты знаешь их?" прошептала я Азре. Она проигнорировала вопрос.

Один из волков подошел ближе, прижавшись к свету костра. Это был крупный серебристый волк с такими бледными глазами, что в них отражался цвет пламени. Он потянулся, как это делают волки, когда встают ото сна: голова и передние лапы опущены, задние высоко подняты. Затем он сел, и его клыкастое тело превратилось в длинную человеческую фигуру, которая

поднялась с корточек до роста более шести футов. Большой, как жизнь, и голый, как в момент своего рождения, Драгос стоял и смотрел на меня. Он был чуть менее волосат, чем человек, и чуть более седой. Он выглядел как белая, покрытая сединой версия Вили.

"Ты знаешь, зачем я пришел, хеллспаун", - сказал он. "Азра знает, что я уважаю ее территорию. Теперь расскажи ей, что ты сделал, чтобы заслужить месть Скарни".

"Я уже рассказал ей", - сказал я. "Вили напали на меня и мою... компанию". Я чуть было не сказал "друг" и подавился этим словом. Он и те, кто был с ним, убили всех остальных. Если ты хочешь кровь за кровь, то ты уже получил больше, чем свою долю".

"Дьявольский ублюдок, ты убил моего сына. Моего сына! Я разорву тебя на куски и скормлю их своей семье".

У меня была дюжина хороших варисских слов, чтобы сказать на это, но Азра прервала меня воем. Один и один, - подписала она мне. Внутренний круг.

"Серьезно?" сказал я ей. "Ты хочешь заставить меня драться с ним?"

У тебя есть зубы, - написала она, взглянув на мои сапоги. Должно быть, она видела, как я заменил там свои посеребренные ножи. Она указала на себя и на волчью стаю. Соглашение.

"Я понял", - сказал я. Она не могла нарушить территориальное соглашение, которое заключила с оборотнями Скарни. Это поставило бы под угрозу деревни, находящиеся под ее защитой. Даже я должен был признать, что моя жизнь не стоит того, чтобы рисковать ее жизнью.

Она снова поставила подпись, и я кивнул, поняв ее послание. "Ты и я, старик, в круге", - сказал я Драгосу. "Но если любой другой волк попытается войти, она убьет каждого из вас".

Драгос взглянул на Азру, приподняв одну кустистую бровь. Его выражение лица казалось не столько обиженным, сколько впечатленным. Он поклонился ей, каким-то образом сделав этот жест изящным, несмотря на свою наготу.

Азра написала еще несколько слов. Я перевел с некоторым приукрашиванием.

"Еще два условия, говорит она". Я избегал возмущенного взгляда Азры, когда она услышала мою измененную версию ее сообщения. "Я тоже не могу покинуть круг. И если - когда я уложу старого волка, остальные должны поклясться отказаться от дальнейшей мести".

"Она этого не говорила", - сказал Драгос, считая, что я блефую. "Кровь требует крови, и Азра это знает. Если молния обрушится на меня прежде, чем я убью тебя, если земля разверзнется и вырвет мои зубы из твоего горла, мой народ позволит тебе бежать до следующей луны. Таков закон мести".

Азра бросила на меня взгляд, который говорил о том, что я потерял счет времени. Стая подкралась поближе. На секунду я задумался, кто из них Малена, но тут Драгос прошел через брешь в магическом круге Азры. Она закрыла его за ним, уронила мешочек с пеплом и обеими руками сплела извилистый узор. Круг вспыхнул серебром. Полупрозрачная стена света поднялась и окружила меня, огонь и Драгоса.

Он бросился вперед, смещаясь и расплываясь по кругу. Прежде чем я успел коснуться рукоятки ножа, он ударом ноги лишил меня опоры. Я тяжело упал на землю. Он остановился на краю круга. Там, где его шерсть коснулась барьера, она зашипела от священной силы.

Я метнулся в одну сторону, но перекатился в противоположную сторону, через костер. Он был не настолько горячим, чтобы я мог выдержать еще одну попытку атаки больших и уродливых когтей, но это движение обмануло Драгоса. Он пронесся мимо меня, рыча и пуская из пасти потоки слюны. Я почувствовал запах его прогорклого дыхания, когда он проходил мимо. Затем я поднялся на ноги, держа в руке свой большой нож.

Он изобразил прыжок, но я предвидел это и отступил за круг. Между мной и барьером оставалась пара футов. Увидев, что он сделал с оборотнем, я не хотел испытывать его силу на хеллспауне. Даже если бы он не причинил мне вреда, я бы не хотел оказаться за пределами круга, где, по словам Азры, вся стая сможет напасть. Думаю, оборотни это знали, хотя я и не переводил для них эту часть ее послания.

Драгос снова преобразился. В одну секунду он был огромным лесным волком. В следующую секунду он стал человеком-волком, шесть футов ростом в приседании, руки превратились в острые как бритва когти. Его руки доставали до моего ножа по меньшей мере в двух футах. Я пожалел, что никогда не брал у босса уроки боя на мечях.

Мышцы оборотня напряглись для прыжка, но я знал, что он не так безрассуден, как Вили. Я пригнулся, чтобы принять его удар. Он пересек круг, как жнец с двумя косами, первый коготь метнулся к моим ногам. Вместо того чтобы упасть на него, я прыгнул вперед, нанося удар по его второй руке. Его длинные когти полоснули меня по плечу, но я глубоко вонзил лезвие в локоть. Я успел сделать хороший поворот, прежде чем он вывернул руку. Он хотел забрать мой клинок с собой, но эти волнистые края не просто так. На выходе они вырезали из его плоти красивый красный цветок, обнажив под ним белую радужку сухожилия.

Драгос зарычал от ярости. Я предчувствовала, что ему будет плохо, поэтому сделал еще хуже. Я осыпал его ударами и слегка подмигнул ему. Он бросился на меня, как бык, и на этот раз я откатился в сторону, ударив его ногой в живот, когда он пролетал мимо. Угол был неудачным, но силы удара хватило, чтобы он проскользнул сквозь барьер Азры.

Божественная энергия пронзила шкуру на его ноге и бедре. От взрыва осталась лишь красная плоть, которая в мгновение ока стала пузыриться и увядать. Он бросился обратно внутрь, вопя, как побитая собака. Но я оказался там первым, поджидая его с ударом ноги в лицо.

Это было глупо. Мгновенно вернувшись в волчью форму, он зажал мою правую лодыжку в челюстях и стал крутить ее туда-сюда. В какое-то безумное мгновение я подумал: Я совсем недавно ее вылечил! Превращение Драгоса смягчило его собственные раны. Все еще безволосая, плоть его обожженной ноги выглядела зажившей за несколько недель.

Я ударил его свободной ногой по голове. Второй удар попал ему в глаз. Он вздрогнул настолько, что я смог вытащить свою раненую ногу из зубастой пасти. Его клыки были длиннее моих пальцев.

Карабкаясь вверх, я опирался на раненую ногу, но все еще мог стоять. Приседание для защиты было однобоким, и я оставил его таким. Я переложил свой нож в правую руку, надеясь отвести его атаку в ту сторону. Он демонстрировал умение сражаться, но я ставил на то, что его гнев пересилит здравый смысл.

Когда он заколебался и отступил на несколько шагов, я перестраховался. Возможно, он был не так разъярен, как мне казалось. Я перебросил нож из руки в руку - глупое занятие. В то же время я переминался с ноги на ногу, притворяясь, что вздрагиваю, когда делаю шаг вправо. По его глазам я понял, что он уловил это, и в следующий раз, когда я сделал шаг, он бросился

вперед.

Когда его челюсти раскрылись, чтобы охватить мою правую руку, в которой, как он ожидал, я должен был поймать свой большой нож, я оставил его на месте и вместо этого вытащил из рукава один из своих запасных. Его челюсти сильно сжались на моем предплечье, но я глубоко вошел в его пасть, мой метательный нож резанул по уязвимой внутренней части его горла. Как только его челюсти разжались, я впихнул нож еще глубже, выкручиваясь изо всех сил. Он снова укусил, его зубы скрежетали по костям моего предплечья и перерезали сухожилия запястья. Моя рука омертвела в глубине его рта, но я по-прежнему продолжал толкать ее от плеча. Это была агония для нас обоих, но лишь я смог завывать.

Его тело билось в конвульсиях. Я обхватил его грудь ногами и крепко сжал. Его когти полоснули меня по спине, но моя залатанная куртка отразила атаку. Его левая лапа омертвела, как и моя правая рука, и я бросил нож и откинул его здоровую ногу назад. Он мог бы перекусить мне руку, но ему больше нечем было меня ударить.

Широкая ухмылка скривила мое лицо. Я позволил своей челюсти вырваться вперед и с радостью почувствовал боль, увидев, как расширились глаза волка. Я раскрыл челюсти и сильно сжал их на его горле. Он боролся, и я усилил давление, но не стал прокусывать горло. Сделать это было бы проще простого. Я хочу дать ему понять, что смогу это сделать.

Я удерживал его в течение долгих секунд, погружая зубы чуть глубже при каждом его движении. Постепенно он расслабил конечности. Наконец, все еще с кляпом во рту, он широко открыл рот. Я оторвал рот от его горла и откинулся назад, все еще лежа на его груди. Я нежно убрал из его рта остатки своей руки и посмотрел на него сверху вниз.

Он отвел глаза и закашлялся. Его окровавленное горло спазмировалось, и его тело снова трансформировалось, на этот раз медленнее, чем раньше. Из волка в гибрида и обратно в человека, он лежал на спине, откинув голову, чтобы избежать моего взгляда.

"Я убил тебя", - сказал я тем хриплым голосом, который сохраняется в течение часа с момента моего широкого открытия рта. "Я могу убить тебя снова, в любое время".

Драгос ничего не сказал.

"Откажись от мести".

Гримаса исказила его лицо. Слезы, которые он не мог пролить из-за собственных ран, теперь разбавляли кровь, заливавшую его лицо.

Я наклонился к его лицу и закричал: "Поклянись сейчас же!"

"Поклянусь", - прошептал он, его голос был грубее моего собственного.

"Расскажи им всем!" крикнула я.

"Я клянусь жизнью моего сына!" - кричал он. "Не будет больше актов мести". Последнее слово превратилось в болезненный скулеж, когда его тело снова растворилось в волчьей форме. Должно быть, все исцеление, которое дало ему превращение, было потрачено, потому что его раны оставались сырыми и влажными.

Я поднял голову и увидел, что все волки вокруг круга низко склонились, положив головы на передние лапы.

"Остальные", - крикнул я. "Поклянитесь!"

Несколько из них заскулили, но один поднял голову и завыл. Это была зеленоглазая самка с черными пятнами, и у меня было ощущение, что я видел ее раньше в другой одежде. Пара других последовала ее примеру, а затем все вместе подняли морды и завыли на луну.

Я посмотрел на Азру. Она спокойно стояла у ворот, которые закрыла в своем магическом круге. Она кивнула мне. Я воспринял это как подтверждение клятвы волков, но у нее было странное выражение лица, когда она смотрела на меня. Это был страх или удивление? Возможно, это было что-то другое. Я не был уверен, насколько мне это нравится. Что бы это ни было, она сделала еще один извилистый жест обеими руками и смахнула магический барьер. Светящиеся стены исчезли, но серебряная граница все еще мерцала в лунном свете.

Я встал, надеясь, что это не выглядит слишком шатко. Моя слабая рука прошла по морде Драгоса, когда я поднималась, и моя собственная кровь капала в его кровоточащую пасть. Он поднял морду и лизнул мои костяшки.

Собака лижет руку, которую не может укусить, сказал мне однажды начальник. В то время он описывал восстание в Саргаве, но эти слова запомнились мне.

Черная женщина вошла в круг. Я отошел от Драгоса, думая, что она направляется к нему, но она подошла ко мне и лизнула мою руку, как это сделал он. Один за другим остальные последовали за ней, каждый лизнул мою руку, а потом лег обратно, не сводя с меня глаз.

Только самка встретила мой взгляд. Она перешла в человеческую форму, и там стояла Малена, как я и предполагал. Ее обнаженное тело было стройнее, чем я предполагал. Сквозь бледную кожу виднелись ребра и острые кости бедер. Она опустилась на колени и поцеловала мою неповрежденную руку. Позади нее Драгос заскулил в знак протеста, но у него не было сил вернуться в человеческую форму. Его голос больше не прозвучит сегодня.

"Все так, как и предсказывали Харроу", - сказала Малена. "Ты - принц волков".

Глава одиннадцатая: Живой Лабиринт

После завтрака, собираясь вернуться в библиотеку, я еще раз прогулялся по поместью Уиллоуморн. Оказавшись вне поля зрения Казомира, Тары и Феликса, я провел первый из запланированных на этот день экспериментов. Вытащив кусок мяса, который я припас со вчерашнего ужина, я понюхал его, не обнаружил никакого неприятного запаха и откусил кусочек. Это было очень вкусное мясо ягненка.

Какая-то сила испортила еду и напитки внутри поместья, но не снаружи. А внутри эффект, похоже, распространялся только на меня, ни на Тару, ни, предположительно, на слуг. Если гниение было предзнаменованием недовольствия Ургатоа, то я был единственным, кто был ей негоден. Больше никому нельзя было доверять, по крайней мере, в поместье.

Прежде чем вернуться в библиотеку, я проследовал примерно тем же путем, что и во время утренней прогулки, только на этот раз немного отклонился в сторону от конюшен. Из соседнего загона конюх подавал команды лошади, которую он вел вперед. Я подошел и облокотился на ограду загона, как бы наблюдая за его работой, но когда он посмотрел на меня, я бросил взгляд в сторону соседней конюшни, чтобы подчеркнуть, что мы находимся вне поля зрения тех, кто находится в поместье. Он был умным парнем и понял мой намек, подойдя ко мне, продолжая подзывать лошадь.

"Вы отец Аннеке, не так ли?" Находясь так близко к мужчине, невозможно было ошибиться в его семейном сходстве. Он, несомненно, слышал сплетни о моей вчерашней уловке с горничной, и мне придется сгладить ситуацию, чтобы расположить его к сотрудничеству.

"Тебе здесь опасно", - сказал он, проигнорировав мой вопрос. Он набросал спираль фаразма над своим сердцем. "Это опасно для всех нас, но у тебя еще есть время сбежать. Возьми с собой Аннеке. Она хорошая девушка. Она будет служить тебе так, как ты захочешь".

"Вы не понимаете", - сказал я, поморщившись от подразумеваемого предложения протитуировать его дочь. "Инцидент с Аннеке был всего лишь шарадой. Я клянусь своей честью, что не вмешивался в ее дела. А теперь скажите мне, что это за опасность?"

Он покачал головой и сделал обычный варисский оберег от сглаза. Он не хотел называть имя источника своего страха. "Она приходит ночью. Ты должен уйти до этого времени. Умоляю тебя, возьми с собой Аннеке".

"Как я могу поверить тебе, если ты не объяснишь природу...?" Он взглянул на меня через плечо, и я повернулся, чтобы увидеть приближающегося Феликса с кислым лицом. Я снова повернулся к конюху и указал на лабиринт из живой изгороди, задавая ему банальные вопросы о его возрасте и о том, сколько садовников требуется для его обслуживания. Он сразу все понял, но у него не было навыка запутывания. Я надеялся, что Феликс не заметит настороженности на его лице.

"Ваше превосходительство", - сказал дворецкий. "Надеюсь, Богдан вас не беспокоит".

"Напротив", - сказал я. "Это я прервал его работу. Спасибо, Богдан".

Конюх знал, что такое увольнение, когда слышал его, и он вернул свое внимание к лошади с выражением явного облегчения.

"Возможно, ваше превосходительство желает пройти в библиотеку", - сказал Феликс. "Я хотел бы убедиться, что вас не заставят ждать, пока я буду выполнять свои другие обязанности".

"Вы очень внимательны, Феликс", - сказал я. "Я возьму несколько вещей из своей комнаты и встречу вас в библиотеке через десять минут".

"Очень хорошо, сэр". Он поклонился и удалился, пройдя достаточно близко к Богдану, чтобы шепотом сделать ему замечание. Когда дворецкий отвернулся, взгляд конюха умолял меня сделать то, о чем он просил. Я отвернулся и последовал за Феликсом в усадьбу.

Если я чему-то еще и научился за время своего активного участия в Следопытах, так это тому, что когда простой парень предупреждает тебя об опасности, стоит прислушаться к его совету.

Разумеется, я не оставил без внимания условия его предупреждения. Если бы у меня оставалось время до наступления ночи, чтобы избежать этой безымянной опасности, я бы успел провести второй эксперимент, завершить расследование о вашей вероятной следующей остановке, подготовить свой дорожный мешок к спешному отъезду и, возможно, даже подтвердить свои подозрения относительно природы проклятия на Уиллоуморне. Если мне удастся преодолеть это проклятие, я буду рад сделать это, но если теория, возникшая в моем воображении, верна, источник зла - это не то, с чем я хотел бы встретиться без помощи нескольких человек, мага или колдуна, и, по крайней мере, одного старшего священника Фаразмы.

В своей комнате я надел самую прочную из своих одежд и сложил тяжелый шерстяной плащ в дорожную сумку, в которой уже лежали вещи первой необходимости. Все это я прикрыл дневником и книгой заклинаний. Когда Феликс увидел, что я собираюсь нести сумку в библиотеку, я смерил его подозрительным взглядом, заметив, что хочу скопировать некоторые отрывки из книг Галдана в свои собственные записи. Я мог бы пойти дальше и предложить ему пересчитать мои книги до и после моего визита, но есть предел тому, насколько я смогу угодить любознательному слуге.

Когда Феликс закрыл за мной дверь библиотеки, я обратился к запретной книге Ургатоа "Служение твоему голоду". Сначала я не мог понять, почему я нашел ее среди других ваших материалов, и до сих пор задаюсь вопросом, кто ее туда положил - вы или мое забытое "я". В свете новых доказательств одно только название книги стало почти достаточным свидетельством для подтверждения моих подозрений, что Казомир или Тара, или они оба, а возможно, и некоторые из персонала, были поклонниками Ургатоа.

Мерзкое содержание фолианта уверяло меня, что испорченная еда и питье издавна считались предзнаменованием неудовольствия Бледной Принцессы, которое я каким-то образом вызвал, несомненно, своими действиями в дни моего отсутствия. Обзор прочего содержимого книги в сравнении с разрозненной историей предателя-лорда Вирхольта был достаточен, чтобы прояснить ее отношение к цели вашего путешествия. Заклинания и другие нечестивые знания, которыми владели апостолы Ургатоа, были среди секретов, которые Вирхольту было приказано выкрасть для Шепчущего Тирана.

Не успел я перейти к следующему делу, как Феликс удивил меня ранним обедом, или я так полагал. Я неуклюже спрятал "Служение твоему голоду" в толстом томе семейной хроники Галдана, чувствуя себя при этом как школьник, обнаруживший следы своих пальцев на страницах тома кадиранской эротики. Мне пришло в голову, что Феликс, должно быть, не знал о феномене испорченной еды, иначе он не стал бы провоцировать мое недовольство, принося мне еду, которую, как он знал, я не смогу переварить.

Впервые я усомнился в причастности дворецкого к тайне моего пропавшего времени. И он, и Тара присутствовали при моей реакции на вчерашний отвратительный завтрак. Казомир, однако, не присутствовал, и вежливость его кузена и осторожность дворецкого вполне могли скрыть от него эту информацию. Возможно ли, чтобы последователь Ургатоа не знал о ее предзнаменованиях и их влиянии на посторонних? Конечно, нет, если этот посторонний уже однажды попался на удочку апостола.

Я попросил Феликса оставить еду на столе, как он сделал это предыдущим вечером. Когда он задержался в ожидании дальнейших указаний, я заверил его, что занят поисками подсказок о вашем местонахождении и не хочу больше отвлекать его, пока не позвоню. Он ушел с некоторой неохотой, как мне показалось. Если он и не был приверженцем Бледной Принцессы, то, по крайней мере, был шпионом своего хозяина.

При более тщательном изучении хроник Амаанса и соседних графств я понял, почему вы искали этот Кодекс Лакуны и какие ужасы он должен содержать. Лорд Вирхольта был двойным предателем, проклятым своим народом за то, что предал его Тар-Бафону, но его истинный бунт был направлен против его нечестивого хозяина. Уже будучи практиком дьяволизма и некромантии, лорд Вирхольт лишь притворялся, что использует свое искусство на службе Тар-Бафону, собирая при этом силу в виде редких заклинаний и ритуалов, которые он скрывал от Тирана. Делал ли он это для освобождения своего народа или для того, чтобы присвоить силу Тар-Бафона себе, из этих историй узнать невозможно. Однако точно известно, что он пал в бою после того, как Тар-Бафон узнал о его предательстве. То, что вы искали все это время, как я

теперь полагаю, это местонахождение темных заклинаний, которые Вирхольт украл перед смертью.

Исчерпав фрагментарную хронику лорда Вирхольта, я обратился к картам Галдана. Только после часового разочарования я прибегнул к тому, чтобы посыпать карты Вирлича промокательным песком, чтобы выявить невидимый путь вашего пера, когда вы прослеживали интересующие вас регионы в своем журнале Следопыта. Наконец-то я ясно увидел ваш след.

Я написал лаконичное письмо на имя епископа Кафедрального собора Фаразма в Кавапеште. Я колебался, прежде чем упомянуть имя графини Калифвасо, не зная о политических пристрастиях местного епископа и поэтому не зная, какое влияние имя Кармиллы будет иметь в Амаансе. В конце концов, я решил назвать имя отсутствующего хозяина и вкратце описал оккультные материалы, которые нашел в доме. О том, какие действия следует предпринять, я не решился предложить Его Превосходительству. Однако я могу предположить, что это будет связано с большим количеством божественного огня.

Спрятав письмо в рукаве, я перешел к следующему пункту, второму эксперименту, который давно хотел провести. Наличие рифленых свитков, написанных моим собственным почерком, предполагало или даже доказывало, что я способен их создавать, но процесс, описанный на страницах, спрятанных в романе, казался слишком упрощенным, как будто автор предполагал наличие у читателя определенных фундаментальных знаний. Должно было быть что-то еще, что открыло мое забытое "я". В любом случае, прежде чем рискнуть отправиться в самостоятельное путешествие, я должен был вооружиться магией.

Мои опасения были вполне обоснованы, поскольку моя первая попытка заново начертать кантрип руки мага, который я израсходовал накануне вечером, окончилась полным провалом. Учитывая, что у меня еще оставались незадействованные рифленые свитки, я решил, что лучше держать их все под рукой на случай, если мне понадобится их использовать, прежде чем разгадывать загадку их создания. Однако среди них было одно странное заклинание.

Изучение его в виде рифленого свитка было головоломкой внутри головоломки, поскольку каждый символ, который можно было бы начертать на обычном свитке, был начертан двумя или тремя последовательными фрагментами. Но это не совсем так, понял я, рассматривая их дальше. Некоторые полосы состояли из конца одного символа и начала другого, а в некоторых случаях - из целого символа с прикрепленным фрагментом следующего. Я не мог уловить никакой логики в этих разрывах. Если бы только у меня было оригинальное заклинание, чтобы сравнить его.

Затем я понял, что заклинание должно существовать где-то в библиотеке. Я встал и повернулся, чувствуя, как замирает сердце при виде сотен томов, в которых нужно искать одну-единственную цитату. Перспектива была тем более пугающей, что я уже обнаружил два случая скрытого понимания - бравурные иллюстрации и инструкции по изготовлению этих свитков. Выглянув наружу, я увидел, что под окнами библиотеки на траве лежит пес. Мое воображение хотело обнаружить в этом псе какие-то неестественные признаки, но его пристальное внимание ко мне было вполне объяснимо. Он облизнулся, когда я открыл окно.

Солнце уже начало свой западный закат, и я понял, что час настал гораздо позже, чем я предполагал. У меня было мало времени, чтобы закончить свои приготовления перед отъездом, и оставался еще вопрос о спрятанном мече Галдана. Я хотел взять его с собой, но спрятать его на себе было невозможно. Даже самого большого из моих ранцев не хватало, чтобы вместить его, а я взял с собой только маленький. Возможно, решение было у меня под носом.

Я вырезал из тарелки несколько толстых кусков дурно пахнущей ветчины и достал меч из своего тайника. У окна я показал мясо гончей. Он тут же сел, подняв голову и насторожившись. Я бросил мясо мимо него, и когда он прыгнул за ним, я уронил меч Галданы на клумбу на земле внизу. Он не был полностью скрыт, но я рассчитал, что при случайном наблюдении его не заметят. Гончая вернулась на прежнее место, поджав хвост в предвкушении.

"Ложись", - приказал я, и он повиновался. Я вознаградил его еще одним лакомством. Мы повторяли этот ритуал, пока не закончилось мясо, после чего я закрыл окна и вернулся к последней проблеме. Проверять неизвестное заклинание было не срочно, но если я начертал его в виде рифленого свитка, значит, у меня была на то причина. При необходимости я мог бы позже скопировать его в свою книгу заклинаний.

Возможно, я уже это сделал.

Я достал из ранца свою давно не используемую книгу заклинаний и открыл ее там, где оставил ленточку, отмечавшую последнюю страницу, к которой я обращался. Это не было, как я помнил, заклинание огненного шара. Скорее, после этого напоминания о моем неудачном изучении чародейства стояло новое заклинание, написанное моей собственной рукой, но более свежими чернилами. Оно носило интригующее название "украсть книгу".

Мои глаза с жадностью впились в его инструкции, в которых описывался необычайно элегантный способ переноса содержимого книги в другой чистый том, оставляя первый пустым. Таким образом, предполагалось не дублировать знания, а скрывать их. Идея показалась мне одновременно опасной и захватывающей, и как только я начал обдумывать применение заклинания, мое подсознание ухватилось за подсказку, которую я никак не мог понять: Я знал, как работают рифленые свитки.

Перечитав заклинание книжного вора и сравнив его с версией на рифленых свитках, я увидел, что пробелы в символах были аналогичны соматическим компонентам заклинания, тем жестам, которые должен совершить волшебник, чтобы вызвать магический эффект. Но это не было прямой зависимостью, и потребовалось еще много внимания и сравнений, прежде чем я понял, что на расположение разрывов также влияют вербальные компоненты. Но есть и третья точка в большом треугольнике арканной магии, и это материальный компонент. Узор среди символов не учитывал песок, гуано и кристаллы, которые волшебник должен носить с собой, и тогда я все понял. Чернила на рифленых свитках были совершенно обычными; в отличие от того, кто читает традиционный магический свиток, чтобы высвободить его заклинание, пользователь рифленого свитка должен был иметь при себе материальные компоненты. Это объясняло наличие бархатного мешочка, который я нашел вместе со свитками.

Почему я превратил заклинание похищения книг в рифленый свиток? Какой том я намеревался украсть? И почему я использовал заклинание, а не просто взял саму книгу? Ответ на последний вопрос был очевиден: чтобы заставить хозяев думать, что книга все еще остается в библиотеке, а я ушел с ее скопированным содержимым. Но где же я нашел оригинал? Может быть, где-то в библиотеке Галдана были спрятаны другие заклинания?

Я молча укорил себя за глупость и перевернул страницу, чтобы посмотреть, не скопировал ли я еще какие-нибудь заклинания. На следующей после книжного вора странице я увидел не новое заклинание, а записку, написанную моим собственным почерком. Читая ее, я почувствовал холодные пальцы на своем позвоночнике: "Дочери Угатоа пожирают матерей мужчин".

Я понял, что Богдан не вел себя как сводник, предлагая мне свою дочь для моего бесчестного

использования.

Он умолял меня спасти ее.

Звук свитка, проходящего по моему пальцу, привлек внимание лакея, но прежде чем он увидел меня, его голова откинулась назад, а глаза закрылись. Я подоспел к нему как раз вовремя, чтобы перенести его дремлющее тело на площадку третьего этажа. Уложив его у стены, я положил истекший рифленый свиток в карман. Остальные свитки остались засунутыми в пояс брюк, где они создавали впечатление, что последние недели я не голодал, а переел. Эта мысль напомнила мне о том восторге, который я испытал, ограбив кухню, прежде чем подняться по лестнице. Было время, когда я никогда бы не опустился до мелкого воровства. Радован всегда делал такие вещи за меня.

Я слишком долго ломал голову над головоломкой с рифлеными свитками, прежде чем наконец дернул за колокольчик, чтобы вызвать Феликса. К тому времени, когда он появился и открыл дверь библиотеки, солнце наполовину скрылось за Голодными горами. Я думал, что у меня есть больше часа, но теперь оказалось, что до полной темноты остались считанные минуты.

"Где Аннеке?" спросил я, слишком нетерпеливый, чтобы задать вопрос косвенно.

"Ваше превосходительство", - извиняющимся тоном начал Феликс.

"Где она?" потребовал я, выпрямляя спину, чтобы подчеркнуть свой рост, если не законную власть над дворецким.

"В этот час она должна готовить верхние покои", - сказал он. "Если возникнут проблемы..."

"Нет", - сказал я. "Я удалюсь в свою комнату на час, а потом хочу поужинать в столовой".

"Очень хорошо, Ваше Превосходительство". Он поклонился и двинулся, чтобы проводить меня туда, но я сказал: "Я сам себя проведу. Судя по последним происшествиям, ваше внимание больше требуется на кухне".

Его лицо окрасилось, но он снова поклонился и удалился. Я направился сначала к входу, где оставил свою сумку рядом с сохранившейся ногой мамонта, служившей теперь хранилищем для тростей. Предупрежденный о возможности наблюдения со стороны других служащих дома, я прокрался на третий этаж и обезвредил часового с помощью сонных чар, после чего двинулся дальше так тихо, как только позволяли ковровые дорожки. Я двигался так же бесшумно, как взломщик.

Я прислушалась, не слышно ли звуков уборки, но сначала я обратил внимание лишь на подавляющий запах уксуса. Он казался сильнее, чем раньше, и я больше не думал, что это остатки недавней уборки. Проследив за своим носом до его источника, я услышал человеческий голос. Мужской голос произносил ритмичные ворчания, как будто пытался открыть упрямый портал. Звук исходил из той же комнаты, что и кислотный запах. Я прокрался вперед и встал на колени у двери, заглядывая в щедрую замочную скважину. Через нее мне открылся узкий вид на освещенную свечами комнату. С одной стороны я увидел большую эмалированную ванну, очевидно, незанятую. С другой - угол кровати, застеленной красным бархатом, и подошвы обнаженных ног мужчины.

Благоразумие требовало, чтобы я удалился, но мысль о том, что Казомир или кто-то из его слуг может насиловать Аннеке, побудила меня рискнуть и проверить ручку двери. Она, конечно же, была плотно заперта. Полагаясь на то, что человек внутри не услышит ее за шумом

собственных усилий, я достал соответствующий свиток и разрядил его магией. Я почувствовал, как сила заклинания отхлынула от моих пальцев, но, кроме шлепка листьев и слабого щелчка замка, оно не произвело никакого другого слышимого эффекта. Мужчина внутри не прекращал своих попыток, и я осмелился повернуть ручку и приоткрыть дверь на несколько дюймов, чтобы лучше видеть.

Обнаженный мужчина действительно был Казомиром, хотя я мог видеть только часть его скрытого лица. Я не смог сразу опознать женщину, чье тело лежало под его телом, поскольку единственной особенностью этого тела было отсутствие головы.

Позади меня женщина задыхалась. Аннеке стояла позади меня, глядя на страшную картину. Она уронила простыни, которые несла в руках, но они едва слышно ударились об пол. Не успел я поднести палец к губам, как она разразилась пронзительным криком. Я закрыл дверь и потянул ее к лестнице.

"Беги", - приказал я, толкая ее перед собой.

На полпути вниз по лестнице я задумался, действительно ли я видел красное покрывало на кровати или просто белые простыни, пропитанные кровью. Что скрывалось под поверхностью уксусной ванны? Мое любопытство угасло в тисках паники и необходимости доставить Аннеке в безопасное место. Я бросил свой ранец ей в руки. Когда я взялся за ручку входной двери, то обнаружил, что она надежно заперта.

"Феликс!" - крикнул Казомир с высоты двух этажей. Я прижал Аннеке к стене и прижался своим телом к ее. Затаив дыхание, мы смотрели, как дворецкий бежит через фойе и вверх по лестнице, не оборачиваясь в нашу сторону. Когда он скрылся из виду, мы побежали в столовую и попытались открыть двери с окнами. Тоже заперты. Оставив последние попытки скрытности, я бросил стул в стеклянные окна и убрал острые останки с помощью стоящего рядом подсвечника, после чего вывел Аннеке на темнеющую лужайку.

"В конюшню", - сказал я. "Быстрее!"

Я кружил в сторону запада, останавливаясь лишь для того, чтобы взять меч Галдана с клумбы. Десна улыбнулась мне, потому что не только меч был на месте, но и не было никаких следов гончей-хранителя. Я побежал к конюшням, намереваясь осуществить первую часть своего плана побега. Аннеке снова закричала. Я увидел, что она стоит на открытой лужайке между усадьбой и конюшней. Она отвернулась от чего-то, что увидела в небе над собой, и побежала так, словно сам ад был у нее на хвосте.

Я посмотрел туда, куда смотрела она, но увидел лишь облака на фоне луны и звезд. Но там, среди них, что-то шевелилось - то ли облако-изгой, то ли лохмотья ткани, подхваченные сильным ветром, который поднялся только тогда, когда я обратил свой взор к небу. Что бы страшное ни плыло там, его присутствие леденило мою кровь и превращало мои ноги в камни.

Хотя я ничего не обещал ни ей, ни ее отцу, я чувствовал жалкое обязательство. Я не подставлял несчастную девушку под удар, но я манипулировал ею, пытаюсь ввести в заблуждение Феликса и Казомира, усугубляя ее участие. Даже если бы она не несла сумку с моими ценными книгами, я был бы негодяем, если бы не последовал за ней.

Времени на размышления о морали не было. Я бросился к ней, но она повернула в сторону лабиринта живой изгороди. Я изменил курс, чтобы последовать за ней, но Богдан перехватил меня, выскочив из конюшни.

"Спасите ее, мой лорд", - вскричал он. "Умоляю вас, найдите ее и бегите отсюда!"

"Что преследует ее?" спросил я.

"Черная туча", - причитал он. "Разврат дома, грехи наших хозяев..."

Я бы дал ему пощечину, но рука, которую я поднял, все еще держала меч в ножнах. Надо было найти пояс для ножен, но такая мелочь вылетела у меня из головы во время удивительных открытий этого дня. "Я найду твою дочь, но ты должен кое-что сделать для меня".

"Что угодно", - умолял он. Мне пришлось схватить его за руку, чтобы он не упал на колени и не сжал мои колени.

"Возьми лошадь и поезжай к парому", - сказала я. Я сунул ему в руки свой кошелек и письмо епископу. "Подкупи паромщика, убей его, если нужно, но отнеси это письмо в собор".

Он тупо кивнул, пытаясь понять. "Но как ты..."

Я сильно встряхнул его, чтобы он не думал. "Просто делай, что я говорю, иначе они поймают твою дочь".

Мы бежали бок о бок, пока он не вошел в конюшню, а я свернул в лабиринт живой изгороди, следуя за очередным криком.

Луна не взойдет еще час или больше. Тусклый отблеск заката отражался от облаков и освещал лишь самые верхние ветви высоких изгородей. Пробираясь по тропинке, я прислушивался, не раздастся ли еще один звук, свидетельствующий о местонахождении Аннеке. Мое воспоминание о лабиринте с ограниченной перспективой трофейной комнаты давало мне некоторое представление о правильном пути, но я не знал, знает ли Аннеке дорогу. Я окликнул ее по имени.

"Я здесь, чтобы помочь тебе", - крикнул я. "Меня послал твой отец".

Я услышал сиплый звук, раздавшийся где-то над живыми изгородями. Он был похож на шипение горной кошки, но я не мог представить себе достаточно легкую кошку, которая могла бы забраться в листву и преследовать нас на стенах лабиринта. Это было что-то другое, что-то, не нуждающееся в уступах. Перед луной прошла тень, но к тому времени, как я поднял голову, она уже скрылась за стеной живой изгороди. В воздухе пахло уксусом. Это было нечто из дома.

"Аннеке!" снова позвала я, на этот раз шепотом. В нескольких переходах от меня послышался шорох. Я воскресил в памяти образ лабиринта и повернулся, чтобы найти более короткий путь к его источнику. "Оставайся на месте, девочка. Я приду к тебе".

Кто-то - или что-то - бросилось по проходу, примыкающему к моему. Листва зашелестела, и еще один миазм уксусного запаха омыл меня и прилип к коже. Ножны задрожали в моей руке. Я выхватил оружие. Клинок гудел от ненависти, тысячи спиралей на его лезвии пылали, как крошечные галактики. Возникшее освещение окрасило окружающее пространство в черно-серебристые тона, лишив его всякого цвета.

В глубине лабиринта Аннеке кричала: "Пожалуйста, не надо!". Ее крики смешались со звуком, похожим на град, падающий на лиственные деревья. Облако листьев и обломков стеблей наполнило воздух, а также еще одна кислая вонь.

Я рубил живую изгородь зачарованным мечом, но какова бы ни была его сила, он был не более эффективен против густой растительности, чем любой обычный клинок. Я бросился по извилистой тропинке, пока свет меча не высветил мокрую черную скамейку под огромной топиарной фигурой того, что когда-то могло быть гигантским кабаном. Голова у зверя отсутствовала, а вдоль ближайшего бока тянулись длинные выемки. Я поскользнулся на мокрой дорожке, и на какое-то безумное мгновение мне показалось, что я ступил в кровь огромной растительной скульптуры. Это действительно была кровь, парящая в прохладном осеннем воздухе, забрызгавшая всю дорожку и ближайшие стены живой изгороди. Среди луж я разглядел осколки костей и разрушенные куски плоти. К основанию скамьи прилип моток бледных волос, а рядом лежал клубок узких полосок ткани, служивших платьем горничной. Рядом лежал мой ранец, блестящий от запёкшейся крови.

Горячая и липкая жидкость стекала по моему лицу. Я поднял меч, чтобы отбиться от того, что висело надо мной. Существо закричало в ярости и левитировало дальше. В ослепительном свете меча я увидел лишь смутное подобие клубка свисающих тыков и лиан, заляпанных черной кровью.

Больше, чем вид или ужасный запах, какая-то невидимая аура этого существа наполнила меня абсолютным отвращением. Каждый нерв моего тела был готов к бегству, но невыразимое негодование разжигало мое сердце, не давая ему покоя. Прежде чем я успел сообразить, что делаю, я сорвал с пояса свиток и перевернул его.

Заклинание родилось в виде искры, но вскоре выросло до размеров мужского кулака и ударило в чудовище надо мной. Там оно расцвело в ослепительное облако пламени, отбросив меня на землю и разнеся стены живой изгороди во все стороны. Там, где пламя коснулось листвы, сотни крошечных огоньков подняли свои младенческие крики.

Я отскочил в сторону, подхватил свой ранец и при свете меча побежал к выходу из лабиринта. Там я убрал оружие в ножны, чтобы скрыть его свет. Я потратил еще один рифленный свиток, чтобы наколдовать призрачного коня, а затем полупрозрачная лошадь бесстрашно встала рядом с огнем и позволила мне сесть на нее, прежде чем ускакать прочь от пожара. Мы мчались на юг к парому, пока я не перестал слышать лай преследующих меня гончих, тогда я повернул коня на запад, к горам Вирлича и объекту моих поисков.

Глава двенадцатая: Дитя проклятых

Когда я зажал его руку, крик мальчика глубоко врезался в меня. Я почувствовал взгляды старух на своей шее, пока он бился и выл. Азра ворковала и гладила его выступающий лоб. Тудор застонал и поднял на нее глаза. Стоя над его головой, Азра подала мне знак, и я постаралась перевести для него на варисский язык.

"Хорошо, сказала она", - сказал я ему. "Ты хорошо справился. Осталось совсем чуть-чуть".

Я сильно потянул его за руку, и он закричал так, что у меня заложило уши.

Оборотни Скзарни следовали за нами до проклятой деревни, прицепляясь к повозке Азры в человеческом обличье, как вереница переселенцев. Я не знаю, где они хранили свою одежду, но на следующее утро после моего боя с Драгосом они были одеты и ждали в своем лагере примерно в сорока ярдах от нашего. Они только что разобрали палатку. Я узнал ткань палатки: она была похожа на ту, которую я впервые увидел на Аллее Оракулов еще на рынке Калифаса. Когда я поднял голову, чтобы залить костер, ее уже не было видно. Никто из них не нес ничего крупнее кожаного ранца, который носил крупный мужчина с бочкообразной грудью, которого

Малена называла Сезаром, и у них не было ни вьючных животных, ни даже телеги. Еще одна загадка скзарни.

Не зная, как они отнесутся ко мне этим утром, я колебался, прежде чем подойти к ним. Когда я наконец подошел к ним, Азра вышла из повозки, щелчком пальцев привлекла мое внимание и велела заканчивать разбивать лагерь. Увидев Скзарни, ожидавшего неподалеку, она нахмурилась. Через несколько минут она запрягла Луминиту и привязала ее к повозке. Когда она хлопнула поводьями, мне пришлось бежать за повозкой и забраться рядом с ней. Оглянувшись назад, я увидел, что Скзарни следуют за нами пешком.

"Ты пригласил их с собой?" спросил я.

Она посмотрела на меня так, словно я опять сказал какую-то глупость.

"Почему они следуют за нами?"

Она насмешливо фыркнула. Принц волков, написала она.

"Это была не моя идея", - сказал я ей. "Надеюсь, что это не одна из тех ситуаций, когда ты становишься королем на месяц, а потом они тебя съедают." Она не улыбнулась, но это была всего лишь шутка. Босс рассказывал мне дикие истории о племенах Мванги, которые провозглашали приезжих исследователей своим новым королем. Большинство этих неудачливых путешественников считали, что Десна им улыбнулась, пока не замечали, что церемониальная ванна становится ужасно горячей.

"Скажи", - сказал я. Мне пришла в голову плохая мысль. "Я уже второй раз вступаю в схватку с оборотнем. Оба раза меня сильно погрызли. Я не собираюсь... ну, ты понимаешь". Я сделал когти на своих руках. "Грр."

Она засмеялась, и я посчитал это триумфом.

Ты ел курицу, - подписала она.

"Да, и что?"

Полностью демон. Она указала на меня. Для волка места нет.

"Я не знаю, что это значит", - сказал я, но, возможно, знал. Может быть, проклятие оборотня действует только на настоящих мужчин, а не на адских тварей.

"Я скажу Драгосу, что он все еще главный", - предложил я. "Отправь их в путь".

Она бросила на меня еще один измученный взгляд. Не принц, а Драгос, - подчеркнула она.

"Тогда кто?" спросил я. "Это был Вили?"

Больше никакого принца, написала она.

"Почему нет?"

Спроси волков, - нетерпеливо подписала она. Но не доверяй. Проявишь слабость, и они тебя съедят.

"Я разомну ноги", - сказал я. Я все еще был скован после того, как она вновь исцелила меня

после боя. Я был удивлен, что она также исцелила Драгоса. Мне было интересно, насколько далеко зашло соглашение между ними. Были ли они союзниками? Судя по ее взглядам, я так не думаю, но я не ожидал, что клирик Десны будет в столь хороших отношениях со стаей оборотней Скарни.

Я шел рядом с повозкой. Скарни шли в легком для них темпе. Теперь, когда я знал, кто они такие, не было ничего удивительного в том, что все они были худыми и длинноногими. Я должен был увидеть разгадку еще до того, как Вили показал мне свои зубы в Калифасе. У Драгоса были такие же густые, сходящиеся брови, как у его сына, и я заметил, что у нескольких других, включая карманника Милоша, были слегка заостренные уши с пучками волос на кончиках. Невозможно было смотреть на них, не замечая, какой широкий у них рот и как выделяются клыки.

Малена поспешила пройти рядом со мной. Она протянула мне рогожный сверток.

Я взял сверток. Внутри лежала пара зайцев, ободранных и выпотрошенных.

"Для тебя", - сказала она на галданском.

Я кивнул в знак благодарности. "Послушай", - сказал я. "Это может показаться смешным, но твой народ не съедает своего принца, скажем, в полнолуние или что-то в этом роде?"

"Не так уж и смешно", - сказала она с придыханием. Ее варисский акцент был таким же чувственным, как я помнил, но в то же время он заставлял волосы на моем затылке вставать дыбом. "Но нет, мы не каннибалы. Если Драгос убьет тебя в последующем поединке, ты не будешь съеден".

"Это утешает". Я думал о том, что она сказала, пока мы шли рядом с повозкой. И я подумал о том, чего она не сказала. "Когда вы говорите, что вы не каннибалы...?"

"Это значит, что мы не едим своих людей".

"Верно", - сказал я. "Значит, Азра - одна из ваших людей?"

"Конечно, нет. Она сильный целитель. Мы уважаем ее территорию. Она уважает наши пути. Иногда мы торгуем".

Рядом с нами Азра хлопнула поводьями. Луминита ускорила шаг, и нам пришлось быстро шагать, чтобы не отстать. Для длинноногой Малены это было небольшим усилием, но я был на грани бега.

"Как ты определяешь, что это ее люди?"

"Они помечают свои деревни", - сказала она, втягивая воздух. Я распознал крылья Десны, но потом она добавила спираль.

"Десна и Фаразма?"

Малена кивнула. "Рождение, сны, смерть", - сказала она. "Вся жизнь. Она очень сильная ведьма".

Хотя на родине принято поклоняться некоторым другим богам, все они подчиняются Асмодеусу, Принцу Закона. За пределами Челиакса он более известен как Принц Лжи. В

любом случае, жители моей страны привыкли поклоняться более чем одному богу, даже если одному из них вы поклоняетесь публично, а другому - только за закрытыми дверьми.

"Сегодня вечером приходите в наш лагерь. У меня есть палатка", - сказала Малена. Она бросила короткий взгляд в сторону повозки Азры, затем посмотрела мне прямо в глаза и добавила. "Я никогда не заставлю тебя спать на улице".

Позади нас Драгос хмуро посмотрел на нее. Я сдержал желание поддразнить его улыбкой. Рядом с ним стояли еще один мужчина и молодой Милош, подражающий выражению лица своего старшего. Остальные скзарни - две женщины, двое мужчин и еще один подросток, пол которого я не мог определить, - шли, устремив свои взгляды на горизонт. У меня возникло ощущение, что Скзарни испытывают смешанные чувства по поводу всей этой истории с Принцем Волков, и нетрудно было понять, кто на чьей стороне.

Азра снова хлопнула поводьями, и я понял, о чем идет речь.

"Я подумаю об этом", - сказал я Малене, думая о горячей ванне. "Давай поговорим подробнее в деревне".

"Нет", - сказала Малена. "Мы не заходим туда".

"Почему?" спросил я. Она сделала жест "злой глаз" и больше ничего не сказала. Повозка продолжала набирать скорость, и я бросился к водителскому месту и забрался на борт. Раскрасневшийся от бега, я улыбнулся Азре и показал ей зайцев.

Она повернула голову, подняла подбородок и до конца поездки не обращала на меня внимания.

Еще задолго до того, как мы достигли деревни, я понял, что мы вступили на проклятую территорию. Мы миновали обгоревшие руины фермерского дома, а с соседнего дерева свисали трупы целого стада овец. Азра сделала знак Фаразмы над своим сердцем и призвала Луминиту идти быстрее. Я подумал о том, сколько времени должно было уйти на то, чтобы связать все эти петли и натянуть их на ветви. Затем я подумал о том, что может побудить человека сделать это, и меня затошнило.

Наша цель лежала у восточного подножия Вирличского рукава Голодных гор - скалистого хребта из серого камня и черных лесов. Самые высокие вершины исчезали в облаках. Среди деревьев и в обрывистых долинах клубился туман, который двигался вразрез с господствующим ветром. В этих испарениях таились странные цвета, тошнотворные оттенки гангренозных ран.

Первыми признаками жилья были одинокие чучела, установленные на убранных полях. Они отличались от южных чучел двумя особенностями: мешки, составлявшие их головы, полыхали аляповатой вышивкой, изображавшей оскаленные лица, а между их плетеными ногами торчали огромные резные фаллосы. Я видел достаточно фетишей плодородия в библиотеке босса, чтобы уловить суть, но это все равно вызвало у меня усмешку. Азра посмотрела на меня, недоумевая. Я догадался, что она не считает это таким уж смешным. Мы проехали по дороге через круглый холм и спустились в небольшую долину, в которой находилась самая уродливая деревня, которую я когда-либо видел.

Назвать эти здания лачугами означало бы дать этому термину плохое название. Около двадцати ветхих строений из серого обветренного дерева стояли на самодельных платформах в пределах неровной границы, образованной забором, покрашенным, должно быть, дегтем. Вдоль забора валялись блестящие кусочки битого стекла, разноцветные бусины, перья, осколки

керамики и всякий разноцветный мусор. Все близлежащие поля были выкошены до самой земли, которая здесь была не насыщенного черного цвета, как в других местах Усталава, а румяно-коричневая смесь земли и глины. Овцы и куры бродили по аллеям между ветхими домиками. Свиньи бродили в большом загоне, к счастью, на другом конце деревни, а на соседних холмах я заметил отару овец. Среди них была фигура, которую я сначала принял за великана. Увидев нашу повозку, он закричал и прокричал какое-то слово, сбегая к нам. Он повторил его шесть или семь раз, прежде чем я понял, что это имя Азры, искаженное расщелиной нёба.

Когда мы подъехали к забору, еще больше жителей деревни бросились открывать ворота. От первого взгляда на них у меня чуть не вывернуло желудок. Они выглядели как изгои из шоу уродов.

У многих из них были крошечные булавочные головы, которые я видел только на набросках причудливых представителей племён мванги в библиотеке босса. Единственным отличием было то, что эти люди были явно варисскими, но с короткими коническими черепами и странно однообразными чертами лица. У других были деформированные конечности, включая одного безногого, который ковылял к нам на руках, похожих на ошипанные гусиные крылья. Один был ходячим скелетом, почти семи футов ростом, но при этом ни на йоту тяжелей меня. Его одежда драпировалась на нем, как холст, скрывающий новую статую.

Они звали Азру, и их беспорядочные голоса звучали на дюжине разных языков. Мне пришлось сосредоточиться, чтобы распознать варисский язык. Те, у кого не было явных дефектов речи, похоже, переняли язык своих соседей, но единого мнения среди них не было. Этот лепет усиливал головную боль и головокружение от их искаженных лиц.

На секунду показалось, что они набросятся на Азру и вытащат ее из повозки, но она передала мне вожжи и охотно пошла в их объятия. Каждому из них хотелось коснуться ее волос или ткани ее одежды, и она не вздрагивала от их отвратительного вида. Женщины с лицами, похожими на гнилые плоды, прижимали к себе младенцев, похожих на корни, и она целовала их в щеки, пока толпа провожала ее в деревню. Все это время они болтали с ней, но она, казалось, все понимала, кивая и подавая знаки в ответ или имитируя свои ответы.

Я оглянулся позади нас. Скзарни не было видно, как и предупреждала меня Малена. На какой-то миг, несмотря на опасность, я пожалел, что решил не идти с ними вместо того, чтобы войти в эту проклятую деревню. По крайней мере, у меня был осел, за которым нужно было ухаживать, и хороший повод держаться подальше от этих уродов.

"Только ты и я, милая", - сказал я Лумините, слегка похлопывая ее поводья. В одном из больших зданий была конюшня с несколькими пустыми стойлами. Я подъехал туда и спрыгнул, приближаясь к Лумините по широкому кругу. Я не заметил, как Азра утром наложила на животное свои успокаивающие чары, и не был готов принять на веру, что ослица не втопчет меня в грязь, когда я потянусь к ее упряжи.

"Надеюсь, ты внимательно следила за тем, как я вчера вечером выбил всю дурь из этого оборотня", - сказал я ей. "Не то чтобы я угрожал тебе, Луминита, но у нас с тобой есть определенная прошлая история столкновений".

Она оставалась неподвижной, поворачивая голову, чтобы следить за мной. Я осторожно потянулся к уздечке, но она откинула голову в сторону.

"Черт побери!"

Раздался невнятный голос. Я повернулся и увидел, что ко мне бежит великан, копясь одним пальцем в носу. Понять его было практически невозможно, но не до конца. Он сказал что-то вроде: "Дай-ка я открою".

Я махнул рукой в сторону Луминиты. "Будь моим гостем".

С уголка его рта свисала ниточка слюны, когда он подался вперед, чтобы снять с Луминиты шлейку. Я отступил назад, чтобы не испачкаться. Ростом он был ближе к семи, чем к шести футам, и выглядел как хилый подросток, если не считать выступающего вперед лба, заячьей губы и ушей, которые могли бы быть парой головок сморщенной цветной капусты. Его глаза были расположены слишком близко друг к другу. Он предпочитал левую руку, в которой был дополнительный изгиб. В то время я думал, что это просто еще один из сотен врожденных дефектов, которые я видел у его соседей. Это не мешало ему, когда он отцеплял повозку и вел Луминиту в конюшню.

"Ха!" - сказал великан, хлопнув себя по груди со звуком более глубоким, чем басовый барабан. Его палец тут же вернулся к носу. "Тюдор!"

Я постучал себя по груди. "Радован", - произнес я со своей лучшей варисской интонацией. У меня все еще были проблемы с тем, чтобы составить что-то большее, чем простые предложения, но общие фразы приходили на ум быстрее. "Спасибо за помощь".

Он протянул свою липкую руку. Хотя я не из брезгливых, я отошел.

"Мне нужно идти", - сказал я. "Азра ... ждет".

"Ха-ха-ха!" - сказал он, покачивая головой и ухмыляясь.

Азры нигде не было видно, но я догадался о ее местонахождении по толпе жителей возле одной из хижин. Они заглядывали в окно и передавали сообщения тем, кто не мог заглянуть внутрь.

Большинство были женщины, заметил я, и, несмотря на мое первоначальное впечатление, не все из них страдали от явных недостатков. Тем не менее, в этой деревне нельзя было провести конкурс красоты. Даже самая скромная из жительниц деревни обратила бы в бегство безногого пирата. Их лица, казалось, были слегка помяты со всех сторон. На них что-то давило.

Я почувствовал холод сверху и посмотрел на горы. Грома не было, но в тени под облаками пульсировали странные огоньки.

Я прогуливался по дорожкам между лачугами, чтобы размять ноги, и вскоре за мной увязалась местная банда. Старшей было не больше десяти лет, но лицо у нее было как у старухи. Даже у младшей вокруг глаз были глубокие морщины. Мальчик без пальцев зажал мою руку между подушечкой и большим пальцем, выжидательно смотрел вверх. Его радужные оболочки глаз имели форму ромбов и были цвета яичного желтка. В белках его глаз плавали крошечные островки того же цвета. Мне потребовалось усилие, чтобы не отдернуть руку.

"Привет", - сказал он, потянув меня за руку. Он повел меня в деревню, за ним последовали другие странные дети.

Они показали мне лужу, которая пахла дождевой водой и козьей мочой. Их намерения были неясны, пока я не увидел движение в воде. Дети закричали и бросились за трехногой лягушкой, пытавшейся вырваться из их лап. Милая Десна, подумал я. В этой деревне даже

мерзкие животные прокляты.

Прежде чем маленькое сборище успело растоптать тварь, я дотянулся и схватил лягушку. Она надула горло и моргнула. Я предложил ее мальчику с лапами, но он отшатнулся. Старшая девочка взяла ее у меня. Ее улыбка была улыбкой любой маленькой девочки, и я подумал, не умрет ли она от старости, не дожив до пятнадцати лет.

Прежде чем я успел убежать, дети потащили меня к другому излюбленному месту. Мы подкрались к подоконнику, на котором остывала пара ягодных пирогов. Дети подняли носы, чтобы понюхать сладкий аромат, и по очереди осмеливались просунуть палец. Когда я потянулся, чтобы украсть один из них, они завизжали в знак протеста. Они говорили так быстро, что я уловила только "Тюдор", что-то вроде "голодный", поэтому я оставила все как есть.

Мы сделали круг по деревне, останавливаясь, чтобы перебросить камни через загон для овец или погладить дружелюбных дворняг. Мы остановились у сарая, чтобы старшая девочка, Руса, рассказала историю о том дне, когда мальчик пропал, пока его не нашли запертым внутри, "растерзанным" агрессивной козой, но неспособным позвать на помощь, потому что он был немым. Она говорила медленно и четко, так что я понимал почти каждое слово. Ее рассказ заставил меня вновь оценить Азру, которая не только хорошо общалась без языка, но и каким-то образом продолжала использовать магию своей богини. Или богинь. Я все еще не до конца понимал, что она делает, и никогда не пойму, как она это делает.

Взрослые, с которыми мы столкнулись, увидев, что дети завладели мной, кивнули, как будто так было принято, когда в деревню входили странные исчадия ада. Все они улыбались или приветственно махали руками. Несмотря на их пугающую внешность, никто из них не пытался похоронить меня заживо или поджечь. Это сделало их моими любимыми жителями во всем Усталаве, на данный момент.

Незадолго до того, как дети измучили меня, один из деревенских мужчин пришел позвать меня. Он велел детям вернуться в свои дома, и они неохотно повиновались. Затем он отвел меня в сарай, где я увидел, что шестерым самым сильным мужчинам деревни удалось прижать Тюдора к столу.

Большой пастух смотрел на меня с ужасом в глазах. "Не-е-ет!"

Азра подала мне знак. Помоги.

Мне потребовалось мгновение, чтобы набраться смелости и сломать кривую руку Тюдора, но я знал, что будет хуже, если я не смогу сломать ее с первого удара. Каждая секунда колебаний только усиливала его ужас, поэтому у меня не было выбора.

После того, как все было готово, кроме крика, я вытянул его руку прямо, Азра отрегулировала мою хватку, заставила меня держать ее так, и наложила шину на руку Тюдора. Он сломал ее несколько месяцев назад, вскоре после ее последнего визита, но тогда он был далеко от дома со своим стадом. Без помощи в наложении шины он позволил руке зажить криво. Азра могла исправить ее с помощью магии, но только после того, как ее снова сломают и выправят. Никто другой в деревне не осмелился бы сломать руку великану. Этот здоровенный идиот был в два с лишним раза больше меня, и я не стал бы задерживаться здесь, чтобы рискнуть его мезью. Однако, судя по тому, как он умилялся, как ребенок, я чувствовал, что он забудет об этом до следующего обеда.

Когда Азра закончила завязывать стропу на шее Тюдора, она обратилась к пожилой женщине,

которая переводила. Она говорила как с медлительным ребенком, так что мы с Тюдором могли понять. "Не шевели этой рукой", - сказала она. "Не вытаскивай ее из перевязи. Не тревожь шину, а то Азра наложит на тебя порчу".

Азра отошла, чтобы вымыть руки в жестяном тазу.

Я слегка ударил Тюдора по хорошему плечу. "Она сделает и это, парень", - сказал я Тюдору на челишском. На варисском я добавил: "Слушай ее". Тюдор бросил на меня горестный взгляд. Его свободная рука рассеянно вернулась к ковырянию в носу.

Старуха, которая переводила для Тюдора, направила его домой, пообещав ужин. "Да, и пирог", - сказала она. Этот стимул заставил его пуститься в галоп.

Пока Азра сушила руки, я потянулся к тазу, но деревенская женщина схватила меня за руку и подошла так близко, что у меня заслезились глаза от чесночного запаха ее дыхания.

"Милорд, - сказала она тем же простым тоном, которым читала лекции Тюдору. "Мы бедны. Другие деревни не торгуют с нами. У нас нет денег, чтобы купить то, что мы не можем вырастить".

По тому, как она схватила меня за руку, я ожидал, что она будет умолять, но она стояла во весь рост, глядя мне в лицо одним хорошим и одним закрытым катарактой глазом.

"Послушай", - сказал я, но она схватила монету, которую я носил на шее, и поцеловала ее.

Я посмотрел на Азру в поисках совета, но она уже ушла. Я осторожно убрал руки женщины и открыл кошелек. Может быть, несколько монет помогут. Или, может быть, половина моих денег, а остальное я смогу возместить, когда вернусь в Калифас и к играм Башен. Все равно я уже несколько дней живу за счет благотворительности Азры. Какого черта, подумала я. Я застегнул кошелек и передал его ей в руки.

Старуха опустилась на колени. Я едва успел отступить назад, чтобы она не поцеловала мои ноги.

"Вы добрый господин", - сказала она, сжимая мои брюки. "Долго тебя не было. Теперь ты снова помогаешь своему народу. Фаразма щадит тебя. Десна улыбается тебе".

"Пойдемте", - сказал я, протягивая руку вниз, чтобы поднять ее на ноги. Я попробовал немного говорить на варисийском языке, помня, что местные жители в знак уважения называют всех старых женщин "бабушка". "Пожалуйста, встань, Баба".

"Принц Вирхольт", - сказала она. Она указала на склон горы, который в сумерках стал темно-фиолетовым. "Завтра Тюдор отвезет тебя в твою деревню. Там твои предки благословят тебя".

Она убежала, сжимая в руках кошелек. Я умылся, усмехаясь про себя. Если эти Усталавы и дальше будут поручать мне их семьи и деревни, то к весне я буду управлять страной.

Когда я вышел из сарая, Азра ждала меня возле фонаря на столбе ограды. Она скрестила руки на груди, и я увидел на ее лице выражение неодобрения.

"Как тебе это нравится?" спросил я. "Сначала я принц волков, теперь я повелитель уродов". Все еще улыбаясь, я подошел прямо к ее пощечине. Удар ужалил сильнее, чем ее заклинания.

"Для чего все это было нужно?"

Они люди, а не уроды.

"Это просто шутка. Меня много раз называли и хуже".

Она сняла монету с моей шеи и внимательно осмотрела ее. Она фыркнула и отбросила ее назад, чтобы ударить меня в грудь. Принц дураков. Она показала мне четыре пальца. Я не знал, что это знак Следопытов, но смысл был безошибочен. Она нахмурилась и повернулась, собираясь уходить. Вместо этого она повернулась обратно и медленно написала мне, чтобы убедиться, что я понял каждое слово. Богатые люди, - написала она, - они хвалятся. Дают деньги, называют лордом.

"Ну, конечно", - сказал я. "Вы же не думаете, что я воспринял это всерьез?".

По правде говоря, я надеялся, что в словах старухи есть что-то такое. Всю свою жизнь я работал на кого-то другого, сначала был мелким преступником, потом скучающим и слишком образованным аристократом. Было бы здорово, хотя бы раз, стать самому себе начальником. Все, что мне было нужно, это немного лизания рук и целования ног, чтобы у меня появилась мания величия. Это осознание заставило меня увидеть себя в новом унижительном свете.

Азра крутанулась на пятках и вошла в одну из больших хижин. Я стоял там один, чувствуя себя имбецилом.

"Десна плакала", - не обращая особого внимания на окружающих, пожаловался я.

Глава тринадцатая: Призрачные долины

Как только ужас моего последнего часа в Уиллоуморне утих, я предался волнению, скача на своем призрачном коне по фермерским угодьям северного Амаанса. Там, где мы сталкивались с изгородями, лошадь легко перепрыгивала через них и мчалась галопом по стерне убранных полей. Когда я наклонялся вперед, дымчатая грива животного взлетала вверх и касалась моего лица, мягкая и тонкая, как шелковые нити. Бесшумная походка коня не оставляла следов на земле, и он не издавал никаких звуков, свидетельствующих о напряжении, хотя я чувствовал, как его прохладная грудь расширяется и опускается при дыхании. Я так легко сидел в его искусственном седле, что мне казалось, будто я не еду, а лечу. Во время моего обучения арканам много лет назад я никогда не испытывал такого восторга без сопутствующей тошноты.

По мере удаления от Кавапешты я замечал все меньше хуторов. На фоне звездного горизонта на юго-западе все выше вырисовывался силуэт Голодных гор. На юге находились печально известные Сто призрачных долин Амаанса, где жили самые жалкие из обитателей округа. Путешественников предупреждали, справедливо или нет, что те, кто живет в тени гор в Вирличе, медленно сходят с ума, даже их тела испорчены поколениями упрямого, но обреченного существования. Я мог только гадать, было ли ежегодное продвижение графа Галдана по изгнанной территории признаком его собственного безумия или долгом перед своими подданными.

Более того, я задавался вопросом, был ли он участником событий, происходивших в его доме. Если ребенок покойной Аннеке был бастардом Галдана, то его отсутствие могло быть его алиби во время ее убийства. Я тут же отбросил эту теорию. Глупо было предполагать, что кто-то, даже такой эксцентричный, как Галдан, пойдет на такое ради убийства, которое можно было бы совершить с гораздо меньшим ритуалом и большей осмотрительностью. Что бы ни происходило в Уиллоуморне, я не думал, что его целью была смерть Аннеке. Гораздо более

вероятно, что ее смерть была потворством одного или нескольких культивистов Ургатоа.

Вопрос о том, почему Казомир обратился против Тары, оставался открытым. Когда я увидел Аннеке живой, теплый, золотистый цвет кожи трупа был безошибочно узнаваем. Страшно представить, что только похоть заставила Казомира убить и изнасиловать свою кузину, но не менее ужасны и дегенеративные ритуалы Ургатоа. Я предпочел поразмышлять о том, что он надеялся получить в результате такого поступка. Возможно, это было жертвоприношение, призванное вызвать дар власти у Ургатоа. Возможно, он жаждал inferнальной силы, чтобы свергнуть кресло своего дяди. Чудовище, которое он послал за Аннеке, было доказательством того, что он уже обладал значительной силой.

Каков бы ни был ответ, своей запиской я передал проблему в руки божественной власти в Кавапеште. Возможно, мне показалось трусостью бежать, а не объединиться с ними, но моей первоочередной задачей оставалось найти Вас. Я все еще не уверен, что обнаруженный мною в библиотеке Галданы сектантский манускрипт не связан с вашими поисками. Если связь есть, то я все острее чувствую необходимость найти вас как можно скорее.

Мое воображение вихрилось, пока мой призрачный конь не замедлил шаг - знак того, что он скоро исчезнет. По курсу созвездий я определил, что время было далеко за полночь, но до рассвета оставалось еще несколько часов - гораздо больше, чем я ожидал от заклинания. Я размышлял о том, что за эти годы мои способности к арканам возросли, несмотря на то, что я сосредоточился на теории, а не на применении. Это было логичное предположение, но я не мог его проверить, не имея доступа к заклинаниям, которые я еще не записал в свою книгу.

Прежде чем лошадь исчезла, я направил ее к низкой ложине и сошел с нее. Там лошадь отошла на небольшое расстояние и повернулась, чтобы посмотреть на меня, пока ее полубесплотное тело постепенно исчезало из этого материального мира. Когда она исчезла, я поднял руку, чтобы попрощаться с ней. Прохладный осенний ветерок поднял мои волосы, и холодная рука одиночества опустилась на мое плечо.

Я собрал весь валежник, который смог найти, пока земля готовилась к утреннему туману. Без кремня и стали - в моей походной сумке не было ничего необходимого - я взвесил целесообразность и надежду на то, что смогу повторить рифленные свитки. В конце концов я потратил еще одно заклинание, чтобы разжечь костер. Укутавшись в плащ, я долго лежал у огня, пытаюсь вырваться из запутанной сети вопросов, захвативших мое воображение, пока наконец не проскользнул под пеленой сна, чтобы погрузиться в грезы.

Туман был достаточно густым, чтобы погасить мой огонь еще до моего пробуждения. Впервые после пробуждения в Уиллоуморне я вспомнил свои сны. Только этим утром я хотел иного.

Я с содроганием вспоминал образы обезглавленного тела Тары, поднимающегося с окровавленной постели, чтобы указать на меня обвиняющим пальцем. Даже если я не мог защитить ее, то, приняв на себя гостеприимство графа Галдана в его отсутствие, я был обязан отомстить за нее. Мне следовало набраться смелости и остаться, чтобы встретиться лицом к лицу с Казомиром и его знакомым, или какой бы мерзостью оно ни было, которое убило Аннеке.

Не было даже костра, туман затушил дневной свет, не позволяя читать. Сняв ножны с меча Галдана, я увидел, что он больше не излучает сияния, как это было предыдущей ночью. Должно быть, этот эффект был реакцией на чудовище, с которым я столкнулся. Вопрос заключался в том, какое качество этого существа вызвало силу меча. Пока я предположил, что ужас был неживого или inferнального происхождения, но доказательства потребуют

дальнейшего изучения.

Более насущным вопросом было определить, смогу ли я воспроизвести эффект от рифленых свитков. Несмотря на утренний мрак, я соорудил из своей сумки грубый подиум и разложил на столе необходимые материалы. Голод отвлек меня, но если то, что я подозревал, правда, то лучше подождать, прежде чем есть.

Моя осторожность оказалась мудрой. Как только я нарисовал всего несколько изломанных рун на рифленых страницах, у меня заурчало в животе. По мере того как я продолжал работу, дискомфорт становился все более неприятным, поднимаясь из желудка и щекоча основание горла. Я ненадолго задумался о том, чтобы сделать паузу и заставить себя выпустить содержимое желудка, но продолжил, надеясь, что смогу завершить такое элементарное заклинание до того, как действие станет непроизвольным. Начертав последнюю руну, я держал наготове носовой платок.

Тошнота исчезла, как лопнувший мыльный пузырь. Она не просто утихла; напротив, я чувствовал себя таким бодрым, словно недуг никогда меня не касался.

Наконец-то я смог овладеть силами, над которыми когда-то так упорно трудился. Конечно, необходимость записывать заклинания на этих неортодоксальных свитках влекла за собой некоторые недостатки - в отличие от других волшебников, меня можно было более эффективно обезоружить, - но были и очевидные преимущества: вызвать свиток было быстрее, чем произнести многие заклинания, и все его вербальные и соматические компоненты были выполнены заранее. Однако, как и ортодоксальному магу, мне все равно нужно было иметь при себе соответствующие материальные компоненты и фокусировку заклинаний. Я испытывал определенную гордость за то, что раньше, забыв про этот процесс, дедуцировал его. Более того, я чувствовал гордость за свое новое открытие. То, чего я добился раньше, я мог сделать снова.

К тому времени, когда я заново записал кантрип в виде риффл-свитка, туман почти полностью рассеялся. Я моргнул, поднимаясь из судорожной позы для письма - неудачная привычка, выработанная в моей академически ориентированной юности, - и осмотрел свое окружение. Дневная лощина совершенно отличалась от той, которую я видел ночью. Со дна неглубокой впадины я взглянул на редкое кольцо деревьев, стоявших на страже вокруг меня. Место, где я разжег костер в темноте, было лучше укрыто от глаз тех, кто мог преследовать меня из Уиллоуморна. К сожалению, оно также не давало мне никакой возможности определить свое местоположение относительно гор. Прогулка на свежем воздухе стала бы моим третьим делом после испытания моего первого новенького свитка и отмены голодовки.

Я втиснул в пальто последние опилки, чтобы просушить их, и положил дрова на потухший костер. Возмущенный тем, что зря потратил письменные принадлежности, я вырвал страницу из одного из пустых фолиантов, смял ее в шарик и положил под ветки в качестве растопки. Я затаил дыхание, пока читал заклинание. Когда последняя полоска выскользнула из-под моего пальца, бумага загорелась оранжевым пламенем. Придя в себя от спонтанного ликования, я глупо огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что никто не заметил, как я веду себя, словно десятилетний ребенок. Подтверждение моего одиночества приглушило мое настроение, даже когда огонь охватил дрова.

Тепло было приятным, хотя огонь слабо освещал туман. Я переписал свитки, которые начерта ранее, и подумал, не заменить ли какие-нибудь из них другими заклинаниями. Не имея возможности предугадать характер угроз, с которыми я могу столкнуться на оставшемся пути, я доверился тому выбору, который сделал мой беспамятный "я". Интуиция подсказывала, что

он мог знать больше, чем я открыл для себя после второго пробуждения.

Неожиданно долгий срок действия моего призрачного коня побудил меня попытаться создать дополнение к уже имеющемуся арсеналу. Используя еще один чистый лист, я скопировал заклинание кражи книги из существующего рифленого свитка. Убедившись, что оно настолько точно, насколько это возможно в нынешних условиях, я направил свиток на этот журнал и позволил полоскам соскочить с моего большого пальца. Я почувствовал покалывание магии на своих пальцах, но не обнаружил никакого видимого эффекта на открытых страницах. Однако на самом свитке символы мерцали так, словно чернила были смешаны с алмазной пылью. Это было интересно, поскольку теоретически символы должны были исчезнуть вместе с разрядом содержащейся в них магии, но то, что этого не произошло, дало мне представление о действии заклинания.

Я достал из своего ранца еще один чистый фолиант и открыл его страницы. Прежде чем снова перелистать свиток, внезапное опасение заставило меня задержать руку. Я пересчитал страницы и убедился, что в пустом томе больше страниц, чем я написал в дневнике. Затаив дыхание, я направил свиток на фолиант и позволил ему соскользнуть. Когда листы освободились, мелькающие символы вспыхнули и исчезли. Мгновенно на свежей книге появились те самые отрывки, которые я написал в дневнике, оставив оригинал пустым.

На этот раз я отпраздновал свой триумф более благопристойным образом, скромно питаюсь едой, которую я украл с кухни Галдана. Я взял лишь несколько фунтов вяленого мяса и мешок орехов в скорлупе, зная, что смогу добыть дичь или даже поймать ее с помощью магии, но разумнее было составить рацион с самого начала, чем потом оказаться в затруднительном положении. Я ожидал, что поблизости будет мало жителей, если вообще будут. Судя по слухам, которые я слышал о Голодных горах в Вирличе, вполне возможно, что здесь вообще не было съедобной флоры и фауны.

Закончив есть, я собрал свои вещи и затушил костер. Не было удобного способа закрепить меч Галдана у бедра, поэтому я засунул его в горловину своего ранца, где он напоминал трость какого-нибудь делового клерка. Мое тщеславие поморщилось от того, какой образ я, должно быть, представлял, но я отмахнулся от этого, напомнив себе, что за мной некому наблюдать.

Я поднялся на ближайший подъем и осмотрел окрестности. Туман отступал на юго-восток, собирая свои силы у подножия гор. Не страх и не любопытство по отдельности, а и то, и другое вместе, вновь пробудили во мне жажду открытий. Вооружившись новым свитком, я призвал своего призрачного коня и поскакал в Голодные горы.

К полудню я задумался о том, стоит ли останавливаться на отдых. Ужас и смятение заставили меня провести всю ночь верхом на лошади, к тому же мне удалось использовать весь срок действия моего заклинания, чтобы избежать ужасов в Уиллоуморне. Однако сегодня мне предстояло выбрать между заботой о своем здоровье и несколькими лишними милями на пути к цели. Оба варианта были привлекательны, но в конце концов голод, вкупе с невозможностью есть во время езды, убедил меня остановиться.

Я выбрал солнечный холм, с которого открывался вид на окружающую местность на многие мили вокруг. Теперь меня окружали Голодные горы, хотя на юге я знал, что они расступаются у самой южной точки перевала Горча. Туманы почти исчезли, заполняя обратно в узкие долины Вирлича, где во мраке вспыхивали фиолетовые и зеленые молнии. Где-то там, в этой безвестной местности, находилась могила человека, который скрыл свои нечестивые знания от Шепчущего Тирана и погиб за преступление.

Когда я доставал из ранца часть украденного провианта, я заметил движение в полумиле к востоку. В мою сторону бежало какое-то животное. Невероятно, но оказалось, что это та самая гончая, которая бдила под окном библиотеки, пока я учился в Уиллоуморне. Мои глаза обшаривали поля позади него в поисках признаков дополнительной погони, но он, похоже, был таким же одиночкой, как и я.

Невероятно, что обычная собака могла выследить меня так далеко по территории графства Амаанс. Мой призрачный конь не оставлял отпечатков, и на его спине я не должен был оставить практически никакого следа. Скорость, с которой я скакал накануне, была достаточной, чтобы обогнать любого обычного преследователя, и даже с ее огромным шагом гончая никогда не смогла бы сравниться со скоростью моего коня. Ей пришлось бы бежать все время, пока мой конь скакал галопом, продолжая спать и читать заклинания. Все вопросы о том, как найти меня, отпадали, стойкость животного должна была быть просто невероятной, чтобы оно смогло зайти так далеко.

Отсутствие других преследователей озадачивало. Конечно, если это животное зашло так далеко, его старейшины и хозяева могли сделать то же самое. Я не мог представить, по какой причине Казомир отпустил гончих, но не пошел следом, если только что-то не отвлекло его от преследования. Возможно, епископ Кавапештский быстро отреагировал на записку, которую нес Богдан, заставив Казомира бежать. Такая возможность имела под собой основания.

Гончая залаяла при виде меня. Очевидно, он шел вперед с высунутым языком. Что бы ни послужило причиной его преследования, он продолжал идти вперед только силой духа. Если он хотел причинить мне вред, я не сомневался, что он представляет угрозу. Однако более вероятно, что его послали, чтобы найти меня и предупредить других о моем местонахождении, даже если я еще не мог их видеть. В любом случае, самым мудрым решением было убить его и продолжать бегство с большей бдительностью.

Гончая ускорила шаг, приблизившись на расстояние запаха. Я выхватил меч Галдана, который не издавал ни звука, ни света, и взял в другую руку свиток с заклинанием. Заклинание обездвигит пса, но после этого мне все равно придется его казнить.

Подняв меч, когда пес подошел достаточно близко, чтобы напасть, я увидел, как он облизывается. И все же он не напал. Он подошел на расстояние трех шагов и сел, пыхтя и глядя на меня с выражением усталого ожидания, не обращая внимания на оружие, которое я приготовил для удара. Я опустил меч, и пес подбежал ближе, продолжая сидеть.

Это была его умоляющая поза. Гончая проделала весь этот путь только для того, чтобы ее накормили.

Бывают времена, когда естественные побуждения человека и зверя поражают меня больше, чем любое заклинание волшебника. Казалось абсурдным, что собака должна следовать за мной, едва ли более чем незнакомым человеком, всю ночь и полдня, чтобы выпрашивать еду. Это должна была быть уловка Казомира, собака под каким-то предлогом должна была найти меня и предупредить других последователей о моем присутствии. Убить его было единственным разумным решением. Это был разумный выбор. Ответственный выбор.

Но, увы, это был не тот выбор, который я сделал.

Запрятав рифленый свиток за пояс, я достал из ранца сушеное мясо. Собака подалась вперед, я показал ей ладонь и сказал: "Сидеть". Пес повиновался, слизывая слюну со щек и покачивая большой прямоугольной головой.

Я давал ему мясо по кусочку за раз, но не больше подушечки большого пальца. Каждый раз, когда он поднимался или наседали на меня, я поправлял его знаком или словом, и он исправлял свое поведение. Это чем-то напомнило мне первые дни работы нового слуги, когда часы работы наполнены постоянным вторжением ошибок и заблуждений. В отличие от большинства водителей, камердинеров, поваров и садовников, которых я обучал на протяжении десятилетий, гончая быстро училась, повинувшись не только простым командам "сидеть", "ко мне" и "лежать", но и "стой", "поворот" и "пятка".

Тогда мне пришло в голову, что я мог знать гончую дольше, чем помнил. Точно так же, как я ранее выучил и забыл загадку рифленых свитков, возможно, я подружился с этим животным и дрессировал его до того, как у меня украли память. К сожалению, я так увлекся своими догадками и нашим нынешним сценарием обучения, что слишком поздно понял, что скормил прожорливой твари более чем дневную норму мяса. Я убрал остатки в сумку, опасаясь мятежного рыка. Вместо этого гончая улеглась, положив голову на лапы, и задремала у моих ног.

Я приготовил свои вещи, чтобы продолжить путь, надеясь, что сытый зверь проснется, не обнаружив никого рядом, и вернется домой. Однако, представив себе его реакцию на то, что он окажется брошенным, я засомневался в своей решимости. Проклиная непрошеное сочувствие, я молился, чтобы потом не пожалеть об этом. Я сел рядом с гончей, положил руку ей на плечо и стал ждать, когда она проснется.

Глава четырнадцатая: Старая деревня

Тюдор карабкался, как горный козел. Его огромный шаг позволял ему легко преодолевать скалы, по которым приходилось карабкаться мне. Я старался не думать о хвастовстве его Бабы, что он знает горы лучше других, потому что так часто терялся в них, возвращаясь домой полуголодным через несколько дней или недель после того, как кто-то в последний раз заметил его, когда он пас стада. Азра шла позади меня. Вначале она пыталась убедить меня не ехать в старую деревню. Разговор превратился в очередную ссору, пока я не сказал, что пойду без нее, а она не ушла. Теперь я был рад, что она пришла, потому что начал беспокоиться о том, что мы можем найти.

Она была виновата в том, что я вообще хотел посмотреть это место. Накануне вечером она продолжала ругать меня во время ужина, бросая знаки так быстро, что была похожа на уличного бойца, пытающегося запугать противника. Уже не в первый раз я заподозрил, что у нее большой словарный запас знаков или она придумала много своих собственных. К сожалению, она также обучила всему своему словарному запасу местных женщин, которые почувствовали необходимость переводить после того, как я решил игнорировать Азру.

В какой-то момент все за столом прекратили есть и уставились на меня. Несколько человек захихикали или зажали рот руками.

"Мы приготовили для вас кровать наверху", - сказала женщина с материнской заботой, единственным видимым уродством которой было одно висячее ухо. "Но вы предпочитаете спать в сарае?"

"Нет", - сказал я. "Почему?"

"Азра говорит, что у вас принято спать с животными".

"Это ошибка", - сказал я женщине, имя которой, как мне показалось, я запомнил как Габи. "Я путаю Азру с ее ослом".

Азра ответила жестом, не требующим перевода. Несколько жителей деревни засмеялись, но большинство смотрели с недоумением. Можно было подумать, что они никогда раньше не видели ссоры.

Габи дернула меня за рукав. "Кто научил тебя говорить на пальцах?"

Я чуть не сказал: "Мой босс", но теперь я был предоставлен сам себе, поэтому я сказал: "Следопыт". Несмотря на сожаление, которое я испытывал, думая о нем, мне пришлось улыбнуться. На варисском языке термин "Следопыт" также означал "создатель проблем" или "грабитель могил". Многие люди на Егорианском воспринимали босса именно так.

"Прошлой весной к нам приезжал Следопыт", - сказала Габи.

Это привлекло мое внимание. Если существовала вероятность того, что это пропавшая Следопыт босса, то я должен был выяснить, что с ней стало. "Куда делся Следопыт?"

Она указала в окно, в черную пустоту, где горы Вирлич затмевали звезды. "В старую деревню", - сказала она, делая знак злого глаза.

Я расспрашивал о "Следопыте", но упоминание о старой деревне разрушило атмосферу. Местные жители, прежде чем разойтись по своим домам, рассказывали мне, что весной появилась сильная женщина, которая спрашивала дорогу к старой деревне. Когда я спрашивал, что она ищет, ответом было только пожимание плечами и еще больше знаков сглаза. Если мне нужен был ответ, я должен был искать сам.

Утром я разыскал Тюдора и расспросил его о старой деревне. Понять его из-за дефекта речи было все еще трудно, но методом проб и ошибок я выучил еще пару десятков слов на варисском, пока он рассказывал мне все, что мог.

Давным-давно здешние жители жили дальше в горах. По его словам, когда-то они были богаты, добывая железо у основания ближайших гор. Их лорд стал героем в первые дни борьбы с Шепчушим Тираном, и когда он пал, как это бывает с героями, деревня была разрушена. Это должно было быть много веков назад, а может, и дольше, но история - хобби босса, а не мое. Когда я спросил Тюдора, сколько прошло времени, он раскинул руки так широко, как только мог.

Обе руки Тюдора теперь были прямыми, как стрелы, после того как Азра исполнила свой танец исцеления под долгожданной луной прошлой ночью. Вся деревня собралась посмотреть, и я был рад возможности увидеть ритуал с другой стороны. Оказалось, что не только в бреду от моих травм Азра выглядела прекрасно, когда исцеляла меня. Что-то изменилось в ней, когда она привлекла силу своих богинь. Ее черты лица не изменились. Она не стала выше ростом, ее волосы не стали вдруг густыми и гладкими. Ее нос по-прежнему был маленькой пуговкой. Но было что-то в том, как свет двигался по ней, словно притягивая взгляд к крошечным, обычным деталям любой женщины, которые, как вы вдруг поняли, не могут быть лучше, чем они уже есть. Как будто лунный свет исходил изнутри нее.

Да, я знаю. Я должен продать эту фразу менестрелю. Может быть, мне удастся получить медяк.

Какова бы ни была ее причина, как только она узнала о нашем путешествии, Азра потребовала поехать с нами. Тюдору идея понравилась, поэтому не пришлось уговаривать его ускользнуть со мной, пока Азра раздавала бальзам от бородавок и чай от менструальных спазмов. Мне пришла в голову шутка о продаже любовных зелий в самой уродливой деревне мира, но чувство

самосохранения сработало раньше, чем я сумел ее произнести. Азра закончила свои процедуры до полудня, и мы втроем отправились подниматься на восточный склон Вирличского рукава Голодных гор.

Поход занял больше времени, чем я ожидал. Тюдор сказал, что это займет всего пару часов, и, возможно, так бы и было, если бы он путешествовал один. Здесь не было ничего похожего на нормальную тропу, лишь изредка встречались козы тропы, пересекавшие неровный склон. К тому времени, когда я был готов отказаться от своего любопытства, мы уже потратили столько сил на этот поход, что я не стал скрывать этого, пока солнце не оказалось на расстоянии вытянутой руки от западных вершин. Я бы повернул назад, но Тюдор закричал и побежал к травянистому гребню.

За его краем было плато, простиравшееся на милю к северу и югу, и по меньшей мере на полмили к западу, к основанию следующего подъема. Там оно заканчивалось каньоном со стенами из красного камня. У наших ног, заросшие дикой травой и увядшими цветами, лежали разбитые фрагменты дороги, идущей с юга на север. К югу от нее через струйку горного ручья перекинут крытый мост, а на другой стороне бесплодный красный хребет укрывал от северного ветра. Вдоль основания скалы я насчитал три входа в шахту, в каждом из которых несколько оставшихся досок свисали из открытых устьев. Основатели деревни построили ее в хороших естественных защитных сооружениях, но ни одно из них не спасло ее от разрушения.

На месте деревни теперь был каменистый сад из заросших фундаментом и оснований поваленных стен. В центре деревни возвышался многоярусный фонтан, утопающий в разноцветном лишайнике и рябящих полках грибков синюшного цвета, которые, казалось, пульсировали в полуденном свете. Когда Тюдор увидел, что я уставилась на него, он захлопал и загудел от смеха. "Испугался, да?"

"Сколько осталось до темноты?" спросил я.

Он нахмурился и посмотрел на небо, держа руки на расстоянии около фута друг от друга.

Будь то пара часов или пара минут, я решил, что нам лучше сделать этот визит коротким. Небо было по-прежнему светлым, но тень горы двигалась к нам. "Что искал этот Следопыт?"

Тюдор поманил нас за собой и ускакал на запад. Азра потянула меня за рукав и посмотрела нам вслед. Там, на краю дороги, стоял одинокий волк. Он выглядел как один из стаи Скзарни, и, судя по его размерам, я догадался, что это Милош. Я поприветствовал его улыбкой и быстрым выстрелом в зубы.

"Они присматривают за нами", - сказал я.

Азра написала свое возражение.

"Я тоже им не доверяю", - сказал я. "Но, может быть, они просто присматривают за своим принцем".

Она нахмурила брови, услышав, насколько я надеялся в свой самоуничижительный сарказм, но больше ничего не сказала. Когда я оглянулся на дорогу, волка не было видно. Мы побежали догонять Тюдора.

В тени горы находилось городское кладбище. Трава здесь была тоньше, большая ее часть затвердела, превратившись в красные и желтые пятна. Ветер выдул из кальцинированных листьев странные фигуры. В них я увидел искривленные рты, согнутые руки, скрюченные

пальцы, опухшее ухо и десятки других неясных фрагментов человеческих страданий. Ветер вырвал мертвую растительность и, свернув ее в клубок, раскатал по земле, грохоча, как пустые птичьи клетки. Тут и там валялись израненные пни древних деревьев, кожа которых давно превратилась в камень.

Ветер принес с собой вонь серы. Очень смешно, подумал я. До пяти лет я уже наелся шуток про серу, и мне совсем не хотелось получить еще одну из заброшенной деревни. "Что это за запах?" сказал я.

Азра покачала головой и отмахнулась от вони. Она выглядела милой, как божья коровка, хмурясь и морща свой веснушчатый нос.

"Скала пукает!" воскликнул Тюдор. Он вскочил на ноги и указал на землю у северной стены, недалеко от ближайшего входа в шахту. Из одного из многочисленных регулярных шрамов на скале на секунду показалась пылинка красной пыли, а затем она растворилась в ветре. Мгновение спустя появилось еще одно пыльное извержение, за которым последовало такое же зловоние.

"Хорошо", - сказал я. "Давайте сделаем это быстро. Что Следопыт хотел здесь увидеть?"

Тюдор указал на другую сторону кладбища, где у стены утеса стоял одинокий мавзолей.

Я прошел мимо руин кладбищенских ворот. На каменных колоннах когда-то была резьба, но ветер стер изображения до неразборчивых кусков и ям. По обе стороны от них виднелись красные пятна - когда-то между ними висели железные ворота. Такие же колонны виднелись по обе стороны, образуя одинокую линию забора до самых стен каньона.

Тюдор не последовал за нами. Вместо этого он указал на груды камней, которая лежала на каменной колонне. Он достал из кармана еще один камень и добавил его в кучу. "Я иду в эту сторону".

Мы с Азрой прошли мимо ворот. Она нарисовала крылья Десны над своим сердцем, и я скопировал ее жест. Тюдор пробормотал молитву Фаразме и прижался к краю колонны, не желая сдвинуться ни на шаг.

"Жди здесь", - сказал я ему. "Следи за нашими спинами".

Он скорчил гримасу и покачал своей большой головой, в равной степени стыдясь и благодарный за то, что я позволил ему сорваться с крючка.

Только несколько надгробий остались стоять. Большинство склонилось к востоку или лежало лицом к земле, наполовину зарывшись в нее. Я посочувствовал.

За надгробиями находились обветшалые могилы, легенды о которых давно стерли ветер и дождь. За могилами, встроенными прямо в стену горы, находился гранитный мавзолей.

Мавзолей, укрытый скалой, пострадал меньше, чем другие памятники. Я все еще мог различить изображения урожая по обе стороны: снопы пшеницы, косы для их сбора и весы, на которых их взвешивали. Если бы босс был здесь, он мог бы утомить нас лекцией о символизме плодородия в усталавской ветви фаразминского культа. Если бы это означало, что он еще жив, я бы с удовольствием послушал.

Пара ангелов с обломанными крыльями прижалась к столбам возле каменной двери мавзолея.

Каждый из них поднял руку, чтобы поддержать надгробие - шестиугольный ромб со знакомым высеченным лицом. Я показал Азре монету, которую мне дала Малена.

Она посмотрела на нее с тем же сомнительным выражением, что и раньше. Она сравнила ее с лицом на ключевом камне и снова посмотрела на меня. Скептицизм рассеялся, когда она снова посмотрела на монету, а затем на меня.

"Кто он?"

Она пожала плечами и написала: "Очень старая монета".

"Он граф? Принц? Он изображен на монете, значит, он должен быть важной персоной".

Медь, - подписала она, пренебрежительно пожав плечами.

"Да, - согласился я. Должно быть, он не был настолько важен, чтобы оказаться на наименее ценной монете".

Мавзолей выглядел как памятник, который челишские вельможи хранили, чтобы их потомки могли навещать и оплакивать их саркофаги в годовщину смерти. Это был достаточно мрачный обычай, и я не удивился бы, если бы мы переняли его у Усталавов.

Что ты делаешь? спросила Азра.

"Ищу вход".

Нет, - ответила она. Не беспокой мертвых.

"Пойдем", - сказал я. "Уверен, он оценит небольшую уборку, несколько молитв от пары, возможно, дальних родственников".

Нет, - повторила она. Запечатано. Ты не должен открывать.

Возможно, она права, подумал я про себя. Вокруг двери не было никаких очевидных механизмов, и, хотя у меня было все мое туристическое снаряжение, оно больше подходило для проникновения в офис на складе, а не в тысячелетнюю гробницу. Кроме того, твердил я себе, ведь я пришел сюда, чтобы узнать о "Следопыте" босса. Если она пришла сюда, чтобы исследовать эту гробницу, она должна была найти способ проникнуть внутрь.

Поскольку я умнее, чем кажусь, я наблюдал, прежде чем прикоснуться, но не было никаких признаков спускового крючка противовеса или даже поручня. Я обошел вокруг маленького здания и забрался на его крышу, но кроме тройки узких оконных щелей, закрытых карнизами с обеих сторон, никаких порталов я не обнаружил.

Статуи ангелов были именно такими, какими казались, - неподвижными на мои прикосновения. Я не заметил никаких признаков ржавчины, стекающей со скрытых зубцов или рычагов. В конце концов, мне пришлось признать, что каменную дверь вряд ли сможет пробить какая-нибудь бригада разрушителей с кирками и молотками. Я попробовал толкнуть дверь плечом, сильно надавливая на нее во всех направлениях. Для пущей убедительности я пнул дверь ногой и тут же пожалел об этом. Она была тверда, как гора.

Я вздохнул и прислонился к двери, думая о том, как сдаться, чтобы это прозвучало как моя собственная идея, а не как капитуляция. При первом же нажиме руки я почувствовал на

ладони колючку, и каменная дверь с сухим скрежетом опустилась на пол.

Я повернулась лицом к Азре, чтобы успеть надеть маску уверенности. "Видишь ли, сестра", - сказал я. "Нет ничего, что я не мог бы открыть".

Она уставилась в гробницу, широко раскрыв глаза. Я заслонил глаза от оставшегося дневного света и тоже заглянул внутрь. Пыль взвихрилась со всех поверхностей, а на полу не было никаких отпечатков. Интерьер напоминал маленькую часовню со статуями святых и героев вдоль боковых стен, все они были повернуты так, чтобы смотреть на каменный гроб в алтарной части. Слабый серый свет падал из скрытых щелей на верхнюю часть вертикально стоящего саркофага, на котором было высечено изображение человека, держащего золотой скипетр. У его ног лежала вырезанная корона. Я не понимал, что застыл на месте, пока Азра не дернула меня за руку.

Что? - спросила она.

"Принц волков", - пробормотал я, на мгновение не понимая, говорю ли я сам с собой или приветствую мертвеца.

Она шлепнула меня по руке. Я проигнорировал ее, думая, что она просто собирается снова насмеяться надо мной, но она продолжала шлепать меня, пока я не повернулся. Она указала позади нас, на кладбище.

"Каменные пуки" Тюдора появлялись все чаще, только теперь красная пыль не рассеивалась на ветру. Вместо этого она скапливалась в маленькие облачка, которые перемещались по двору, словно в поисках чего-то потерянного. Одни исчезали в земле, другие проскальзывали внутрь водорослей и надевали их как броню. Через несколько мгновений из земли вокруг надгробий вырвалось еще больше газообразных извержений, а из земли показались первые белые пальцы костей, которые продолжали появляться.

Азра зашипела и потянула меня за руку. В ее руке появился звездный нож, и она держала его как защитный тотем. Не успели мы сделать и нескольких шагов вглубь кладбища, как нас окружили.

Никто из беспокойных мертвецов не был полным скелетом, да и состояли они не только из костей. В красных облаках крошечные металлические ручки гробов, почерневшие от старости, висели в подвешенном состоянии рядом с комочками земляной слизи, поднявшейся из глубокой сырости. Половина черепа висела на том месте, где в человеческом теле могло бы висеть сердце. Вместо головы извивался клубок многоножек, одно из насекомых было окольцовано потускневшим серебряным обручальным кольцом. Духи ковыляли к нам на дребезжащих ногах, состоящих из ребер и ключиц.

Я ударил кинжалом из сапога по одному из ближайших. Лезвие прошло насквозь, не изменив курса. Я метнул еще один, который пронзил таз, прежде чем крутануться в сторону. Дух, казалось, ничего не заметил.

"Быстрее", - кричал Тюдор, в ужасе пританцовывая у края ворот. Позади него я увидел волков Скзарни, ползущих к кладбищенской стене.

"Сюда!" крикнул я. Темный волк, возможно, Малена, двинулся ко мне. Двое других двинулись следом, но рык серебристого Драгоса остановил их. Он сел, чтобы посмотреть, что будет происходить, и остальные послушались его примера.

"Надо было убить этого сукина сына", - пробормотал я. Азра не обратила на меня внимания. Она рассыпала вокруг нас кольцо серебристого пепла. Ее руки двигались, как зачарованные кобры, и кольцо ожило, но лишь на мгновение. Прежде чем вокруг нас успела образоваться божественная стена, пронесся красный ветер и развеял сверкающую пыль.

"Что теперь?" сказал я.

Азра дернула головой в сторону гробницы, произнося очередное заклинание. Она повернула руки и щелкнула ладонями наружу. Луч серебристого света пронзил ближайшего духа, который обмяк, как медуза, и рухнул.

"Скажи мне, что ты можешь делать это весь день", - сказал я.

Азра покачала головой и продолжила отступать в мавзолей. Я вытащил большой нож и прикрыл ее, как мог, не мешая. Она хлопнула меня по плечу, и когда я повернулся, чтобы посмотреть, написала: "Держи дверь". Она закружилась в танце, ее ноги оторвались от земли, и она поднялась по воздушным ступеням на вершину саркофага. Там она продолжила свой ритуал.

"Хорошо", - сказал я, повернувшись лицом к собравшейся толпе. Каждый из духов представлял собой отдельную мешанину из пыли, плесени и фрагментов костей, и трудно было понять, где кончается один и начинается другой. Некоторые накладывались друг на друга, пробираясь вперед, и это было единственное, что их объединяло: они шли за нами.

Я направил свой нож на ближайшего духа. Лезвие шипело, как горячий нож в масле, и нежить на мгновение отпрянула, но потом снова набросилась на меня.

"Что бы ты ни делала", - обратился я к Азре, - "делай это быстро".

Золотой свет наполнил внутреннее пространство гробницы. У порога духи замешкались. Один из них высунул красноватый усик, который, купаясь в божественном сиянии, испускал пар и сильную серную вонь. Несмотря на боль, или раздражение, или любое другое чувство, которое испытывал дух, он потянулся вперед, сначала медленно, но потом все увереннее.

"Недостаточно", - сказал я. "Что еще у тебя есть?"

Азра бросила на меня взгляд, полный отвращения. Она жестом показала на мой нож и подошла к нему серебряным светом. Помогай, - приказала она.

"Рад", - прорычал я, нанося удары по духам, которые проникали внутрь через открытый свод. Теперь мой клинок шипел, рассекая их воздушные тела. Когда я задевал кость, она трещала, и куски жирной материи сползали с их ран и пузырились на полу гробницы. Я рубил и колот, как безумный мясник, но они все равно наступали. Каждого, кого я укладывал, они оттесняли на шаг назад.

Азра закричала, привлекая мое внимание. Она указала на пикообразный потолок, где через оконные щели просачивалось все больше духов. Одна газообразная фигура выпустила свои кости и дерн, чтобы влажно стукнуться об пол, а затем плюхнулась сверху, чтобы вновь обрести контроль над своими фрагментами. Азра сожгла его еще одним святым лучом, но выражение ее лица стало отчаянным. Я не думал, что она сможет сделать это снова, и, судя по всему, она не знала, с чем еще ей придется сражаться.

Нежить оттеснила меня назад, и я потянулся, чтобы коснуться руки Азры. Я посмотрел на нее,

но она покачала головой.

Затем она начала танцевать.

Комната наполнилась похожими на светлячков огоньками, и везде, где они зажигались, полупрозрачная субстанция духов трещала и плевалась.

Если бы с нами было еще трое таких, как Азра, мы могли бы победить. Но потом светлячки потускнели.

"Мне жаль", - сказал я. "Я не должен был..."

На секунду мне показалось, что это закричала Азра, но звук доносился от входа в гробницу, где лезвие ослепительного света, словно коса, пронеслось над нежитью. Там, где меч касался их гнилых останков, он не просто резал, а уничтожал. Духи испарялись от его прикосновения, кости чернели и рассыпались, могильная грязь разлеталась в пыль.

В считанные секунды штурм закончился, и в дверном проеме, необъяснимо сопровождаемый огромной собакой, стоял Вариан Джеггар, граф Челиакса, капитан "Следопытов" и мой начальник. Он поперхнулся при виде меня, и на его глаза навернулись слезы.

Я почувствовал, как из моего бурлящего желудка поднимается большое мускусное чувство, но я проглотил его и попытался придумать умное высказывание. Ничего не приходило на ум.

Глава пятнадцатая: Могильники

Радован, естественно, был ошарашен моим внезапным появлением, но, помимо многих других достоинств, мое мягкое воспитание подготовило меня к тому, чтобы встречать самые неожиданные повороты судьбы с изяществом и апломбом.

К сожалению, Арнисант, как я назвал гончую, не разделял моего спокойствия, вскакивая и лая от возбуждения. Мне пришлось обратить все свое внимание на то, чтобы заставить его сесть, а затем я выдернул из рукава носовой платок, чтобы вытереть древнюю могильную пыль с глаз, прежде чем заговорить.

"Хорошая собака", - сказал Радован. Он продемонстрировал одну из тех однобоких ухмылок, которые стали так редки в последний год или около того. Она не достигла полного эффекта его угрожающей улыбки, но заставила Арнисанта с хныканьем лечь у моих ног.

"Надеюсь, ты цел и невредим, - ответил я, удивляясь не только тому, что он жив, но и тому, что у него нет явных признаков ранения. Одно только падение с моста Сенир должно было стать смертельным. Затем я заметил звездный нож в руке женщины рядом с ним. На первый взгляд, она была крестьянской девушкой, но держалась с уверенностью, которую можно ожидать от старейшины деревни. Учитывая сияние недавнего освящения, наполнявшее комнату, я предположил, что она священнослужитель, и поклонился ей в варисском стиле. "Да улыбнется тебе Десна, сестра".

Она ответила на мою любезность кивком. В других обстоятельствах я мог бы обидеться на ее предположение о более высоком статусе. Возможно, у нее было мало опыта общения с людьми более высокого класса, поскольку она оставила свое представление Радовану. "Она - Азра", - сказал он. "А большой парень..." Его рот приоткрылся, словно для того, чтобы поймать мысль, которая тайком ускользнула. "...это Тюдор".

Радован бросился из мавзолея, Азра за ним по пятам. Мы с Арнисантом последовали за ним, остановившись только для того, чтобы забрать ранец, который я обронил у мавзолея. Неподалеку мой призрачный конь смотрел на меня без эмоций. Долго это продолжаться не могло, поэтому я мысленно отмахнулся от него, и он растворился в пустоте.

Свет меча Галдана померк после того, как он уничтожил последнего из беспокойных мертвецов, но, благодаря их остаткам или затухающему духу самого места, меч все еще излучал достаточно света, чтобы показать нам дорогу через разрушенное кладбище.

Сразу за его стенами группа мужчин и женщин одевалась в одежду, которую они достали из большого потертого ранца. Ранее я видел только стаю волков, которых привлек туда святой свет и знакомый голос, кричавший изнутри. Животные разбежались при моем появлении, вероятно, их спугнул вид клинка Галдана, хотя Арнисант, несомненно, гордился тем, что прогонял их своим свирепым лаем, когда бежал рядом с моим призрачным конем.

Судя по их одежде и по тому, как они демонстрировали свои татуировки, я понял, что они были скзарни, особая порода варисских отбросов. Хуже того, добавив к увиденному ранее их наготу, я понял, что мы стоим среди оборотней. Я крепко сжал меч и коснулся свитка, засунутого за пояс. Радован и Азра подошли к скзарни так, словно были с ними знакомы.

Возле развалившихся столбов ворот пара голых мужчин угрожала огромному ребенку-мужчине, предположительно Тюдору. Задиристые скзарни смеялись, пока Тудор корчился, но их поведение изменилось, когда к ним подошел Радован. Старейшина, худой мужчина с фантастической белой гривой и длинными усами, скрестил руки в жесте, призванном передать беззаботность, но по его позе было видно, что он не уверен в себе.

"Мы поймали этого крестьянина, который шпионил за тобой, мой князь", - сказал другой мужчина, толстый и волосатый человек с бараньими усами. Несмотря на его наглый тон, Радован проигнорировал его и пошел прямо на старика. Он притворно попытался схватить его за горло, но когда скзарни поднял руки, чтобы защитить лицо, Радован ударил его по ногам и повалил на землю. Он последовал за ним и нанес ему полный удар в грудь локтевой шпорой. Из прошлого опыта я знал, что шпоры Радована недостаточно длинны, чтобы пронзить сердце, но я не мог не вздрогнуть, когда треск грудной кости скзарни эхом разнесся по всему каньону.

Радован вскочил на ноги и повернулся спиной к раненому, который лежал и хрипел, слишком оглушенный, чтобы поднять руки к ране. Рядом со мной Арнисант опустил свое тело и рычал на чужаков, а Азра шипела от боли.

"На землю, нелояльные проклятые!" - прорычал Радован. Остальные мужчины и женщины упали на руки и колени, некоторые остались полуодетыми. Хотя обычно он сохранял спокойствие, я и раньше видел Радована в гневе, сражающимся за свою и мою жизнь, но в этот раз ярость была на нем как ореол. "Если хочешь следовать за мной, то, черт возьми, приходи, когда я позову!" - крикнул он на удивительно правдоподобном варисском языке. Остальное было чередой таких ядовитых проклятий, каких я не слышал с тех пор, как наблюдал, как мой сержант ругал людей во время моей первой кампании по защите Империи.

Когда он закончил, несколько человек среди скзарни попросили прощения, а остальные закончили одеваться или отвернули свои угрюмые лица. Старик с едва скрываемой ненавистью смотрел, как Радован негромко разговаривает с поразительно красивой женщиной. Она, казалось, умиротворяла Радована, сопротивление которого явно ослабевало по мере того, как она маневрировала ближе. Он всегда был уязвим для женского обаяния.

"Что все это значит?" спросил я Азру.

Долго рассказывать, - заключила она, не обращая на меня внимания и искоса поглядывая на конференцию Радована с красивой женщиной-скзарни.

"Ты - Следопыт!" крикнул я.

Она издала усталый вздох и возвела глаза к небу. Нет, - решительно заявила она. Она показала на свой открытый рот, где я увидел потрепанный обрубок языка.

"Мне ужасно жаль", - сказал я, не зная, как еще ответить на такой грубый жест. "Я граф Вариан Джеггар".

Она кивнула. Мертвый босс.

"К счастью, еще не умер". Спокойствие ее ответа заставило меня задуматься о том, как моя кажущаяся кончина повлияла на Радована. Судя по пестрой свите, которую он собрал, любой траур, который он пережил, не уменьшил его умения работать.

Тюдор подошел к Азре, настороженно избегая меня и меча, который я держал высоко, как факел. Его выступающий лоб был лишь одним из нескольких признаков гигантизма, а его детское выражение лица говорило о том, что это расстройство сопровождается некоторой степенью идиотизма. Я опустил оружие, чтобы показать, что не желаю ему зла, а он стоял рядом с Азрой, трусая, как обиженный ребенок, укрывающийся за юбками матери. Мое мимолетное сочувствие исчезло, когда я увидел, как он засунул палец себе в нос. Я сделал мысленную пометку не позволять ему прикасаться ко мне этими оскверненными пальцами.

Радован вернулся после беседы с темноволосой женщиной из Скзарни. "Малена сказала, что скзарни разбили лагерь у старой деревни, - сказал он, указав большим пальцем на местность у хребта. Возле разбитой дороги они уже развели костер и начали доставать из своих сумок удивительное количество вещей и снаряжения.

Они не боятся? спросила Азра.

"Похоже, они больше беспокоятся о кладбище", - сказал Радован. "Кроме того, я сказал им, что ты проклянешь их всех, если они оставят нас сегодня в покое".

Ты мне не указ, - подчеркнула она.

"Или так, или побить нескольких из них", - сказал он. "Я подумал, что ты сможешь использовать остальных, вместо того чтобы всю ночь танцевать им танцы на здоровье".

Они отвернутся от тебя, - предупредила она.

"Это ты сказала, что они отвернутся от меня, как только я проявлю слабость", - сказал он. "Пока я силен, они будут относиться ко мне как к своему принцу".

Азра отвесила челюсть и подняла пальцы, чтобы дать знак опровержения, но вместо этого она вздохнула и отмахнулась от его аргументов жестом разъединения, а не уступки. Я почувствовал, что между ней и Радованом возникла история споров. Она отвернулась от Радована и осмотрела Тюдора на предмет ран. Я заметил, что мальчик вытирает липкую руку о грудь своей туники.

Отвернувшись, я спросил Радована: "Князь Скарни?".

"Только из оборотней, я думаю", - ответил он.

По крайней мере, он полностью осознавал их истинную природу, но его готовность общаться с ликантропами любого рода меня удивила. Он едва не погиб от рук банды оборотней во время своей работы в презренной организации Козлопасы.

"Это те же существа, что напали на нас у моста Сенир?"

"Тот же клан", - сказал он. "Но тот, кто возглавил нападение, мертв".

"Тогда почему они преследуют тебя сейчас? Конечно, ты должен понимать, что они захотят отомстить".

"Босс, я даже не знаю, с чего начать". Прежде чем он смог продолжить, Арнисант начал лаять где-то на кладбище. Это началось как сигнал тревоги, но звуки ускорились и превратились в вой.

Мы побежали на звук, который доносился из места, расположенного прямо внутри кладбищенских стен. Тюдор остановился у ворот, раздумывая, войти ли в это проклятое место или остаться снаружи со Скарни. Когда мы добрались до Арнисанта, Тюдор, пыхтя, шел позади нас, боясь остаться один среди оборотней. Он не был полным идиотом.

Меч Галдана не блестел, но по его слабому свету мы увидели, что гончая реагирует на могилу. Несмотря на сорняки и мертвые полевые цветы на кургане, сразу было видно, что могиле несколько месяцев, а не столетий.

"Босс, зачем ты сюда пришел?" - спросил Радован.

Я указал на мавзолей. "Если я правильно проследил за ее исследованиями, моя Следопыт искала эту могилу".

"Мне неприятно это говорить", - сказал он, а затем замолчал, потому что знал, что я заметил тот же факт, что и он, когда вошел в гробницу. До того, как он и Азра потревожили ее, никто не заходил внутрь мавзолея на протяжении веков.

Пока Арнисант стоял на страже у дверей склепа, мы с Радованом обыскивали мавзолей. Работа бок о бок с ним вызвала приятные воспоминания о наших совместных усилиях по разгадке тайн и интриг моих сверстников в Эгориане. Кроме того, сосредоточенность на предмете отвлекала меня от страшных подозрений относительно того, что мы найдем на кладбище.

Драгос и Сезар нехотя раскопали недавнюю могилу в наказание за то, что не пришли на помощь Радовану раньше. Я воспользовался нашим относительным уединением, чтобы ознакомить Радована со своим опытом в Уиллоуморне, включая мои подозрения, что Казомир Галдана был учеником Ургатоа, Бледной Принцессы. За время, прошедшее после моего побега, я начала формулировать теорию, объясняющую, почему он разрешил мне доступ в библиотеку его дяди. Ему было важно, чтобы я продолжал свои исследования, даже после того, как первая попытка, предположительно неудачная, потребовала, чтобы он удалил мою память. Каким-то образом он выдал свою схему в первый раз, прежде чем получил от меня желаемое. Это могло быть только то, что он тоже хотел найти моего пропавшего Следопыта, или, что более вероятно, объект ее поисков. Если так, то его объектом должен был быть Кодекс Лакуны, который, как я знал, был связан с его ужасной богиней.

Рассказ Радована о его переживаниях после инцидента на мосту Сенир отвлек меня даже больше, чем содержимое гробницы, но древняя монета, которую ему дала Малена, была еще более интригующей. Я согласился с его мнением, что изображение на ней настолько похоже на изображение владыки на саркофаге, что они почти наверняка являются изображениями одного и того же человека. Однако даже совпадение этих улик породило еще больше вопросов. Если этот человек на самом деле был потерянным лордом Вирхольта, было трудно примирить его известность в древней хронике с погребением в этой изолированной деревне. Если он был похоронен с почестями, то его могила должна была находиться на более видном месте. В противном случае, если его смерть от рук Тар-Бафона была бесславной, можно было бы ожидать отсутствия какого-либо памятника. Последний вариант казался более вероятным, учитывая недостаток упоминаний в общепринятой истории Усталава.

"Ты говоришь, что этот парень был лордом всего региона, королем или принцем", - сказал Радован, передавая мне свой талисман. "Но это всего лишь медяк".

"Именно так, - сказал я. Я привык давать ему возможность самому отвечать на свои вопросы, но меня поразило изображение на монете. "Не кажется ли тебе это изображение знакомым?"

Радован нахмурился. "Сначала я беспокоился, что это просто совпадение, которое Малена использовала, чтобы обмануть меня", - сказал он. "А потом Азра сказала мне, что я был дураком, когда речь зашла о принце волков. Но да, я видел подобное лицо в нескольких зеркалах".

Я мог только кивнуть в знак согласия. Сходство было поразительным. Конечно, у коренных усталавцев есть общие узнаваемые черты, но я бы удивился, узнав, что Радован не был прямым потомком человека, изображенного на монете. Естественно, остальным, особенно нынешним знатым особам Усталава, потребовалось бы гораздо больше доказательств.

"Разве король не поместил бы свое лицо на золотую монету? Или на платиновой?"

"В современном Челиаксе это так. Но наша империя богаче других государств, и наши монетные дворы производят гораздо больше золотых и платиновых монет. Однако в прошлые века, особенно при такой аграрной экономике, как в Усталаве, мало кто из подданных правителя имел в руках монету богаче серебряной".

Радован сказал: "Они посадили короля на медь?"

"Во времена этого королевства так и было. Великие владыки штампуют свои изображения на монетах народа. На редких монетах изображены боги и святые, но не потому, что они занимают более высокое положение, а потому, что материальные владыки знают цену закреплению собственного лика в сознании народа. Современные графы Усталава и даже их принц забыли простую мудрость этой традиции, предпочитая в своем тщеславии видеть свои лики на более ценной валюте."

"Значит, этот парень все-таки был большой шишкой", - сказал Радован. "И ты думаешь, что это не просто совпадение, что он похож на меня?"

"Среди знатных семей Усталава есть определенное этническое сходство".

"Ты имеешь в виду инбридинг", - сказал Радован, не совсем ошеломленный этим предположением.

"Как таковых нет, но, конечно, есть много случаев близких браков для поддержания семейной

линии. Очевидно, что инбридинг не может быть главной аномалией в истории вашей семьи".

Он недоверчиво поднял бровь, но я показал ему свою ладонь в знак мира. Он кивнул, соглашаясь, что я не хотел его обидеть, и я понял, как мало я ценил нашу способность общаться на сокращенном языке жестов и мимики.

"Но очевидно, - объяснил я, - если существует родственная связь, то в какой-то момент должен был появиться адский крест. И судя по тому, что я читал об этом лорде Вирхольте, вполне возможно, что адская ветвь вашего семейного древа началась с него".

Радован рассматривал нарисованное изображение древнего владыки, хмурясь, когда представлял себе те же отвратительные сценарии, которые уже приходили мне в голову. Мне было интересно, вызывал ли Вирхольт демонических наложниц для своего удовольствия, или же он заключил дьявольский договор, обменяв какую-то услугу на вливание inferнальной крови в его смертный род.

У входа Арнисант прорычал предупреждение. За ним Малена, темноволосая женщина из Скзарни, замешкалась у входа, держа в одной руке пару кубков, в другой - цистерну.

"Арнисант, на землю", - приказал я. Он повиновался, но на шее у него зашевелились волосы.

"Осторожно, Малена", - сказал Радован, когда она проскользнула мимо нашего стражника. "Я думаю, это волчья гончая".

Если Малена и сочла его замечание юмористическим, она хорошо это замаскировала. Не сводя глаз с гончей, она поставила на пол кубок, а другой наполнила темным вином. "Вы, должно быть, хотите пить, милорд".

"Действительно", - сказал я, поднимая руку, чтобы принять кубок. Она смутила меня, передав вместо этого напиток Радовану.

Радован едва скрыл ухмылку. "Простите, босс. Принцы раньше графов".

Было бы забавнее, если бы это случилось с кем-то из моих сверстников, но поскольку никто из них не присутствовал, чтобы наблюдать за моим смущением, я пропустил это мимо ушей с принужденной улыбкой. Менее забавно было наблюдать за обеспокоенным взглядом Радована, когда я принял второй кубок, наполненный Маленой. Не было никаких сомнений в том, что я излишне объедаюсь во время миссии, а принц волков или слонов, он был не в том положении, чтобы выносить приговор графу Челиакса.

"Чьи это кости?" - спросила Малена, проводя пальцем по пыли на поверхности саркофага.

"Разве ты не узнаешь его?" - ответил Радован.

"Это подобие Князя Волков", - кивнула она. "Но это не может быть им".

"Почему ты так говоришь?" спросил я.

"Его последний наказ моим людям - перенести его в тайную гробницу, далеко от любой деревни".

"Куда?"

"Это было секретно", - пожала она плечами. "Те, кто забрал его, не вернулись к нашему народу,

поэтому знания не могли быть украдены".

По восторженному выражению лица Радована я понял, что для него это тоже новость. "Что еще ты можешь рассказать нам об этом Принце Волков?"

"Говорят, он родился здесь, в горах, - сказала она, - еще до времен лича, много поколений назад. Он был сыном последнего короля Усталава. Его отец и отец его отца охотились на нас, но он заключил мир с нашим народом".

"С оборотнями?"

"Нет", - сказала она. "Наш народ тогда был только людьми, странниками, как и другие Скзарни. Именно этот принц дал нам дар ночи, чтобы мы могли лучше сражаться против Шепчущего Тирана".

"Принц был оборотнем?"

"Нет", - сказала Малена. "Он был великим колдуном, очень могущественным".

Мне было приятно слышать, что устная история подтверждает письменную хронику, которую я читала. "Что с ним случилось?"

"Точно неизвестно", - сказала она. "Шепчущий Тиран обнаружил, что принц не верен ему. Он послал военачальников в горы, чтобы найти его, но не раньше, чем принц похоронил секреты, которые он украл у лича".

"Почему ты не рассказала мне обо всем этом раньше?" - спросил Радован.

"Ты проводишь все свое время с ведьмой Азрой", - сказала Малена, возмущенно подняв подбородок. "Я расскажу тебе много других вещей, если ты захочешь".

На лице Радована появилась слабая улыбка, но он отмахнулся от увертюры Малены, создав новый прецедент в моих наблюдениях за его общением с привлекательными женщинами. Возможно, он наконец-то стал более проникательно подходить к расчетливым связям.

"Остается вопрос, - сказал я, - если принц не находится в этой гробнице, то кто или что там находится? Это лейтенант? Близкий родственник?"

"Может быть, его здесь вообще нет", - предположил Радован. "Может быть, это просто ловушка для Шепчущего Тирана?"

"Призраки", - сказала Малена. "Лучше не открывать".

Их предположения были не хуже моих, но я не мог просто оставить гробницу без исследования, не после того, как прошел по следу так далеко.

Я выпил последний глоток вина и вернул кубок Малене. "Спасибо за угощение", - сказал я. "Теперь вы должны оставить нас, чтобы осмотреть саркофаг".

Она посмотрела на Радована в поисках разрешения, и он кивнул и вернул свой кубок. Она поклонилась ему, а после минутной неуверенности и мне. Она прошла мимо подозрительного Арнисанта и удалилась.

Я обернулся к гробу и увидел, что Радован ухмыляется мне вслед.

"Что?"

"Прости", - сказал он. "Я все еще привыкаю к тому, что ты здесь, да еще и с волшебным мечом какого-то паладина. Босс, я рад, что ты не умер".

"Уверю тебя, это чувство взаимно", - сказал я, чувствуя себя неловко из-за заунывного выступления. "Теперь, я полагаю, моя помощница думала, что найдет в этом саркофаге нечто большее, чем труп, какую-то подсказку к арканным секретам, которые Вирхольт скрыл от Шепчущего Тирана". Я заглянул в шов саркофага, отметив, что он был заложен. Меня больше беспокоили магические барьеры.

"Может быть, он спрятал все это по веской причине", - предположил Радован, опустившись на колени, чтобы внимательнее осмотреть гроб. У него был острый глаз, и иногда он замечал то, что я упускал из виду.

Я пробормотал согласие.

"Тогда, может быть, это плохая идея - раскапывать его, а?"

Я не смог подавить усталый вздох. Мы, Следопыты, должны вечно защищать свою деятельность от тех, кто не понимает нашей миссии. "Все не так просто", - объяснил я. "Хотя представители моего общества стремятся к знаниям по разным мотивам, большинство считает, что знания никогда не должны быть потеряны. Знание само по себе не является ни добром, ни злом, хотя, конечно, его можно использовать в любых целях. Например, что если бы лорд Вирхольт открыл способ уничтожить Шепчущего Тирана, а не просто сдержать его, как это сделали крестоносцы?".

"Если это так, почему он сам не уничтожил лича?"

"Возможно, ему не хватало ресурсов или сил", - пожал я плечами. "Не имея других доказательств, мы можем только предполагать. Дело в том, что мы не можем знать его мотивы, пока не узнаем, что он скрывал. Только тогда мы сможем решить, стоит ли делиться этим знанием, как и с кем. Это может уберечь мир от большой беды в тот пророческий день, когда Тиран вырвется из своей тюрьмы".

Выбрав соответствующий свиток, я вызвал его и увидел мир словно сквозь матовое стекло, воспринимая ауру каждого магического воздействия поблизости. Меч Галдана пылал бледно-голубым божественным сиянием. Статуи и стены склепа были колеблющегося желтого цвета, что свидетельствовало о смещении слабых магии преграждения и иллюзии. В основании саркофага, однако, клубились темно-красные и фиолетовые потоки - активная и мощная некромантическая аура. Интенсивность магии была такова, что епископ Кавалешты, прежде чем тревожить ее, обратился бы за помощью к паладинам Ластволла.

"Поразмыслив, - сказал я, - один уважаемый коллега недавно предположил, что тайны Усталава не приветствуют преждевременного пробуждения". Когда Радован поднял бровь, я объяснил, что показал мой кантрип.

"А что насчет крышки?" - спросил он, протягивая руку к золотому скипетру в руке статуи. "Я думаю, это отдельная часть".

"Будь осторожен", - сказал я, отпихивая его руку, но потом поддался собственному любопытству и провел пальцем по его поверхности. Она была фланцевой, как мендевская булава, но ее витиеватые выступы были слишком малы, чтобы служить гранями настоящего

оружия. Поддавшись внезапному порыву, я схватил скипетр и повернул. Он не сдвинулся с места.

"Это стоило бы толстого кошелька для правильного скупщика", - сказал Радован.

"И еще больше для законного коллекционера", - добавил я. "Но его конструкция любопытна. Он больше похож на ключ, чем на оружие".

Радован обошел саркофаг под лучшим углом и схватил скипетр. Даже когда он наклонился вперед для опоры, скипетр легко выскользнул из руки повелителя могил.

Он посмотрел на меня с извиняющимся выражением лица. "Вы, должно быть, ослабили его для меня, босс".

"Нет", - сказал я, обдумывая то, что он рассказал мне о своем предыдущем входе. "Дверь в гробницу также открылась от твоего прикосновения, не так ли?"

Он кивнул.

"И у нас есть все основания подозревать, что ты производишь из той же семьи, что и человек, похороненный здесь. Если это так, то этот ключ может открыть тайный склеп, тот самый, в который предки Скарни перенесли своего мертвого принца. Благодаря ключу и присутствию предка принца, хранилище может быть открыто".

В глазах Радована блеснула искра алчности. "Ты думаешь, в этом хранилище есть сокровища?"

"Возможно", - сказал я. "Но знание - это то сокровище, которое мы ищем".

"Сокровища?" - раздался голос позади нас. В дверях появился Драгос, голый до пояса, грязный и потный. Он бросил на пол грязную лопату и сказал: "Готово".

Ваша могила была не более чем неглубокой канавой, покрытой несколькими футами земли, которой не хватало даже для того, чтобы защитить ваше тело от дождевой влаги. Только благодаря вашей необычной физиономии я узнал ваш истлевший труп".

"Это же полу-орк", - сказал Радован с преждевременным вздохом облегчения. Затем он увидел мое выражение лица и понял правду. "Босс, мне очень жаль".

Скарни установили фонари вокруг могилы во время раскопок, и при их свете я искал хоть какой-то признак того, что ошибся в вашей личности. Один взгляд на кольцо Кайдена Кейлина, которое вы с такой гордостью выиграли у своих сверстников в Абсаломе, разрушил слабую надежду на то, что какой-то другой исследователь встретил здесь свой конец.

Судя по виду вашего тела, я понял, что вы были мертвы еще до моего отплытия из Челиакса. То, что мое путешествие было бесполезным с самого начала, было слабым утешением для того, чтобы узнать о вашей смерти. Я все еще чувствовал, что подвел вас.

Рана на вашем горле указывала на то, что вы были захвачены врасплох, а не беспокойными мертвецами. Я слабо надеялся, что конец наступил быстро, поскольку желать, чтобы этого не случилось, было бесполезно. По крайней мере, у вашего убийцы хватило порядочности похоронить вас, пусть и не очень хорошо. Я шагнул в могилу.

"Босс", - сказал Радован, - "позвольте мне это сделать".

"Нет", - сказал я ему. "Она была моим агентом".

Когда я поднял Вас на руки, Ваш журнал вывалился. Я передал ваше тело Радовану, который аккуратно положил вас на землю. Взяв ваши записи, я выбрался наружу, мокрый и холодный от могильной грязи, и прижал их к груди.

"Копайте глубже", - сказал я окружающим скзарни. "Шесть футов".

Драгос фыркнул. "Копай сам, меняющийся".

"Сделай это", - сказал Радован, вмешавшись прежде, чем я успел обратить свой гнев на воинственных скзарни. "Я хочу закончить все до рассвета".

Драгос и Сезар ушли, бормоча проклятия, а Малена подняла одну из лопат и передала ее другой женщине-скзарни. Милош побежал за той, которую Драгос оставил в гробнице.

Я чувствовал себя невыразимо усталым, и Радован взял меня за локоть, чтобы отвести в лагерь. Там он помог мне раздеться и укрыл одеялами в шатре скзарни. Арнисант вошел, повернулся несколько раз и устроился рядом со мной.

Окончательный вариант перевода книги можно найти во вконтакте или бусти(ссылки ниже).

Как только он будет готов.

Если Вы найдете ошибки в тексте то, пожалуйста, напишите мне электронное письмо на почту: ttrpgs@protonmail.com

Подписывайтесь и поддержите мой небольшой проект!

Вконтакте: <https://vk.com/ttrpgs>

Бусти: <https://boosty.to/ttrpgs>

Спасибо за внимание!

Перевод: Senar

<http://tl.rulate.ru/book/61956/1610742>